

ИСПОВЕДЬ УХОЖАНИНА

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
ЗАХОЖАНИН, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО	2
Я БОЛЬШЕ НЕ ХОТЕЛА ЖИТЬ В ИЛЛЮЗОРНОМ МИРЕ.....	13
ДОРОГА К ХРАМУ И ОБРАТНО	21
ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ НЕОФИТА.....	27
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ШИШКИ ПИНИИ	29
ЧЕРТОВА КУКЛА	45
ПОЧЕМУ Я БОЛЬШЕ НЕ.....	51
ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА В ЦЕРКВИ Я ПРЕВРАТИЛСЯ ИЗ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛНОЕ ДЕРЬМО	54
ЕСЛИ ЦЕРКОВЬ НЕ МОЖЕТ ДАВАТЬ ЧЕСТНУЮ ОЦЕНКУ, ТО НЕЧЕГО И ПРИКИДЫВАТЬСЯ НЕВЕСТОЙ ХРИСТОВОЙ	59
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ	61
ПРИСЕЛ НА ОБОЧИНЕ	76
БОГ — ЭТО СВЕТ ИЛИ ТОТ, КТО НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН?	78
О ТОМ, КАК ЦЕРКОВЬ БОЛЬШАЯ МОЖЕТ УНИЧТОЖИТЬ ЦЕРКОВЬ МАЛУЮ...	87
И ТОГДА ВПЕРВЫЕ Я УСЛЫШАЛА В ГОЛОВЕ ГОЛОС СЕБЯ, ЗАБИТОЙ И ИЗМУЧЕННОЙ: «НАДОЕЛО»	94
ПОЧЕМУ НИКТО НЕ СКАЗАЛ МАЛЕНЬКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МАШЕ, ЧТО ОНА НЕ ПЛОХАЯ?..	99
ВЕРЮ ИЛИ МНЕ КАЖЕТСЯ?	102
ЕСЛИ ЭТО ПРОМЫСЕЛ БОГА, ТО КАКОЙ ЦЕЛИ ОН, КАК ПЕДАГОГ, ХОЧЕТ ДОСТИЧЬ?	105
КАК ПРАВОСЛАВНЫЕ РОДИТЕЛИ МОГУТ ВОСПИТАТЬ «САТАНИСТКУ»	110
НО ЕСЛИ МОЯ ДУША ПОГИБНЕТ — ЧТО БОГ?.....	115
КОГДА ЗАКОНЧИЛИСЬ ЧАСТИЧКИ.....	117
РЕЛИГИЯ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ, ИЛИ ПОЧЕМУ Я НЕ ПОПАДУ В РАЙ	118
ПОЧЕМУ Я (НЕ)ВЕРЮ	121

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этот сборник мы собрали тексты нашего проекта «Ахилла», которые в основном посвящены теме расцерковления. Наши авторы вслух размышляют на тему, почему они однажды пришли в храм (религию, православие, РПЦ) и почему ушли.

ЗАХОЖАНИН, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

Яков Лисицын

«У кого чего болит, тот о том и говорит» — есть в русском языке такая пословица-упрек. Она же — и моя личная мотивация писать о том, что не отболело, не прожито, не закрыто и не интегрировано как переживание и опыт.

В РПЦ принято называть людей моего типа емким словом «захожанин» — значение всем понятно, наверное. Зашел человек в храм — и вышел, не проникшись. Я, однако, какое-то время честно пытался “проникнуться”, но не хватило силы воли. Это теперь я понимаю, что и в безволии может быть спасение — не из горящего огнем ада, но из коварно затягивающего психологического болота.

На пути «туда»

1980-е, первая половина

Первое упоминание о Боге, которое врезалось в память после просмотра в качестве «киножурнала» советского антирелигиозного ролика. Сюжет: дети весело зимой играют на улице, а мимо них идет в церковь мать с ребенком того же возраста. Ребенок тоже хочет играть, но мать строго его отчитывает и тянет за руку за собой, перекрестя. На лице ребенка непередаваемое выражение скорби, это вызывает сильное сочувствие. А также смешанное ощущение отвращения и страха.

1984, лето

Первый в жизни и во многом случайный визит в храм пришелся на летние каникулы, когда мы с мамой приехали к ее дальней родне в Западную

Украину: увидев коленопреклоненный молебен, я тоже со всеми селянами захотел встать на колени, но мама меня удержала.

Ощущение прикосновения к какому-то потустороннему миру.

1980-е, вторая половина

Попалась на глаза книга Наталии Роллечек «Деревянные четки». Повесть о том, как в довоенной Польше монахини в католическом приюте издевались над девушками-воспитанницами. Это, конечно, не ужасы Дюплесси, но повесть автобиографична.

Чувствовал праведный гнев и сочувствие к главной героине.

1990, лето. Крещение

Следующий решительный шаг «туда» состоялся не вполне по моей воле. Оказывается, бабушка давно хотела окрестить не только меня, но и невестку – мою маму. Для этого она договорилась со своей племянницей из Петербурга, что мы с мамой приедем к ней, и она нас «покрестит». Незадолго до этого я впервые прочитал все Евангелия, которые в том далеком 1990-м году стало возможно достать и прочесть.

Возражений против бабушкиной инициативы я не нашел – событие состоялось летом того же 1990-го года. Так Питер стал моим вторым родным городом.

Ощущал смесь любопытства со страхом: что-то теперь будет и как с этим жить?

1990-1994

Дальше свое дело начала играть заинтересованность: я решил более подробно изучить ту веру, в которую крестился, и начал читать соответствующую литературу, начиная, естественно, с Нового Завета. Плюс – параллельно – Солженицын и Шаламов, чтение про лагерь и про стойкость духа верующих в условиях заключения. Из этой литературы я постепенно сделал следующие выводы:

- «Все суета и томление духа» (Экклезиаст) – следовательно, любое дело, которым ты занимаешься, как минимум для души не полезно, а если ты прикладываешь к нему эту самую душу – еще и вредно, так как «прилепляешься к земному и забываешь небесное»;

- Христианской жизни можно научиться у подвижников. Сложнее, но можно, научиться ей по книгам свв. отцов (архимандрит Лазарь Абашидзе «Грех и покаяние последних времен» — если не ошибаюсь). Это я и взял на вооружение;
- Десять заповедей Моисеевых. Ох, сами по себе они, может, и справедливы, но невыполнимы. Наложившись в моей голове на такой апокриф, как «Мытарства преподобной Феодоры», они образовали горючую смесь в виде прямых указаний о том, как соответствовать несуществующему образцу праведника и при этом полностью потерять контакт с самим собой. Позже потеря этого контакта и стала одной из причин поиска путей «отсюда»;
- «Откровение Иоанна Богослова» как подтверждение того, что все бессмысленно и бесполезно.

Христианин из меня вырисовывался безвольный и депрессивный. Чувствовал себя ничтожеством и сильно переживал за свое спасение, ибо «не мог служить двум господам — Богу и маммоне». Совета по этому поводу ни у кого не спрашивал, хотя двое из моих друзей крестились и начали проповедовать благую весть мне.

Первая остановка в пути. На пороге храма

На входе в храм я представлял собой молодого человека с неопределенными желаниями, необремененного семьей, но имеющего много психологических проблем, в том числе — комплекс неполноценности и чувство вины. То есть — идеальный кадр для церкви, обвиняющей прихожан в том, что «каждый считает, что он — нечто, и нечто немаловажное» (св. Феофан Затворник, цитировался в книге архимандрита Иоанна Крестьянкина «Опыт построения исповеди»).

Таким образом, в храм я зашел с убеждением, что являюсь дико грешным человеком, и потому мне просто необходимо исповедоваться и причаститься, и тем самым, возможно, избежать адских мук.

1995, поздняя весна — после Пасхи

И вот, на дворе 1995-й год и первое сознательное Причастие. Готовился к нему как и положено, три дня не пропуская внутрь себя ни одной вермишелины. Из-за чего имел разногласия с мамой на тему «я не хочу готовить каждому отдельные блюда».

Первая исповедь перед причастием прошла в стиле «аще чего утаиши, сугубый грех имаши», что преобразилось в моем случае в необходимость подробно записать все припомнившиеся поступки и «помыслы». Священник увидел на аналое исписанных мелким почерком листов пять, сказал «потом прочту» и допустил.

Что я чувствовал после первого Причастия? Не столько радость, сколько удовлетворение от решительно сделанного шага. Однако на следующий же день я ощутил какое-то отвращение к себе, чувство собственной неполноценности и никчемности. Если бы я знал тогда, что это никакой не глас Божий, а банальная экзальтация с обратным знаком...

С этого момента начинается вторая стадия моих отношений с церковью.

«Там»

1995, осень

Прошло лето, наступила осень, а с ней и второе Причастие. После которого я пропускаю храмовый праздник (в том храме было три престола, и праздников таких соответственно тоже было три). И на следующей исповеди получаю от настоятеля грозный выговор:

— Ты не пришел на храмовый праздник! Это все равно, что не прийти на день рождения собственной матери!

Это был первый момент, когда я почувствовал неладное. Душа сжалась от такого обвинения, ибо я все еще представлял священника как «имеющего право вязать и решить».

Второй такой момент также не заставил себя долго ждать: как-то рассказав на исповеди, что не могу держать пост, так как матери трудно готовить разные блюда, нарвался на резкий ответ того же настоятеля: «Ты что, себе отдельно готовить не можешь?» Какое счастье, что я в тот момент не принял близко к сердцу слова Христа «и враги человеку домашние его»...

1995-1997

Время «духовного роста», выражаясь саркастически. Текст исповеди стал более отточенным в плане поступков и помыслов, но исповедовался я по-прежнему письменно, так как в этом случае гораздо сложнее что-либо утаить – в первую очередь, конечно, от себя. Этот навык вглядывания в себя

непрестанно и хоть в какой-то мере правдиво – практически единственное, что я вынес из церкви с благодарностью, и что пригодилось в жизни впоследствии.

Еще я кое-как старался соблюдать посты, но ни разу не хватило духу сказать в открытую: я не буду есть мясо и пить вино, так как я христианин! Ощущал себя ни к чему не годным. И не было среди священников и мирян кому меня разубедить. Эти люди нашлись позже и поговорили со мной языком не веры, но жизни.

Появился еще один неприятный момент. От чтения «святых отцов», типа Игнатия Брянчанинова или Иоанна Лествичника, у меня формировалось ощущение необходимости постоянной (а лучше – непрестанной) молитвы. От чтения всяких там правил и кафисм из Псалтири на ночь развился хронический недосып, последствия которого дают о себе знать до сих пор. Бонус в виде возможности читать наизусть псалмы 50 и 90 – не в счет.

Чувство вины росло и прогрессировало, но я старался не давать другим – в том числе тому священнику – на нем как-то играть. А он, судя по интонации общения и выражению лиц прихожан, подобными манипуляциями пользовался вовсю.

Тогда же я определился с принципом своего участия в таинствах: понимая, что грешить не перестану, решил более-менее регулярно исповедоваться хотя бы раз в квартал-полгода, и хотя бы раз или два в году – причащаться.

1997, лето – 1998, зима

Первое серьезное боестолкновение... нет, не с дьяволом и слугами его, а с реальностью своих чувств и полнотой жизни вне церковной ограды. Неразделенная любовь и последовавшие страдания.

Всколыхнувшие чувства вызвали некоторую переоценку ценностей и показали, что жизнь за церковной оградой – есть, и она все-таки интересна и нужна, что бы внутри ограды ни утверждали.

Затем подошла настоящая любовь, и — после полутора лет совместной жизни на две квартиры (родителей и будущей тещи) — брак. После того — переезд в другой район столицы, оторвавший меня от первого настоятеля.

Позже, встретив меня, он заявил мне, что я сам себя отлучил от Христа. Вот так вот, сходу. В тот день я снова почувствовал, что в церковной ограде что-то

неладно. Но, как и ранее, отнес это происшествие к разряду «если кто-то кое-где у нас порой»...

2000-е, первая половина

Обычная жизнь «захожанина» с ощущением вины перед Богом за непосещение храма. «Аще кто три воскресенья подряд в храме не был – да будет отлучен!» Есть и приятный момент: в новом районе в единственном храме священники служили «чередой» — нет какого-то конкретного одного священника на весь год. Я насчитал примерно семь. Из них:

- Трое показались мне вполне рациональными и вменяемыми – никаких поучений после исповеди, нормальные ответы на вопросы, если таковые появляются;
- Еще один оказался достаточно простым и добрым и разъяснил мне, что не все то смертный грех, что я таковым считаю. К сожалению, именно этот достойный и простой батюшка, сослуживший еще покойному патриарху Алексию II в его бытность митрополитом Ленинградским и Новгородским, умер примерно в 2008-м году от рака;
- Пятый был типичный «младостарец»: исповедовал подолгу и обстоятельно беседовал, будучи довольно-таки молодым. Как я потом узнал, это был потомственный священник. Сейчас у него отдельный храм и воскресная школа в том же районе Москвы.

В 2003-м году у меня рождается дочь. Крестить ее мы пошли через пять месяцев в тот самый храм, где я принял первое причастие от того самого священника-манипулятора. Он же и крестил, собственно. Оглядев нашу «делегацию» (родители + бабушки-дедушки + крестные + лучшие друзья), он выдал в качестве проповеди-внушения следующее:

— Курс доллара на каждый день знаем... А «Отче наш» — не знаем!

2004-й, осень

Я первый раз «крестный отец». Приехали родственники жены из глубинки, решили креститься в Москве, так как на месте «батюшка много денег просит». Ну и плюс, видимо, не хотели «светиться» у себя – точь-в-точь как я четырнадцатью годами ранее...

Чувствую большую ответственность, но прыжком погружаюсь в это самое отцовство. Своего крестника я с тех пор не видел ни в реале, ни в виртуале, пока в прошлом году он не зарегистрировался Вконтакте.

Что характерно, крещение никак не способствовало укреплению этой семьи: отец семейства, ранее пристрастный к алкоголю, спился и через 7 лет погиб, мать загуляла еще при его жизни и родила третьего.

Это позже навело меня на мысль, что молитва и пост как-то не сильно способствуют улучшению семейных отношений.

2006-2008

Некоторая «реставрация веры» и возврат к исповеди и причастию несколько раз в году, причем – исповедь бывает часто спонтанной, под настроение. Никак не ощущаю себя членом общины того храма, куда хожу на службу. И никакого общения с другими прихожанами не намечается, несмотря на довольно-таки частые визиты по воскресеньям.

Тем не менее я пока еще не сомневаюсь в полноте и правильности православного учения и считаю, что мне более-менее везет с духовниками (постоянного как нет, так и не было). Молитвы и вычитки канонов с псалмами перед причащением происходят украдкой, пока никто не видит – не хочу в своей семье прослыть фанатиком, да и не чувствую необходимости обращать в свою веру домашних. Параллельно понимаю, что никакое чтение канонов и молитв (хоть в одиночку в комнате, хоть с молитвословом в метро, хоть с поклонами и покаянным каноном, хоть без этого) – не ослабляет в душе ни одной из имеющихся там «страстей».

В 2008-м году делаю еще один шаг, на поверку оказавшийся первым шагом «отсюда» — иду к психологу. Очень православному и очень известному психологу-мужчине. После второго сеанса понимаю, что передо мной – редкостный шарлатан. Но, наверное, экзальтированные православные получают какое-то улучшение от таких сеансов – я же не получил вообще никакого осмысления своего состояния. (Последнюю «рекламу» этого правцелителя я получил совсем недавно от своей воцерковленной племянницы... Внезапно.)

Тем временем проблема «что делать» и как улучшить себя встает все острее — подкрадывается кризис среднего возраста. Начинаю понимать, что церковь в данном вопросе – не помощник.

2009-2010

Сложные годы и неожиданные смены работы. Духовная жизнь в том же самом ключе, но появляется интерес к интернет-сайтам православной тематики, в первую очередь это Православие.ру, Фома (бумажные версии журнала я покупаю и читаю), Правмир. Активно участвую в обсуждениях православных тем на форуме Правмира, в этот момент закладывается дружба с православными в Фейсбуке, где я зарегистрировался в 2008-м.

Периодически заезжаю в различные монастыри, но везде встречаю ощущение какой-то стены между монахами и посетителями. Как будто монахи сторонятся мирских... В такие моменты чувствую некоторое замешательство и пренебрежение к себе.

Второй шаг «отсюда» начинается более-менее православно: я наконец-то нахожу умеренно православного психолога — женщину, которая на тот момент берется помочь мне решить мои проблемы. После очередной беседы ощущаю некоторый катарсис и уверенность в своих силах, понимаю, что ей удалось поменять мое поведение безвозвратно. Чувство, что от души отходит заморозка. Никакое причастие таких эффектов никогда не давало — как и исповедь. (Ортодоксам, которые на этом месте скажут о «кознях дьявольских» — велкам! Свое мнение иметь не запретишь.) Но эта симфония психолога с пациентом длится не очень долго — в какой-то момент она говорит мне, что мои взгляды слишком уж православные, и поэтому далее ничем она помочь не может.

Зимой 2010-го года я снова становлюсь крестным отцом. Очень интересный храм на северо-востоке Москвы, замечаю это как фотограф. Таинство крещения проходит без каких-либо серьезных эмоций.

2011-2012

Еще дважды я становлюсь крестным отцом. Причем, стараюсь ездить с одним из крестников исповедоваться и причащаться хотя бы на Пасху — в храм около моей дачи. Там вторым священником служит мой друг детства, но лично я стараюсь ему не исповедоваться в силу именно этой старой дружбы (скорее — приятельства).

В 2012-м году мы с семьей посетили Сербию и Черногорию. Поразился гостеприимству в сербских монастырях: монахи и монахини расспрашивали, кто мы, откуда, и сами рассказывали историю и показывали каждый собор.

Разительный контраст с монастырями России. Но по числу насельников впереди мы.

2013, лето

Я в пятый раз крестный отец. Мой друг меня уговорил. Перед крещением мы приехали в небольшой храм за городом, и вдруг продавщица свечного ящика начинает рьяно меня расспрашивать о вере и о христианской жизни, присвоив себе функции настоятеля. Ему и приходится ее урезонивать. Ощущения крайне неприятные.

Тем же летом мы с женой повенчались – не в Москве, а в Беларуси, где отдыхали на турбазе. После венчания священник сказал нам: ну вы, это, не подведите меня!

Вторая остановка в пути. Посередине храма, озираясь

За годы периодического пребывания в статусе прихожанина я осознал, что, по большому счету, ни в одном приходе, который я посещал за эти годы, никто ни разу и не пытался как-то со мной поговорить о вере или привлечь к активной приходской жизни. Я и сам не особо стремился, но... практически никакого миссионерства и соучастия в своей жизни не увидел. Есть я, нет меня – общине от этого ни холодно, ни жарко. Чувство полного одиночества даже в храме, полном народа. Священники также не проявляли особого желания пообщаться вне времени исповеди – но, может, оно было и к лучшему?

Очень большое впечатление на меня в эти годы произвела статья Алексея Кондрашова «Почему я не христианин», опубликованная на «Правмире». Из нее я понял, в частности, что не все причисленные к лику святых – праведники, злодеи тоже в святцах попадают. Однозначная верность православного учения в моих глазах резко пошатнулась.

2013-2014

Просыпается желание задавать священникам и монахам вопросы о вере. Это желание я начинаю потихоньку реализовывать. Вот некоторые из вопросов, которые я задавал:

Попали ли в рай дети филистимлян, подчистую вырезанные после битвы Иисуса Навина по прямому приказу Господа Саваофа? Ведь они-то вообще не были ни в чем виноваты?

Ответа от одного монаха из Данилова монастыря я так и не дождался – впечатление было такое, что он всячески юлил, чтобы не ответить «да», не имея никаких аргументов для ответа «нет». Тогда я задал ему наводящий вопрос: должен ли я защищать свою семью, если ко мне в квартиру явятся последователи, например, какого-нибудь радикального течения ислама с «калашами», намереваясь убить нас за то, что считают всех христиан грешными? Ответ меня обескуражил: по мнению этого монаха, нужно принять Божье решение и умереть без сопротивления.

Ответ на этот же вопрос, полученный по переписке через третьих лиц от пожилого католического монаха-францисканца: «Конечно, эти дети в рай попали, как ты мог сомневаться?»

Почему в пост нельзя есть именно мясо? Запрет на употребление сахара был бы более действенный, так как вреда от сладкого гораздо больше!

Этот вопрос я задал «дежурному» монаху все того же Данилова монастыря. Было там такое послушание у насельников – отвечать на вопросы, для чего каждый день этим занимался специально назначенный «дежурный». Вопросы моего он вообще не понял.

Почему в семинарии не преподают психологию и основы психиатрии? То есть – почему «инженерам человеческих душ» не преподают науку о душе?

Этот вопрос я задал одному знакомому священнику, ответ был по смыслу примерно таким: понимаешь ли, заказчиком обучения в семинарии является ведь не весь народ православный, а епископы, и критерием успешности священника является не психологически здоровая паства, а размер отчислений с прихода. Ну и плюс к тому – священники у нас люди, занятые большим количеством проблем, им не до психологии и даже не до богословия.

Где-то в эти годы я случайно попал в храм, построенный ранее упомянутым потомственным священником-младостарцем, в момент проведения им субботней беседы с прихожанами. Услышал от него много «интересного» про телегонию, в которую он сам лично верил. Решил задать ему вопрос: понимает ли он, что этой своей проповедью он бросает тень на всех мужчин, женатых на женщинах с ребенком от первого брака? Осознает ли он, что сама постановка вопроса о телегонии таким мужчинам будет крайне неприятна?

Вразумительного ответа я не дождался.

2014, весна. На выход

В нашем храме появились штатные священники, и один из них не допустил меня до причастия в Чистый четверг. Я четко почувствовал в его напутственных словах осуждение и решил: ну и ладно, хватит! После этого я решил больше не исповедоваться и не причащаться, ибо не видел в этих действиях ни смысла, ни радости, ни обратной связи. Окончательный выход из церковной ограды наружу, в большой мир, состоялся. Но остались вопросы.

В пути «отсюда»

2015, весна

Иногда все же посещаю районные храмы исключительно из дружбы с несколькими православными семьями. Как-то попал таким образом на лекцию профессора Осипова. Суть лекции свелась примерно к следующему: католики – еретики, православные рулят. От общения с профессором (пару вопросов я и ему задал, он ответил) осталось впечатление, что он напоминает коммуниста, не сдавшего партбилет в момент распада СССР.

2016, зима

Решаюсь на эксперимент, давно созревавший у меня в голове: поговорить по душам с опытным священником в непринужденной обстановке. Нахожу такового и приглашаю в ресторан за свой счет, с условием – часа два отвечать на мои вопросы о вере и церкви. Ответы получаю уклончивые, вижу, что священник явно боится чего-то и молится перед произнесением ответов. Ухожу со встречи окончательно разочарованный.

Третья остановка в пути. По дороге в свою, личную, жизнь

На текущий момент мне не близко православное учение, что не делает меня атеистом. Для решения своих проблем я нашел опытного психолога, хотя в сумме на это потребовалось около 7 попыток (число таковых для поиска опытного священника давно зашкалило за 10 – без результата).

Я осознаю, что все то, что православные называют «грехом», может являться проявлением нерешенных проблем. Разбираться с ними надо

психологическими средствами, а не постом и молитвой, способствующими только отрицанию сути проблемы и на время ослабляющими ее действие.

Я также осознаю, что «борьба со страстями», выливающаяся в православии в основном в множественные телесные ограничения – суть борьба с собственным телом и, таким образом, с самим собой. Также мне понятно, что за такое обращение тело будет мстить болезнями – но это в православии называется обычно «потерпеть в брэнной жизни ради будущих благ». Лично я такого осознанного финала не хочу.

Отсюда следует лично для меня вот что: невозможно встретиться с Богом, не встретившись с самим собой. Иначе за глас Божий все время будет приниматься глас твоего собственного невроза – одного или многих.

Так что все встречи еще впереди.

Я БОЛЬШЕ НЕ ХОТЕЛА ЖИТЬ В ИЛЛЮЗОРНОМ МИРЕ

Мария Дмитриевская

Бог №1 и Бог №2

В одиннадцать лет я захотела креститься. За год до этого меня пытались заставить. Но я рыдала, сидя на сундуке, вцепившись в него намертво, и повторяла, что я не могу, я пионер. От меня отстали, и вскоре я решила сама. «Зачем тебе это надо?» — возмущалась моя подружка, тоже пионер. Я пыталась по-детски объяснить ей, что наверху есть Бог, но между нами существует некая преграда, вроде тяжелого дождевого облака. Эту преграду-облако надо убрать, чтобы Он мог меня видеть, защищать и участвовать в моей жизни. Библию я изучала по сборнику карикатур Эффеля «О сотворении мира», там к каждому рисунку был подписан стих из Книги Бытия. Больше дома ничего по теме не нашлось.

В заветный день мы приехали в храм на Соколе. Мама куда-то ушла, оставив меня ожидать на лавочке. Какая-то пожилая женщина поинтересовалась моим именем, и заявила, что я должна вести себя хорошо, потому что у меня имя как у Богородицы. Мне это не понравилось. В храме было страшно. Казалось, откуда-то из-под купола сейчас вылетит Бог, и огненный дождь

поразит меня за плохое поведение. Этот Бог был совсем не тем, к которому яехала, и больше напоминал мою маму в приступах ярости.

Крещение же мне очень понравилось, по настроению и нарядности оно походило на новогоднюю елку. Затем мальчиков повели в алтарь, а девочкам сказали строго: фигушки. Я догадалась, что этот строгий Бог считает женщин не очень-то стоящими существами. С тех пор мне не раз казалось, что в Церкви живут два разных Бога, и люди поочередно верят то в одного, то в другого, то сразу в обоих, и у каждого Бога есть свой лагерь сторонников. Бог номер один хотел мне помочь, Бог номер два хотел меня подчинить. О том, как причудливо сплетаются эти два образа в одном сознании, я теперь знаю все.

Дивный новый мир

Я с самого начала инстинктивно тянулась к живому и радостному в Церкви, избегая мест мрачных и тоскливых. И выбрала на мой взгляд лучшее, что тогда было в Москве. Десять лет молодости, с восемнадцати до двадцати восьми, я провела в популярном московском приходе, в котором активно проводилась катехизация, действовали молитвенные группы, было много разных служений, существовала большая молодежная общность, проводились разнообразные лекции и значительную роль играла активность мирян. Я пришла на катехизацию, потому что верила в Бога номер один и хотела знать, что из этого следует. Ту первую встречу я помню очень хорошо. За высокими узкими окнами храма было темно, по-осеннему сыро. В храме стоял полумрак, трещали свечи, сладко пахло, атмосфера казалась умиротворенной и доброжелательной. Я сидела на резной скамейке вместе с другими любопытными всех возрастов. И чувствовала, что мне здесь нравится, и я остаюсь. Так начался духовный запой.

Мне открылся дивный новый мир, в котором добро побеждало зло, смерть упразднялась, жизнь и любовь торжествовали, в центре находилась невероятно привлекательная личность Христа, протянувшего руку каждому. В этом волшебном мире мое появление на свет оказалось не просто стечением обстоятельств, а замыслом Божиим. Мне нравились эстетика православия, изысканность его богословия и размеренный ритм церковной жизни. И над всем этим простиралась бесконечная жертвенная любовь Бога: принятие, прощение и нездешний свет. Вера как будто выводила из сумрачных печальных закоулков собственной души в бескрайнее залитое

светом пространство. Душевная смута отступала. И это давало прилив энергии и ощущение жизни. Каково это, когда тебе едва восемнадцать, ты и человеческой-то, родительской любви не получил, будущее пугает своей непонятностью, все вокруг страшно и сложно. И вдруг — такое!

Я влюбилась в христианство всей душой. Оно дало мне опору, надежду и внутренние силы. И поскольку я ничего не умею чуть-чуть, я с головой окунулась в приходскую жизнь. Я ходила в храм как можно чаще, читала взახлеб и конспектировала всю духовную литературу, какую могла найти, лишь бы про это, ходила на все приходские мероприятия, участвовала во всевозможных благотворительных и миссионерских проектах.

Внутри огромного прихода существовало много разных групп, в которых люди занимались какой-то деятельностью, читали Евангелие, молились, обсуждали проблемы духовной жизни и просто общались. Такая структура делала приход не просто толпой на службе, а разветвленным, живым и плодотворным организмом. Я оказалась в одном из приходских кланов.

Люди, всего лишь люди

Что я могу сказать о людях... Я встречала замечательных искренних священников, которые глубоко верили в то, что проповедовали, и сердечно относились к людям. За одно то, что меня внимательно слушали и не осуждали, не гнобили, а поддерживали, спасибо им. Мне довелось узнать много интересных и ярких людей, образованных и думающих, делающих всякие благие дела. У меня была насыщенная веселая юность в хорошей компании верующей молодежи. Под руководством старших товарищей мы вели встречи и лагеря для молодежи, подростков, посещали колонии, издавали молодежный журнал, и много чего еще. С некоторыми друзьями моей одухотворенной юности я до сих пор поддерживаю отношения. Это единственные люди, с которыми я могу вспомнить былое, и которые, так же получив когда-то укол веры, изнутри понимают, о чем речь. Но большинство с годами рассеялись, мы пошли разными путями. Одни до сих пор ходят в церковь, кто-то рукоположился, другие так же, как я, ушли, многие тихонько отошли поодаль без лишних сцен и остановились на домашнем употреблении веры.

Конечно я видела в окружавших меня тогда людях и неизбежные слабости, мелкие проявления нечистоплотности, увлечение властью, спутанность

собственных фантазий и духовной жизни. Были свои конфликты, обиды, сплетни, драмы. Но где их нет. Все это не выходило за рамки обычных человеческих недостатков, неизбежных в любой среде. Хотя вру, иногда все же выходило: то на моих глазах именем Бога шло со стороны прихожан недюжинное давление на девушку, которая хотела и не решалась развестись с опасным психически больным мужем: «Неси свой крест». То староста храма на глазах у всех и собственной жены завел роман с девочкой-подростком. Пожалуй, за десять лет это все, что я назвала бы совершенно недопустимым. В любом случае людские патологии я воспринимала как издержки человеческого, при чем тут Бог.

О пороках и мракобесии, процветавших в РПЦ, я была, разумеется, наслышана. Иногда неподалеку «разрывались снаряды»: то отбирали приход у инициативных талантливых батюшек после того, как им удалось восстановить храм, то где-нибудь начинался публичный приступ мракобесия с сожжением «еретической» литературы. Это было время Алексия II. Но я твердо выучила урок: есть «Церковь земная и Церковь небесная», и это как бы две разные Церкви. От той части земной организации, которая нам не очень нравилась, мы отгораживались тонкой пленкой и жили в своем особом мире еженедельного причащения и экуменического братства. Какой ценой дается нашим священникам этот хрупкий мир, мы могли только догадываться. Но со своей стороны берегли его, как могли. К приезду патриарха в наш храм все товарищи женщины вопреки обыкновению были одеты по форме — в платки и юбки до пола. Было время, когда сильно боялись. Любое новое бородатое лицо на службе вызывало у прихожан тревогу: не засланный ли казачок? Потом все улеглось.

Прогрессивные и странные батюшки

Была тогда у нас надежда на постепенные изменения внутри Церкви. Хвалили прогрессивного Кирилла (Гундяева), тогда еще начальника ОВЦС. Раз кто-то позвал меня на собрание в ОВЦС, где готовили официальную экуменическую конференцию. Начало нулевых на дворе! Какой может быть открытый экуменизм! Подобная инициатива в то время, когда для многих быть православным означало ненавидеть еретиков, была фантастикой.

Я без колебаний пошла. Долго думала, надо ли надевать платок, все же патриархия. На стульчиках притулились представители разных конфессий и деноминаций: кто-то православный, кто-то от католиков, баптистский пастор

в старомодном костюме, в углу испуганно мялись молодые, похожие на кислотных диджеев, харизматы. Вошел энергичный, собранный Иларион (Алфеев), запросто предложил всем вместе помолиться и прочитал «Отче наш». Я обалдела от такой смелости и подумала: «ну, я не знаю, если уж в Моссовете...», может, Церковь и правда будет развиваться в сторону реформ.

А если где-то и попадались мне странные батюшки, которые ворчали, что «ногти красишь для блуда», это воспринималось как курьез. Валялась у меня дома самопальная книжечка по подготовке к исповеди одного такого «старца», где в один ряд перечислялись следующие прегрешения: «воровал, убивал, блудил, смотрел телевизор, играл в кубик-рубик, не кормил голубей»... Это было забавно.

На самом деле я никогда не отождествляла себя только лишь с РПЦ, и это сильно продлило мою жизнь в Церкви. Я чувствовала себя частью полнокровного и обширного христианского мира. Из жизни прихода, книг, поездок я получала такую значительную подпитку, что никакие странности и изъяны церковной жизни не могли этого омрачить. Вспоминается, например, как однажды я участвовала в международной встрече православной молодежи в Провансе, которую проводил Синдесмос. Там действительно собралась православная молодежь со всего мира, даже из Кореи и Африки, установилась приятная живая атмосфера. Были интересные интеллигентные священники из Парижа, утонченностью напоминавшие ныне покойного о. Георгия Чистякова. Французская молодежь — потомки русской эмиграции, не говорившие по-русски, но игравшие на балалайках длинными тонкими пальцами, — поражала врожденным аристократизмом. Мне ярко запомнился архиепископ Анастасиос (Яннулатос) и его забавный и трогательный рассказ о его миссионерской деятельности в Африке. Подкупали простота, легкость изложения, отсутствие всякого пафоса у такой статусной персоны. Он служил литургию в огромном сельскохозяйственном амбаре, очень живописном, с красивой кладкой и гулким эхом. Царил во всем этом какой-то хороший простой дух.

И еще одна иллюстрация. Ощущение праздника у меня осталось от поездки в маленький деревенский монастырь на Волге, где был настоятелем игумен Евмений (Перистый), человек очень живой, широкий и отважный. Это было совершенно уникальное место посреди размашистой русской природы, где соединялись церковная камерность и непосредственная обстановка

психологических семинаров, детская радость жизни и четкие здоровые нормы поведения. Авторитет игумена был непререкаем, но держался на уважении и благодарности людей, а не на давлении.

И подобных встреч с интересными местами и людьми, православными и не только, было в той моей жизни очень много. Перечислять все — получится книга.

А швы начали трещать

Так что обвинить в моем отходе от веры мне в сущности некого. Это стало итогом естественного течения жизни. Я становилась старше, прочнее, начала учиться на психолога, потом работать, ушла из крайне тяжелого, хоть и весьма церковного брака, стала лучше слышать и понимать себя. Был тогда в моей жизни один существенный выбор: получение светской профессии или соблазнительный путь «профессионального христианства».

Соблазнительный потому, что там есть две очень «вкусные» опасности: превращение в социального маргинала и упоение властью над душами. Вещать от имени Господа Бога так приятно! В нашем приходе это было абсолютно реально даже для молодой женщины. Я выбрала учебу.

Долгое время швы, скреплявшие мою веру, потрескивали, но не расходились. Но жизнь шла вперед. Я сама не заметила, как моя потребность в вере стала таять словно прошлогодний снег. У меня все чаще появлялось смутное ощущение фальши, несоответствия высоких идеалов и тех законов, которым на самом деле подчинялась внутренняя жизнь людей. То, какими мы были в действительности, и то, как мы мечтали и пытались жить, никак не соединялось. То одно, то другое христианское убеждение не стыковалось с практической жизнью. Я видела, что увлеченность религией часто покрывает обычную несчастливость и внутренние проблемы. Я видела, что вера не решает этих проблем, а только смягчает в какой-то мере, либо вовсе покрывает их мягкой перинкой. Или жесткой рогожкой, у кого как. Я чувствовала, что даже в самом просторном и добром варианте христианства многогранную реальность, сложную человеческую природу укладывают в прокрустово ложе искусственных представлений.

Я не могла не видеть, что неприязнь к человеческой природе заложена в православной традиции очень глубоко, на уровне фундамента. Для невротика, который привык к себе плохо относиться, вполне обычное

состояние. К слову, я не считаю, что все, что есть в человеке — это здорово и надо «просто себе разрешить», как иногда приписывают психологам. Вовсе нет. Существуют разнообразные нарушения психологического здоровья, с которыми по-разному пытаются справляться религия и психотерапия. Есть и расхождения, и значительное количество точек соприкосновения в этой сфере, но это отдельная тема. В общем я хотела честно разбираться в себе, а не бороться с собой, а это совсем другая логика.

Я ощущала, что мы пытаемся убедить себя и друг друга в каких-то истинах, подставляем подпорки, когда эти представления начинают шататься, латаем дыры, подкачиваем воздух в спущенные шины. Но мой жизненный опыт все больше противоречил этим установкам. Надоело слушать про то, что надо «убрать свое эго» и предаться воле Божией. Смысл этой сентенции мне не ясен до сих пор. Люди без «эго», без своего «я» являются пациентами психиатрических клиник.

О такие натяжки, надуманность я спотыкалась постоянно. Мне хотелось самой решать, как мне жить, что чувствовать, что оставлять в себе, а что исправлять. Мне становилось все более душно в Церкви. Помню на моей последней исповеди священник мне сказал: «Приходите, приходите к нам почаще, здесь — жизнь!» И жестом показал на алтарь. Я вышла на улицу, стояло теплое лето. И я почувствовала, что для меня это уже неправда, жизнь была не там, она была здесь, она была везде, огромная, неисчерпаемая, сложная и счастливая. Я больше не хотела жить в иллюзорном мире.

Десять лет духовного похмелья

Несколько следующих лет я уже не ходила в храм, но долго считала, что верю в Бога безо всякой нужды, а просто потому что Он есть. Не хотелось это пересматривать, я все откладывала, оставляя себе самое любимое. Все-таки в православном богословии есть удивительные, красивейшие изгибы мысли. Но однажды на Пасху многие знакомые по старой памяти стали слать мне поздравления. И тут меня приперло к стенке понимание того, что все, я в это не верю. И не верю, будто сознание может существовать после смерти мозга и еще во многое другое. Чтобы не обижать чувства верующих, я им вместо «воистину» отвечала «спасибо». Тех, кто сам не знал, о чем пишет, я спрашивала, что они имеют в виду. Больше меня не поздравляли.

Перестроились мои представления о многом. Да, никому не хочется умирать навсегда. Тяжело признать, что добро и зло существуют как параллельные прямые, и одно не победит другое. А люди делятся не на верующих и неверующих, а на порядочных и не очень. Весьма жаль, что в жизни нет никакого смысла, кроме того, который мы придаем ей сами, но все же жить очень здорово и интересно. Надо было учиться искать любовь и поддержку не у образа Бога, а в себе и у по-настоящему близких людей. Надо было всерьез разбираться в себе, многое перестраивать.

Последовали десять лет похмелья от возвышенного. Маятник качнулся в другую сторону, и все, что было связано с религией, вызывало у меня отторжение. При слове «духовность» мне хотелось хвататься за пистолет. Мне было стыдно. Я не могла простить себе той юношеской наивности, экзальтированности и невольной фальши, с которыми я произносила красивые и громкие слова о Боге, не разобравшись элементарно в обычной жизни.

Сейчас мне тридцать восемь. И теперь у меня происходит примирение с этим моим церковным прошлым. Я написала этот текст из потребности обобщить свой опыт религиозной жизни и найти новое отношение к нему. Думаю, это была хорошая часть жизненного пути, во многом меня укрепившая и сформировавшая. Годы, проведенные в Церкви, значительно расширили мой кругозор, развили мою внутреннюю жизнь, самосознание и нравственное чувство. Я до сих пор люблю христианство как прекрасную часть культуры. И каждый кто этим жил всерьез, а потом ушел, подтвердит — такое, как первая любовь, не забывается.

Не «обновленцы-консерваторы», а «искренние люди-системные функционеры»

Как следствие, после десяти лет врозь, мне вдруг стало интересно, как изменилась Церковь земная за эти годы. Теперь уже это взгляд со стороны, возможно поверхностный, но... С изумлением я обнаружила ряд чудесных превращений. Строительная пыль, которая летит к небесам и на лету чудом превращается в радиоактивные частицы на 20 млн руб. — это еще цветочки. Что пыль, если люди стали превращаться! Андрей Кураев, который раньше был рупором ортодоксального православия, оказался честным человеком и превратился за это в церковного диссидента. А известный комик отец Всеволод Чаплин и обаятельный митрополит Иларион, которые когда-то

считались своими в экуменических кругах, превратились в зеркало русской церковности. Говорят, Чаплин потом съел гамбургер в пост и превратился обратно в простого смертного.

Линия разделения теперь, как кажется, иная. Не «обновленцы-консерваторы», как прежде, а «искренние люди-системные функционеры». Мракобесие разлива 90-х уже не в тренде, но в тренде елейное морализаторство на злобу дня.

Озадачивает напористая экспансия Церкви в общественную жизнь. Неужели не понятно, что в такой форме это только отвращает людей?

Укрепляется жесткая система, которая не терпит людей внутренне независимых и свободных.

Только теперь, читая истории священников на «Ахилле», я понимаю, какая тяжелая у них работа и каковы масштабы насилия над личностью в РПЦ. И я равно уважаю и тех, кто находит силы уйти вслед за своей внутренней правдой, и тех, кто, несмотря ни на что, балансирует, остается ради своего дела. Думаю, что многим людям вера очень нужна, так же, как она была когда-то необходима мне.

ДОРОГА К ХРАМУ И ОБРАТНО

Алексей Хаванский

В этой статье не будет жареных фактов. Это попытка осмыслить свой путь и предложить подумать вместе.

Кратко о себе: кандидат исторических наук, эксперт-теолог.

В православную Церковь я пришел в 1995 году, когда мне было 13 лет. Привела меня мать, и около полугода я ходил в храм в основном по ее побуждениям, не желая вступать с ней в конфликты. Потом постепенно втянулся сам.

К воцерковлению меня подтолкнули несколько обстоятельств. Во-первых, мы жили в социально неблагополучном городе на Урале. Несмотря на довольно большое количество жителей (больше 200 тысяч), культурная инфраструктура была очень убогой. Зато как любой промышленный (или,

точнее, постпромышленный) постсоветский город он стал очень быстро криминальным. Наркомания, алкоголизм, большое количество бывших зеков среди населения (в сталинские времена город входил в систему ГУЛАГа, и сейчас вокруг несколько зон) – все это породило тотальную жизнь по «понятиям». Я был болезненным ребенком, очень рано пристрастился к чтению. Поэтому вся эта блатная «культура», расцветшая вокруг пышным цветом, вызывала во мне лишь отвращение и отторжение. Во-вторых, этот возраст для меня был временем поисков смысла жизни. Родители мои — люди достаточно простые и философскими размышлениями не обремененные. К тому же 90-е годы заставляли больше думать о вещах насущных. И поделиться своими мыслями мне было не с кем. В-третьих, постоянные скандалы в семье (в первую очередь из-за властной и авторитарной матери) побуждали искать хоть какую-то отдушину.

Этой отдушиной и послужил храм. Сейчас я понимаю, что воцерковление стало для меня просто формой внутренней эмиграции. И в не меньшей степени – психотерапией. Наш храм, священники (это я опять-таки понимаю только сейчас) были исключениями в Церкви. К вере и священству они пришли по идейным соображениям. Настоятель и мой первый духовник о. Олег – человек образованный, выдающийся честности и порядочности. Поэтому хорошая церковная музыка, внятное чтение, реальная молитва священников в алтаре – и прихожан собирали и делали их доброжелательными и вменяемыми. За время своей церковной жизни я убедился не раз в справедливости пословицы: «Каков поп – таков и приход». По крайней мере больше я не видел случая, когда настоятель в алтаре устанавливал запрет на разговоры на посторонние темы и сам бы его придерживался неукоснительно. В пономарке – пожалуйста, но пришел в алтарь, стал у престола – будь добр молись. Иначе зачем пришел? В то же время богослужения старались не затягивать, учитывать возможности прихожан.

Такой максимализм в лучшем смысле этого слова и честное отношение к духовной жизни повлияли и на меня. В том числе и на мой уход из православной Церкви впоследствии.

Именно из-за серьезного отношения к молитве настоятель о. Олег не приветствовал в алтаре большое количество алтарников, тем более детей (и своих тоже). Поэтому жизнь в Церкви для меня сосредотачивалась в

основном на богослужении и молитве, таинствах. И конечно же для меня, как человека интеллектуального склада, большое значение имела духовная литература. По счастью, будучи людьми душевно трезвыми, наши «отцы» в церковную лавку закупали качественную духовную литературу. На меня большое, даже решающее влияние произвели три книги: Древний патерик, Авва Дорофей и «Силуан Афонский» архим. Софрония (Сахарова). Там действительно были мысли и смыслы, которые я до этого не встречал. Как ни странно, я не думал о монашестве. Для меня форма не имела (да и не имеет сейчас) особого значения. А жить духовной жизнью можно в любом социальном состоянии.

Я понимаю сейчас, что церковные песнопения, молитва Иисусова, которую так «пропагандировал» о. Олег – это все оказывало на меня психотерапевтическое, успокаивающее нервную систему влияние. Сейчас я вряд ли назвал бы это благодатью.

Несмотря на такое глубокое погружение в мир религии, я не был, как говорят сейчас, «ПГМнутым». У меня было много самых разных интересов.

Примерно в это же время я начал ездить в археологические экспедиции, стал увлекаться археологией как наукой. Я, конечно, понимал, что многие данные религии и науки не стыкуются друг с другом. Но каким-то образом все это уживалось во мне, по теории «двух источников». Да и причины моего прихода в Церковь были больше психологического, интуитивного, чем рационального плана.

У меня были намерения совмещать научную и священническую стези, но после третьего курса института я чуть не совершил опрометчивый поступок, поехав поступать в семинарию. Я не был таким уж наивным и знал прекрасно о голубых делах в Церкви и голубых семинариях. Поэтому поехал хоть и в провинциальную, но более-менее приличную. Экзамены сдал успешно и был принят, но после долгих раздумий решил не поступать. Во-первых, бросать начатое образование было неразумно, во-вторых, казарменный порядок в семинарии, всеобщая принудительная обязательных молитв, да и куча иной дурости меня как-то не впечатлили.

Поэтому я стал учиться в институте дальше, и у нас с моим духовником были планы, что после окончания института по его ходатайству меня рукоположат, а затем я заочно буду учиться в семинарии (в начала 2000-х такая практика была широко распространена). Я стал алтарничать, читать на клиросе,

глубоко вник в литургику и богослужебный Устав. И, конечно, глубоко вник в подноготную поповской жизни.

А жизнь реальная повернула совсем в другую сторону. Мой духовник (он же и настоятель нашего прихода) вскоре оказался не в фаворе у нового архиерея. Его убрали из храма, который он восстановил, стали кидать с одного прихода на другой. Потом он вообще перебрался в епархию на юг России – из-за тяжелой болезни дочери. Я к тому времени поехал в Москву – поступать в аспирантуру. Так наше общение и прервалось. В Москве я также заочно окончил Свято-Тихоновский университет. Работал в епархиальных структурах Московской городской епархии. Служил алтарником в разных храмах Москвы и Московской области. После окончания аспирантуры работал в одном из институтов Академии наук.

Все это позволило мне узнать как теоретическую, так и практическую сторону православной жизни. Карьеристом я не был, старался не врать самому себе, не закрывать глаза на неудобные вопросы, перед которыми меня ставила жизнь.

В 2013 году пришлось вернуться на родину, так как к тому моменту оба родителя тяжело болели и нужно было за ними ухаживать. Именно этот год я считаю началом своей новой жизни, своего освобождения.

Что же произошло? Нельзя сказать, что были какие-то из ряда вон выходящие события, которые меня «вытолкнули» из Церкви. Скорее происходил мой личностный, духовный (но не так, как это понимает Православие) рост, произошла эволюция личности. Количество жизненного опыта перешло в качество.

Во-первых, ко мне пришло понимание сущности Православия. Есть определенные лозунги, догматы, которые та или иная религиозная организация провозглашает. А есть психологическая подоплека, которой и обуславливается то, почему адепты этой организации думают и действуют именно таким образом. Реальной идеей, догматом, основой Православия, на мой взгляд, является экклезиологическое монофизитство.

Расшифрую это понятие. Православие (само до конца это не сознавая) считает, что в Церкви и мире действует фактически только Бог. Перелагая известное выражение, Православие считает, что человек должен раствориться в Церкви, как капля меда в океане. Из этого проистекают все

качества Православия. Консерватизм – если действует Бог, то все установленное – самое лучшее, и как это можно менять? Человек в таком случае становится просто орудием Бога, Церкви и интересен только потому и затем, пока этим орудием является. Отсюда нездоровое поклонение всяким «старцам» и просто культ того или иного священника, причем чем «чудесатее» ведет себя такой священник – тем культ больше. То есть это не уважение или преклонение перед личностью этого священника, а культ некоего «божка», который через «старца» говорит и действует.

Оборотной стороной такого отвержения человеческого начала в Церкви является грубое использование людей в своих интересах: архиереи используют священников, те – своих прихожан, настоятели монастырей – братию, трудников и паломников. А когда человек не может приносить материальной пользы – его просто выкидывают, из жизни и из организации, часто в прямом смысле. Таких примеров я видел предостаточно. Фактически человеку и человеческому началу в Православии места нет. Нет свободы мнения, творчества, свободы простых личностных проявлений. Все должно подчиняться когда-то и кем-то придуманным образцам. Православная «феня», одежда и т.д. И высказывание патриарха Кирилла о «ереси человекобожия» не является ли такой не случайной оговоркой?

Плодами такого образа жизни и мыслей я видел только инфантилизм, незрелость и просто глупость. Именно от экклезиологического монофизитства проистекает отсутствие желания использовать человеческий разум, и как следствие — примитивизм, убогость управленческих решений, глупое разбазаривание средств. От этого — нежелание думать и анализировать, недоверие или просто враждебность к науке. Следствие – куча суеверий, поспешные канонизации странных персонажей.

Из концепции экклезиологического монофизитства вытекает, что раз в Церкви есть только Бог – то сердцевиной является богослужебный культ (так говорит и сама Православная Церковь). Но если человеческое начало отвергается, то культ становится самоценностью. Поэтому не важно, понимают ли священники и прихожане смысл текстов и совершаемых действий, как соотносятся с современной жизнью средневековые тексты и т.д. Главное – правильный порядок действий. Фактически богослужение совершается для Бога, а не для людей. Именно поэтому все попытки бороться с обрядоверием в Православии были, есть и будут обречены на

провал. Обряд – это и есть смысл Православия. А борьба священства с обрядоверием – пчелы против меда.

Мои наблюдения показали, что священники (особенно не имеющие светского образования) лет через 10 после пребывания в сане обычно останавливаются в своем интеллектуальном развитии. Современное православное богослужение, основанное на повторении одних и тех же (зачастую мелочных) действий в одной и той же последовательности, одних и тех же малопонятных текстов тормозит высшую нервную деятельность головного мозга. Не случайно средний российский православный священник по образу мыслей — мещанин с узким кругозором, озабоченный материальным стяжательством. Машина, квартира, сплетни, выпивка – вот основная сфера его интересов.

Во-вторых, изучение истории Церкви и современного состояния привело к пониманию, что Православная Церковь всегда была прислужницей государства. Какие бы общественные формации, цари, императоры и президенты ни были – поддержка им будет обеспечена. Нет даже смысла приводить перечень преступных деяний власти (начиная с византийских императоров), которые бы Православная Церковь не поддержала и не благословила. Перелагая известное уже выражение, я бы сказал: «Церковь бросит тебя всегда, сынок».

В 2015 году я причастился последний раз, и больше в Церковь возвращаться не намерен. Я пересмотрел и выкинул из своей жизни понятие греха. Спешу «успокоить» своих будущих «доброжелателей»: я не запивал (вообще очень аккуратен с алкоголем), не курил и жене не изменял. Это не связано с желанием оправдать свои поступки. Психические процессы не укладываются в узкую дихотомию «грех-добродетель». Современная научная психология хорошо объясняет многие явления, в том числе и в жизни верующего человека с материалистической точки зрения. В жизни людей есть проблемы, в том числе психологические, которые можно и нужно решать. А насаждение идеи греховности ведет к культивированию чувства вины и психологической зависимости от Церкви. При этом чаще всего происходит только называние сделанных «грехов» на исповеди без реального анализа причин.

Мою сегодняшнюю мировоззренческую позицию я бы назвал агностицизмом. У меня нет озлобленности против Церкви. Люди в Церкви с

часами, яхтами и лимузинами вызывают у меня жалость — они пленники Системы, променявшие возможность свободно жить и развиваться, общаться и думать — на вымороченную жизнь, на роль заводных кукол в плохом спектакле. Я просто закрыл эту страницу своей жизни и иду дальше.

Жалею ли я о времени, проведенном в Церкви? Нет, скорее досажую на себя, что это было так долго. Это время не было бесполезным, дало мне какие-то стимулы к личностному росту. Но 10 лет могло хватить с лихвой. Остальное время я просто топтался на месте. Я встретил в Церкви много хороших и светлых людей, и я им благодарен! Но эти их качества обусловлены не воздействием Церкви, а образованием, воспитанием и т.д. Думаю, каждый развивающийся человек должен познакомиться с разными религиозными традициями и сделать свой личный выбор.

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ НЕОФИТА

Денис Пустынский

Православным я стал в самом начале 90-х, когда еще учился в школе.

Произошло это не сразу, на фоне подросткового кризиса с философскими размышлениями и поиском смысла жизни. Начитавшись Достоевского, и поверхностно ознакомившись с некоторыми текстами русских религиозных философов, я решил сходить в православный храм. Там я испытал некие новые ощущения, которые тогда посчитал за благодать Божию. Вскоре крестился и сразу решил погрузиться в «духовную жизнь». Духовного отца найти было трудно (священников у нас тогда было мало), подсказать было некому. Да и вряд ли я послушал бы даже священника, если б он посоветовал умерить пыл.

Попались несколько книжек по аскетике, типа «Монашеское делание», потом «Лествица», что-то из Игнатия Брянчанинова (сейчас вспомнил Марию Кикоть с ее «Исповедью»). Ну я ж с детства был перфекционистом — учился в школе хорошо, привык все делать «качественно». Так и в области веры: никаких полумер, компромиссы — не наш метод!

Стал усиленно молиться, посещать богослужения, поститься «по уставу» до истощения, обвинять себя во всех грехах «словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами». И, конечно, бороться с «греховными помыслами»,

благо, что юношеские гормоны давали богатую пищу для «борьбы». Таким образом, синдром неопита расцвел пышным фанатичным цветом.

Все это довело меня до серьезной депрессии, и родители опасались за мое психическое здоровье. Сейчас-то я понимаю, как их напугал!

Тогда же появились мысли о поступлении в семинарию и принятии монашества. Запрет отца на духовную карьеру я не решился нарушить и поступил в мединститут. Мечту о семинарии лелеял в глубине души, надеясь осуществить это после вуза.

В храме заметили мое рвение и предложили прислуживать в алтаре. Я согласился. Служить Богу в алтаре — что может быть выше?! Хотя старшие товарищи предупреждали, что «искушения в алтаре усилятся». Так и случилось. Ореол святости алтаря и батюшек несколько померк. Рвение чуть ослабло, но наивное неопитство никуда не делось. Семинария маячила где-то впереди. Обучение в институте заканчивалось. И необходимость выбора приближалась — кем быть? Я даже пытался попасть к старцу Науму, полетел за тысячи километров в Сергиев Посад, но Бог миловал. К старцу я не попал.

А теперь перейду к собственно чуду исцеления. Но сначала немного медицинской теории, не зря же учился в мединституте.

В психотерапии есть метод провокации. Он активно используется различными школами психотерапии, причем этот метод нередко оказывается незаменимым в работе с самыми трудными случаями.

Например, известный психотерапевт А.Е. Алексейчик использует в групповой работе провокацию в качестве основного метода. Он специально грубо, агрессивно нападает на клиентов, высмеивает их, унижает (например, выкручивает им пальцы, заставляет долго и неподвижно стоять на одной ноге), выгоняет из группы. Параллельно он постоянно провоцирует решение нравственных проблем, в результате достигая сильного психотерапевтического эффекта.

В моей церковной жизни роль такого провокативного психотерапевта сыграли несколько человек. Во-первых, это, конечно, митрополит Марк (Тужиков), тогда Хабаровский, ныне на Вятской кафедре. Это тот самый деспот, после жестких мер которого в 2011 г. повесился поп в Кирове (Вятке). Я у него около полугода в 1999 г. был иподьяконом.

Второй — настоятель нашего храма игумен N, именно у него я пономарил. В сущности, неплохой настоятель, если б не его карьеризм. Он восстанавливал храм, умел охмурить спонсоров. За их счет в последефолтный 99-й год ездил в Италию и Ватикан туристом, а потом хвастался этим.

Впоследствии сей игумен будет извергнут из сана за голубизну, тогда его дружба с Марком уже не помогла, и делом занялись правоохранные органы.

Понаблюдав вблизи этих двух «крутых психотерапевтов», у меня отшибло всякое желание поступать в бурсу, и остатки моего неофитского синдрома исчезли. Особенно профессионально работал владыка Марк, он уже тогда активно применял жесткое управление поповскими кадрами. Частенько говорил: «Церковь — это армия. Приказы не обсуждаются».

Из алтарников я ушел сам и решил работать по светской специальности. Службы посещал регулярно, исповедовался, причащался.

Окончательный же удар по моей церковности нанес — через приличное количество лет, — конечно же, великий современный мастер провокации Владимир Гундяев (псевдоним его вы знаете) в сотрудничестве с более мелкими санитарами — Чаплиным, Алфеевым, Легойдой, Онуфрием (Березовским), и т.д. и т.п. Но это уже другая, не менее захватывающая история.

«Слава, слава Айболиту!

Слава добрым докторам!»

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ШИШКИ ПИНИИ

Агния Зиновьева

В настоящее время я прихожанкой какого-либо храма не являюсь. Хочу особенно подчеркнуть: дело не в том, что меня обидели, разочаровали конкретные люди (хотя рассказывать буду именно о людях, а о чем же еще?), а в том, что за 10 лет пребывания в православной системе я категорически перестала понимать, зачем она верующему человеку в принципе может быть нужна.

Я безусловно верую во Христа. И могу исповедовать свою веру любыми способами где угодно; в идеале Христа исповедуют всей жизнью. Мне не нужен храм, чтобы там молиться — я могу молиться в любом месте, где окажусь. Мне не нужны частые исповеди — просто потому что нечего часто исповедовать (отдаю себе отчет в своей, мягко скажем, удаленности от идеала; но повседневно не нарушаю заповеди Декалога, а бесконечно каяться в том, что не получается постоянно радоваться, как-то глупо; мне нечего каждую неделю рассказывать о себе священнику, остается формула «словом, делом, помышлением» — но я против произнесения формул, за которыми не стоит конкретики и — в данном случае — реального покаянного настроения; его у меня нет, если я не чувствую себя реально виноватой; придумывать же себе какие-то согрешения — увольте, это глупое фиглярство). Единственное, чего я не могу получить вне церкви, — это причащение Крови и Тела Христовых. Поэтому я пришла к утилитарному использованию храма: прийти на литургию, причаститься и уйти сразу после отпуста.

У меня очень большие вопросы, недоумения, претензии к РПЦ. Складывается ощущение, что она не только объявляет, но и в самом деле считает себя непререкаемым монополистом Истины. Но «Бог... творит елико хочет», Дух Святой пребывает где Ему угодно и поживает там, где РПЦ Его и вовсе не желала бы видеть. Так было и так будет, Бог — везде и во всем, в каждой пылинке созданного Им мира. А РПЦ пытается загнать Его в стойла своих храмов, вещать Его именем и запретить общаться с Ним вне своего посредничества. Слава долготерпению Твоему, Господи!

В своей исповеди расскажу о наблюдениях, которые сделала, пока была довольно активной прихожанкой одного из питерских храмов. Имена-явки-пароли называть не стану, потому что это не донос, а мои размышления и рефлексия. Еще раз подчеркиваю: меня не обидели, не растоптали, не принизили как личность, не поругали моей веры. Я просто пожила в шкуре прихожанки, потом эта шкура отмерла. Осталось главное — жажда Христа, вера в Него, какие-то зачатки понимания, что значит исповедовать Христа жизнью. Стараюсь следовать по этому пути. Достигла на нем пока очень немногого. Но убеждена, что и этого бы не было, не уйди я из храма. Впрочем, речь вовсе не о моей теперешней жизни, а об опыте погружения.

Я христианка

За 10 лет своей церковной жизни пришла я вот к чему — к главному.

Я христианка. Я не желаю называть себя православной, поскольку не считаю, что разделение на православных, католиков, лютеран и проч. и проч. вообще как-то созвучно духу христианства. Апостол Павел говорил о жизни во Христе без национальностей, о равенстве всех во Христе. Разделения искусственны, это результат соревнования разных систем, типа мы системнее, мы равнее. Чувствую все это и никакого отношения к евангельскому слову не имеет.

Живя в России, я нахожу правильным для себя причащаться Плоти и Крови в храмах РПЦ. Мне не близок дух поместной церкви Московского Патриархата, однако ж дух ущемленных в России католиков и бравых протестантов близок еще менее.

Причащалась с католиками — продуманно, выносив эту идею, в Саграда Фамилия в Барселоне. Этим причащением поставила точку на своем послушании Матери-Православной Церкви, которая грозит всякими карами за «совет с нечестивыми». Они не нечестивые, они христиане, и часто куда более христиане, чем свирепо рвущие на себе рубахи бородатые русские попы, готовые громить радиостанции и собирать рати для отжатия Исаакия. Они живут своей жизнью, западные католики, молятся и не зациклены на бабле и фиглярстве, как МП. Во всяком случае выглядят они куда более адекватно и симпатично, нежели «царственное священство» отечественного разлива.

Как я стала прихожанкой православного храма

Я крестилась в 20 с небольшим, в девяностые, не потому что уловила «призывающую благодать» или уверовала, — тогда крестились очень многие из моего круга. И я бездумно последовала примеру знакомых; что греха таить — и «на всякий случай». Но становиться стабильной прихожанкой какого-то храма, участвовать в таинствах я не собиралась. И не участвовала.

Потом в моей жизни произошла трагедия — погиб ребенок. И я не знала, куда от себя деться, вообще где голову приклонить.

Подруга привела в храм поговорить со своим духовным отцом. Он сказал мне тогда, что печалиться нечего, потому что случившееся со мной — «преданья старины глубокой» (это было через полтора года после той смерти), предложил приходить в свою церковь. И я согласилась, потому что, в общем, было все равно, куда приходить — лишь бы приходить куда-то.

Я стала ездить в этот храм на другом конце города.

Отношения «духовный отец — духовное чадо»

Через пару месяцев посещения всенощных и литургий отец-настоятель, которому я исповедовалась, спросил меня: «У тебя есть духовный отец?» Я ответила, что нет. Он вскинул бровь: «Разве я тебе не стал духовным отцом?» Я ответила: да, конечно, стал. Так у меня появился духовный отец, а я стала духовным чадом. (Меня всегда удивляло в системе того прихода, что по неписаному обычаю духовные чада обязаны помнить дни рождения, именин, хиротоний своих отцов, а также поздравлять их матушек и детишек; но вот духовный отец понятия не имеет о днях рождения и именин своих чад; на мои вопросы мне неизменно отвечали: «Так он один, а чад этих у него сколько! Что ему всех в голове-то держать». И это вызывало новый вопрос: а зачем заводить такое количество чад, если ты не можешь удержать в голове их дни рождения и именины? На него уже никто не мог ответить, только сердились и говорили о моей гордыне, заикленности на себе и что надо бороться со страстями.)

Отец-настоятель очень много проповедей посвящал вопросу подчинения духовных чад духовному отцу. Помню проповедь о том, как должно брать руку священника для поцелуя: люди гордые и заносчивые подносят руку иерея к своим губам, в то время как смиренные сами наклоняются к руке. Помню другую: в ней ставился в пример остальным прихожанам один из служителей храма, который всякий раз, уходя домой, брал благословение, потому что «а вдруг что».

В проповедях часто звучала тема возмездия, отец-настоятель очень любил рассказывать, как Бог расправляется с теми, например, кто летней порой уезжает на дачу и возделывает огород, вместо того чтобы предстоять на всенощных и литургиях. Формировалась безупречная логическая цепочка: вот тот-то ногу сломал, получил страшный диагноз и т. д., пришел в храм и спросил, за что ему это. А я (в смысле — отец-настоятель) спросил его: «А почему я тебя не видел два месяца? Где ты был? Грядки копал? И ты спрашиваешь после этого, за что тебе испытания? Иди еще покопайся в земле вместо посещения церковных служб — может, и вовсе помрешь».

Настоятель внушал прихожанам, что смерть — венец мщения Бога людям за нерадивость, непослушание, недисциплинированность. Его слушали и

боялись, записывали полусвязные длиннющие проповеди на диктофоны, тиражировали записи, продавали на дисках в свечных лавках.

...Я спросила своего духовного отца, что́ есть послушание. Дело было во время поездки в Израиль. И он ответил: «Вот завтра наша группа возвращается домой. А я возьму и скажу тебе: а ты оставайся здесь. И ты останешься. Это и есть послушание. Поняла?» — «Да», — я меньше всего на свете хотела такого послушания, но надо же было его не спровоцировать, прикинуться шлангом, чтоб он, и правда, не озадачил. «И что, ты останешься?» Я сделала морду тяпкой, сказала «да, батюшка» — и склонилась над его рукой. Послушания остаться он, слава Богу, не дал.

Перед каждым постом отец говорил: «Не возьмете благословения на пост — пеняйте на себя. Вам хуже будет. Скорби, болезни, искушения постом посетят. Надо благословляться заранее. Вот начнется пост — а вы не благословились, все, я уже не дам благословения. И будет вам худо». Я недоумевала: речь шла не о послаблении поста, а о соблюдении устава. Зачем благословляться на соблюдение устава? Люди опытные объясняли, что будут скорби, если не благословиться, практически точно.

В идеале благословляться надо было на все. Чада благословлялись сходить на концерт Петросяна. Это отец разрешал. А вот на Задорнова не благословлял.

Отец-настоятель грозно требовал от чад благословляться на отпуск и передвижения. Пугал, что ежели кто купит путевку и поедет по ней, не благословясь, будут всякие скорби (воображение паствы рисовало крушения самолетов и теракты); сообщал, что не будет благословлять поездку по уже купленной путевке — потому что не надо его ставить перед фактом, порядок есть порядок: сначала благословись, потом покупай. Были случаи, когда люди покупали горящие путевки, приходили благословляться, он не благословлял, устраивал скандал, и чада не ехали — путевка и деньги пропадали.

Отец часто говорил в проповедях: «У православного христианина, особенно — у христианки, должны быть три протоптанных дорожки: дом — храм — работа. Больше никуда ходить не надо. Вам вообще больше ничего не надо, запомните: дом — храм — работа. Остальное — уже от лукавого».

Не поощрялось без благословения посещать другие храмы. Об участии в таинствах где-то «на стороне» вообще не могло быть и речи. Только если отец по какой-то очень серьезно обоснованной чадом причине разрешит в виде исключения причаститься. А исповедоваться у других священников просто нельзя, никогда. Если благословил причаститься в каком-то другом месте, там надо говорить: я исповедовался у своего духовного отца, он благословил у вас причаститься. Отец-настоятель говорит, что девизом православного должно быть: «один храм — один священник».

С причащением — вообще отдельная тема. В храме было (и сейчас есть) два «центровых» священника: отец-настоятель и отец-директор воскресной школы. 80% прихожан поделены на духовных чад одного и другого. Когда наступает момент причащения, сколько бы чаш ни вынесли, чада стоят к чашам своих отцов. Под это подводится теория: «Человек должен знать, что причастие и благодать Святого Духа к нему поступают только через его духовного отца». В особенности важно, чтобы это знали дети, их с младенчества приучают послушаться духовным отцам (только вот почему-то они часто, как подрастут, стараются держаться от храма подальше).

На приходе не благословляется здоровым людям причащаться на Святки, на Светлой, после Троицкой сплошной — потому что «нельзя причащаться без поста». За каждой литургией также причащаться не дозволяется, постился ты или не постился (исключение — Великий пост). Духовный отец никак не мотивирует своих благословений причащаться или не причащаться. Прихожане полагают, что отцы поступают по воле Божией.

Я задавала много вопросов своей подруге, приведшей меня в приход. Она честно отвечала в силу своего разума и опыта. Я спрашивала, в частности, зачем читать молитвы, слова которых не исходят от меня, из моей души, которые я просто вычитываю, чтобы вычитать. Она ответила: отец-директор воскресной школы говорит на занятиях, что, поскольку качество молитвы лаика весьма низко, она не может быть услышана Богом; можно взять только усердием, количеством, то есть непрерывным бубнежом чуждых тебе малопонятных слов. По мысли этого отца, которую он исправно доводил и доводит до всех обучающихся в ВШ, ввиду низкого качества духовных отправлений лаика тому не может быть явлена и воля Божия. Посему ежели лаик желает узнать таковую, он должен прийти к духовному отцу и испросить. А духовный отец помолится, и Бог ему сообщит свою волю,

которая уже после такой апробации будет сообщена лаику. (Я до сих пор не понимаю и, наверное, никогда не пойму, чем эта методика узнавания воли Божией отличается от взаимодействия с сивиллами, пифиями и прочими шаманами.)

Волю Божию у своих духовных отцов постоянно узнавали и узнают все. Расскажу о нескольких ситуациях.

У одной прихожанки умер муж, от него осталась некоторая сумма, которую можно было потратить на приобретение земельного участка или... нового компьютера. Она пришла к духовному отцу испросить воли Божией, что покупать. Он сказал, что должен подумать и помолиться. Духовная дочь ходила к нему полгода, а он все молился, но воля Божия ему все не открывалась. Наконец «ответ» был получен: купить компьютер, что эта женщина и сделала.

Одинокая пожилая регент хора захотела взять кошку. Она обратилась к своему духовному отцу (отцу-настоятелю) за благословением. Он не благословил: воли Божией нет. Женщина ходила к нему около года и упрашивала помолиться и просить Господа разрешить взять кошку. В конце концов Господь снизошел к ее просьбам.

У одной прихожанки сын долго сожительствовал с девушкой вне брака. Но наконец-то сделал предложение, пара подала заявления в ЗАГС. Счастливая мать пришла к своему духовному отцу благословиться на хлопоты по устройству празднования. Он спросил, какого числа будет церемония. Оказалось, 22 июня. Тогда духовный отец сказал женщине, что не благословит ни за что играть свадьбу в день начала войны, на то нет и не может быть Божией воли, а если вздумают все же жениться без благословения, ждать им скорбей. Женщина испугалась и уговорила сына и будущую невестку перенести свадьбу на пару дней позже. После этого благословение было получено, и воля Божия покрыла мероприятие. Однако одна из гостей во время танцев поскользнулась, упала и стукнулась головой. Ничего страшного, но новоиспеченная свекровь сделала вывод: «Вот, послушались отца — и у гости только шишка. А не послушались бы — убились бы насмерть!»

Отец-настоятель примерно раз в год начинал требовать от духовных чад «откровения помыслов». Так он называл негатив по отношению к себе,

который просил выносить на исповедь. Но я и мои знакомые не велись на его увещевания, что все должно быть по-честному и надо высказывать правду-матку, потому что на приходе нет-нет да приключались очень неприятные разборки. Например, одна женщина имела маленький бизнес, потом (по благословению отца-настоятеля, узнавшего о том Божью волю) закрыла его. Деньги потихоньку проживала, да и было их не очень много. И в какой-то момент решила 50 тысяч пожертвовать на нужды храма. Она принесла их отцу-настоятелю, а тот подозвал секретаря и буркнул: «Забери тут, пожертвование какое-то». Секретарь положила деньги в карман, и все разошлись.

Буквально через несколько дней эта жертвовательница услышала проповедь отца-настоятеля, в которой тот говорил, что, мол, необходимо благодарить своих благодетелей, даже за какие-то малосущественные благодеяния, иначе Бог накажет. После проповеди она подошла к отцу и спросила, как же так: он ей не сказал «спасибо» за пожертвование, а сам утверждает в проповеди, что благодарить необходимо. Тогда отец схватил ее за руку и потащил через весь храм к распятию. Там, у Креста, он плюхнулся перед ней на колени, стукнул лбом в пол и прокричал: «Спасибо тебе, Марина, спасибо тебе!!!» Потом встал, отряхнулся и заявил, тоже очень громко, чтобы все окружающие слышали: «Теперь твое благодеяние сгорело, потому что ты заставила меня тебя благодарить. Поняла? Твои деньги ушли в песок».

Про духовное окормление

Однажды отец-настоятель разразился серией проповедей про родовые грехи. Он утверждал, что преступления предков каким-то образом отражаются на жизни потомков до седьмого колена. И если мы хотим что-то изменить в своей жизни, нам надо молиться о тех преступниках, которые чего-то наделали давным-давно, когда наших родителей еще и в проекте не было, а также просить у милосердного Господа ослабления родового греха и наказания за него. На приходе появилась распечатка составленной отцом молитвы для замаливания родового греха, было предложено включить ее в утреннее или вечернее правило, особенно тем, у кого жизнь складывалась не самым благоприятным образом.

Я хотела взять распечатку для знакомой из другого храма, но на меня зашикали, что делать этого нельзя. Я удивилась, почему. Оказалось — чтобы «не подставить» отца-настоятеля.

Я не единожды была очевидцем сцен, когда к отцу-настоятелю приносили перед крещением младенцев. Он сообщал родителям, что лица детей надо закрывать от недоброго глаза и порчи, показывать только самым близким и проверенным людям.

На приходе, как я уже говорила, очень высоко ценились проповеди. В них звучали порой весьма нетривиальные мысли, а продолжительность слов пастыря варьировала от получаса до полтора часов (минут 40–45 звучали самые типовые слова). Из этих проповедей я узнала, что надо непрерывно молиться Иисусовой молитвой и учиться этому при каждом удобном случае, и что у отца-настоятеля была даже одна такая духовная дочь, у которой был дар самодвижущейся молитвы, она продавала железнодорожные билеты и все время творила молитву, вообще всегда ее творила, и к этому надо стремиться. (Спросить, зачем, было не у кого, обращаться с вопросом к самому отцу показалось неловким — так и остался образ этот недостижимым идеалом неведь чего.)

Очень мощно как-то Великим постом вдарил отец-настоятель по, казалось бы, нормальной человеческой привычке скорбеть перед лицом смерти, да еще когда умирает кто-то близкий. На родительские субботы он обличал плач и рыдания, пояснял, что когда человек уходит, надо радоваться тому, что он наконец-то получил возможность войти в Царство Божие и молиться об этом самом Царстве для него, а уныние есть саможаление, которое бесполезно никому, от осиротевшей семьи и друзей до покойного. Взять себя в руки, сосредоточиться, верить в лучшее, молиться, преисполниться оптимизма и радости будущей встречи!

Будучи до принятия сана военным, отец-настоятель любил четкость и дисциплину во всем. Чтобы стать прихожанином храма, надо было подать соответствующее заявление. В течение двух лет после этого ты был кандидатом в члены прихода и исполнял оговоренное и благословленное послушание. Затем, заслушав на общем собрании характеристики, данные кандидату старшими по послушанию, голосовали за полноценное членство.

Благословения отца-настоятеля пастве через секретаря передавались сотским, сотскими — десятским (такая была создана структура: прихожане поделены на сотни, над каждой сотней — сотский, а внутри сотни десятки во главе с десятскими).

Стандартно на любой пост не благословлялось посещение каких-либо увеселительных заведений, походы в музеи, на концерты даже классической музыки, просмотр художественных фильмов, чтение произведений художественной литературы, пользование интернетом кроме рабочей необходимости. Раз в пост предполагалась аналитическая исповедь, на которую пасомый должен был вынести ведущую страсть, которая его данным постом терзала и мучила. Запись на такие исповеди шла заранее.

Когда отец-настоятель уезжал куда-нибудь на Кипр, на Афон или в Св. Землю, десятские получали от сотских информацию, что де отец нынче будет молиться за приход у иконы Пантелеимона-целителя, или у Киккской, или у Гроба Господня, и рассылали членам своей десятки. Я тоже была в одной из десятков и получала такие письма счастья — до сих пор, как и тогда, ума не приложу, что с ними можно и должно было делать. Спрашивала у других прихожан — те пожимали плечами (по поводу моей дурости) и говорили, что это же очень важно, что отец-настоятель за нас молится. На мои глупые вопросы, не в порядке ли вещей настоятелю молиться за свой приход, снова пожимали плечами. Но ответить что-то более дельное кроме «если ты этого сама не понимаешь, тебе никто не объяснит, это надо прочувствовать» по поводу, зачем мне знать, когда именно и где отец помолился за приход, никто не мог.

Отец часто благословлял своим чадам молиться неожиданным святым. Так, привез с Кипра информацию о почитаемом там св. Фанурисе и его икону и стал утверждать, что этот Фанурис — вообще главный скоропослушник из всех святых. Предлагал молиться ему в разных случаях, утверждал, что тот является по первому зову и «все исполняет», и даже пытался пригласить Фануриса в свою приемную. К счастью, эта попытка осталась намерением.

В другой раз он благословил серьезно больного человека пойти на могилу протоиерея Василия Ермакова, взять цветок с могилы и прикладывать к больному месту (опухоли). И конечно, молиться отцу Василию о выздоровлении.

Вообще он очень любил и любит сейчас всяческие святыньки, коллекционирует мощи. На память очень многих особо почитаемых святых из алтаря выносят ковчежцы и приглашают прикладываться. Не обходится без очевидных курьезов: духовные чада привезли из Рима отцу в подарок шишку пинии с места усекновения апостола Павла. И вот эта шишка апостола

Павла сделала головокружительную карьеру: ее стали выносить для воздавания почестей и православный народ с удовольствием ее лобызал.

Отец-настоятель регулярно призывал и призывает паству поддерживать власти. Рассказывает в проповедях о глубокой вере и воцерковленности Полтавченко, призывает поддерживать единорогов, в открытую с солеи благословлял своих чад и весь приход на президентских выборах голосовать за Путина. Естественно, с удовольствием рассказывает о врагах России и церкви, задача которых — любыми способами вести подрывную работу, подрывать авторитеты, дискредитировать, будоражить. Провозглашает всякие прогосударственные и патриотические лозунги, объявляет Россию оплотом православия и надеждой всего мира и т. д. и т. п.

С самого начала моего внедрения в приходскую жизнь поразило разделение прихожан на обычных и привилегированных. К привилегированным относились с придыханием, их умильно встречали и провожали, их исповедовали не тогда и не там, когда и где всех; они выделялись особой статью и достоинством, с которыми себя несли. Мне шепотом поясняли, что это же ктитеры, их надо знать в лицо и любить, потому что они столько для нас делают, столько для нас делают...

Исповедовал отец-настоятель этих VIP-ов перед причащением по воскресеньям в особом отведенном для этого месте. Иногда процесс затягивался и мог достигать получаса — минут сорока. Чтобы паства в это время не скучала, бодрые пономари или псаломщики читали в микрофон жития Дмитрия Ростовского, конечно, слушать это ни у кого не было сил — и прихожане обсуждали свои насущные вопросы, дожидаясь Чаши. Храм наполняло ровное заунывное жужжание, на фоне которого маразматическим рельефом проступали старинные небылицы. Отец-настоятель, кстати, полагал и полагает Дмитрия Ростовского весьма занимательным и перспективным православным чтением, воспитывающим людей в духе православного патриотизма, и благословляет читать их каждый день (а постом — еще и конспектировать). Совсем недавно я беседовала с одной прихожанкой того храма, и она спросила меня: «А ты не знаешь, в других храмах по одному или сразу по несколько житий Дмитрия Ростовского читают перед причащением?» Каково же было ее изумление, когда я ответила, что в других храмах такой практики я не встречала. Она не бывала на литургиях в других храмах: ведь это не благословлено.

После каждой службы отец-настоятель давал статистическую справку: сколько человек присутствовало в храме, сколько причастились, из скольки чаш. Полагаю, что эти сведения отправлялись затем в благочиние и епархию. Едва ли ошибусь, предположив, что по мысли священноначалия, неуклонно росшее число молящихся и причастников должно было наполнять хорошей, православной гордостью за родной приход сердца лаиков, служить патриотическим стимулом крепить ряды, не пропускать литургий и всенощных, нести послушания и испрашивать благословения.

Воскресная школа и отец-директор

Особого внимания заслуживает окормление паствы силами воскресной школы и через нее.

По негласным правилам, довлеющим на приходе, каждый прихожанин, хоть в какой-то мере склонный к интеллектуальной деятельности, должен был пройти через горнило воскресной школы. Это вполне способствовало претворению в жизнь излюбленной схемы отца-настоятеля «дом — храм — работа — дом», потому что не оставляло уже никаких времени и сил для походов куда-то «на сторону». В субботу прихожанам было под страхом Божией кары регламентировано посещать всенощную, которая начиналась в 18 и могла длиться и до 21, и до 22, и более, в зависимости от того, какой продолжительности проповедь затем решит сказать отец-настоятель или — в его отсутствие — отец-директор школы. В воскресенье по холодку все сомкнутыми рядами шли на литургию, раннюю (к 7 утра) или позднюю (к 10). И если ранняя длилась не более 3 часов (должна была хоть как окончиться к началу поздней), то поздняя могла быть и 4 часа, и 5, однако все же обычно обходилось 4 часами. И вот через пару часов после литургии начинались занятия в ВШ, по классам, так что у большинства прихожан весь день воскресный оказывался сопряжен с обслуживанием религиозных и духовно-просветительских надобностей. Совсем к вечеру воскресенья прихожане возвращались домой, чтоб тихо поужинать, помолиться и опочить в преддверии очередной трудовой недели.

Основной миссией ВШ было утверждение в головах прихожан мысли об их всяческой «недоделанности». Оставалось только дивиться милосердию Божию, как Он не стирает с лица земли таких глупых, никчемных, несообразительных недотыкомов, каковыми себя ощущали (и по сей день ощущают) обучающиеся. Не смог вызубрить и воспроизвести текст Св.

Писания буква в букву, переставил слова в изречениях Святых Отцов, не разумел смысла прообразования, не смог внятно и логично ответить на вопрос, что есть поклонение в Духе и Истине, дерзал иметь и высказывать свое мнение по поводу Евангельского чтения, усомнился в толковании Феофилакта Болгарского, заснул (!) на занятии... Обучаемым снова и снова толковывалась максима о том, что волю Божию о себе можно получить через духовного отца, а самому-де и дерзать нечего, ибо качество молитвы и духовной жизни, извиняйте, ниже плинтуса.

Для меня до сих пор загадка, по какой причине сотни, в общем-то, неглупых, состоявшихся людей участвовали (и участвуют!) из недели в неделю в этом мазохистском мероприятии, позволяя зачастую малограмотным «учителям» растаптывать их самооценку, демонстрировать свое мнимое интеллектуальное и какое-то «духовное» превосходство. Скажете, необходимо смирение? Никто с этим не спорит, смирение нужно христианину как воздух, но ему ведь дана Господом и голова — и не чтобы преклонять ее перед чем попало, изображая это смирение, а чтобы думать — в том числе и соображать, перед чем смиряться, а перед чем — нет. С моей точки зрения, смиряться перед малограмотностью, ограниченностью, глупостью — это попустительство, а никакое не смирение. Попустительство разрушает души всех участников процесса, создает иллюзии, кривые зеркала.

Я, желая в полной мере поучаствовать в приходской жизни, пошла учиться в ВШ. Хватило меня, кажется, на 4 или 5 занятий. Далее стала задавать вопросы, что бы могло значить происходящее в оном пространстве, но ответов не получила. Посещать мероприятие прекратила ввиду его очевидной бессмысленности и неприложимости ни к каким сферам жизни. Обсуждала с другими людьми. Они признавались, что тоже не понимают смысла этого обучения, но упорно продолжали начатое. Причины назывались разные: не привык бросать процесс; может быть дальше что-то такое откроется; я понял, что настолько духовно незрел, что не могу вникнуть в очевидное, и спасибо, что меня терпят эти святые люди; мне интересно наблюдать за процессом, посмотрю, что дальше будет...

Правда, многие на приходе и по сей день гордятся своим образованием, полученным в ВШ. Совсем недавно в ней отменили экзамены, вроде бы по требованию епархиального начальства. До того же в конце учебного года (в

мае) верующим становилось сильно не до молитв и вообще не до чего — они лихорадочно строчили шпоры, что-то зубрили и стучали зубами от ужаса засыпаться на экзамене. Все как один просили молитв — чтоб Господь сподобил их благополучно сдать очередной экзамен в ВШ (там 5 классов-курсов для взрослых, соответственно, после каждого курса переводной экзамен). Я много раз спрашивала у тех, кто обращался за молитвенной поддержкой, не кажется ли им странным такая постановка вопроса, ведь вряд ли можно считать при получении духовного образования главным оценки. Главное — знания, полученная или неполученная духовность. Оценки не показывают степени «духовности» и образованности в вопросах веры. Мне отвечали, что я ничего не понимаю, и строчили свои шпоры дальше.

Справедливости ради надо сказать, что в духовности и вопросах, связанных с отправлениями веры, учащиеся ВШ вне зависимости от оценок на экзаменах особо не преуспевают. Например, все мои знакомые выпускники ВШ полагают, что диаконский возглас «Миром Господу помолимся!» — это призыв к соборной молитве (предложение помолиться всем миром, всем вместе). В ВШ, конечно, учат не понимать службу и молитвы, а источникам узнавания воли Божией, это куда актуальнее.

Надо сказать, что всегдашнее понимание, что ты чего-то недоучил, что-то списал, чего-то не понял, вызывает чувство вины. Прихожане жили и живут под гнетом осознания своей нерадивости в делах школьных. Это позволяет отцу-директору и его матушке с легкостью управлять ими как душа пожелает.

По поводу же окормления вот какой интересный нюанс был и есть в духовных экзерсисах отца-директора. Любит он на восьмой день по рождению младенцев посещать семьи своих пасомых и нарекать детям имена. Причем нарекает в соответствии с Божией волей, о которой усердно молится и против которой молодым родителям ну никак не попереть. К ужасу молодых мам, окормляющихся у сего достойного мужа, он нарек (только на моей памяти) их детей Февронией, Феклой, Ананией, Лавром и Пульхерией. Некоторые родители даже плакали, но пойти против Божией воли не посмели.

В настоящее время отец-директор, пользуясь на приходе репутацией первого знатока Св. Писания и Предания, а вкупе и непререкаемого оракула, ввел в приходской клир своего новоиспеченного зятя-диакона и новопоставленного

сына-иерея. Клан его прирастает клонами, и боюсь, отца-настоятеля, у которого имеются определенные проблемы со здоровьем, скоро потеснят сии птенцы. (Если раньше не наложит лапу на любовно собранный и не отпускаемый ни на шаг приход саранская мафия.)

Как я ушла из прихода

Я с самого начала не была верным чадом своего духовного отца и позволяла себе при случае посещать другие храмы. Имела возможность сравнивать, сопоставлять, делать какие-то выводы. Мне не нравилась наша затянутая служба под заунывный знаменный распев, очень не нравилась Херувимская, во время которой отец-настоятель злоупорно и долго молился в алтаре, а хор тянул и тянул нескончаемое «ииииииииииии—ииииииииииииии—ииииииииииииже», не нравился Дмитрий Ростовский и невозможность частых причастий (отец не благословлял, почему-то требуя выстаивания на уставных службах). Меня изумляли странности ВШ и регулярные страшилки в проповедях.

И вот в какой-то момент я поняла, что больше туда не пойду, без обид, просто не пойду; а если формально объяснять, то все происходящее мало сопрягалось в моем представлении со Христом и христианством. За несколько лет моего «прихожанства» я изучила обрядовую сторону вопроса, привыкла жить по церковному календарю, но ощущения, что стала ближе ко Христу, не было. Поездки в этот храм на другом конце города, еженедельное участие в богослужениях все более и более напоминали какую-то странную ролевую игру, в которой я неизменно выступала в роли никому не нужного и не интересного статиста. Статистами были все лаики, которые просто формировали массовку. Это становилось все более скучно.

Еще одно немаловажное обстоятельство буквально изгоняло меня из этого прихода — поощрение доноительства. Родители меня воспитывали под девизом «доносчику первый кнут», стукачество в нашей семье почиталось делом подлым и постыдным. Насколько мне известно, к нему так же относятся и большинство людей. Но на приходе все было иначе. Сколько раз слышала я от прихожан святого храма: «Надо донести!» И шли, и доносили, потому что священноначалие завело такой порядок, тут все было переставлено с ног на голову: надо радоваться смерти ближнего, надо бояться мести Бога, надо стучать на окружающих — ради их же пользы! Потому что они, бедные, сами не видят своего безобразия; а если ты увидел

со стороны, то мог ошибиться, ибо лаик и непроходимо глуп и невежествен; оттого, увидев, что брат твой сделал что-то, с твоей точки зрения, не то, надо донести священноначалию — ему видней, оно с Богом напрямую разговаривает, вот пусть с Богом и разбираются далее, что с этим братом делать — а ты поступил хорошо, вовремя доложив.

Сначала я ничего не знала о системе доносов. Но меня озадачивали вопросы духовного отца на исповеди; он, например, спрашивал, почему я не исповедую ссору с домочадцами, ведь ссорилась же. Мне бы списать сие на его прозорливость (как все и делали и делают), но я в силу своей грубости и глупости вспомнила, что намеренно рассказывала о ссоре подруге; по всему получалось, что она донесла.

Перед моим уходом состоялся разговор с духовным отцом. Он сообщил, что я делаю большую глупость, потому что, конечно же, ему держать за меня ответ на Страшном Суде. Я попыталась сообщить, что хотела бы предстать перед Судией сама. На это он возразил: «Ты думаешь, Он станет с тобой разговаривать? А кто ты такая? Я поставлен здесь, на земле, вязать и решить, ты это знаешь? Что свяжу, то свяжется на Небесах, что разрешу, то разрешится. А ты — что, кто?» Я ответила, что хочу иметь свои отношения с Господом. «А ты что, думаешь, может, что ты Ему и исповедуешься?» — изумился отец. «Именно Ему», — подтвердила я. — «Ошибаешься, мне. И я, если ты будешь хорошо себя вести, скажу Ему на Страшном Суде, что тебя надо в рай, поняла?»

Я сказала, что в голове у меня это не укладывается (и это истинная правда), и я должна взять тайм-аут, чтобы все обдумать.

Прошло несколько лет. Я повидала разные храмы и приходы РПЦ. Вопреки грозным пророчествам духовного отца от Христа не отвернулась, прочитала самостоятельно немало богословских трудов, статей, проповедей разных священников. И все более и более понимаю, что в том виде, в котором Церковь сейчас представлена, она мирянину не нужна, если он, правда, хочет быть со Христом, а не пошаманить на предмет освятить тачку-хатку-окрестить-дитя-от-злого-глаза.

У православных собственная гордость, они на всех «внешних» смотрят свысока. Посещение храмов и — в особенности — членство в приходах дает многим лаикам чувство собственной исключительности и надмирности. Они

надмеваются над нецерковными, ощущают внутреннее превосходство и готовы возлюбить нецерковных ближних только как потенциально церковных. Вообще каждый человек обретает ценность в их глазах как в перспективе могущий воцерковиться. А если вдруг по какой-то причине этой перспективы он лишен, ценность его стремится к нулю. Остается только благочестиво вздохнуть о «Божией воле» (или ее отсутствии).

И за этим приходил Христос? Чтобы сколотить круг избранных, вернее — пирамиду, а остальные были быдлом, не стоящим упоминания? В том Его воля? Категорически в это не верю и не поверю никогда.

Не хочу быть в церковной ограде, делить людей на «своих» и «чужих» по принципу вероисповедания, не хочу быть в системе. И не вижу ничего худого в том, чтобы обходиться без посредника между собой и Господом.

ЧЕРТОВА КУКЛА

Соня Комарова

В очереди на исповедь, прислонившись к стене, стоит молодая бледная женщина в уродливых очках, вид у нее строго-молитвенный и отрешенный. На ней длинная черная юбка и коричневая кофта. На голове — по-русски повязанный темный платок. Женщина нервно мнет в руках бумажку с перечислением своих прегрешений, пересчитывает, достает из сумки блокнот, ручку, кладет на блокнот бумажку, что-то дописывает. От аналога отходит седой маленький мужчина. Старушка впереди оборачивается и кланяется, прижав руки крест-накрест к груди. Женщина в очках торопливо складывает руки — в одной блокнот, в другой ручка, тоже кланяется. Сумка съезжает с плеча, и женщина ставит ее возле себя на пол.

Эта женщина — я, 25 лет назад. А может, 23, неважно. Я была такой лет 10, не меньше — нервной, религиозной, депрессивной.

Моя вера проклеывалась в дни гибели Цоя, убийства отца Александра Меня, когда Тамара Глоба по телевизору предрекала шесть затмений, военный переворот и голод. Насчет голода она не ошиблась. Хотя в прямом смысле голодать не пришлось, дни были наполнены тревогой о том, что и где раздобыть, сначала дефицитом стали яйца, трудно стало купить хлеб и молоко, чтобы выкупить сахар — давились в очередях, потом ввели талоны, потом карточки.

«Мужчина, у вас яйца уже вырезаны?» — «Вырезаны-вырезаны», — кивает мужик. Продавщица должна была сама вырезать бумажный квадратик на определенный продукт из большой карточки.

Ходили слухи о войне с Ираком, все время жили в ощущении, что надвигается что-то плохое: или диктатура, или гражданская война. Мужа чуть не забрали на сборы, а я боялась, что на войну, ходила, угрожала военному, что если кормильца заберут — сяду с младенцем под его дверь. Мясопустные времена были, военком мужа отпустил.

На этом нервическом фоне я настояла на крещении своего первенца, которому тогда был годик. Настоятель храма, недавно отданного Церкви краеведческим музеем, импозантный молдаванин, велел мне уйти, и я маячила сзади метрах в двадцати, страдая от воплей своего младенца, выворачивающегося из рук крестной.

Люди стали готовиться к гражданской войне, сушить сухари, закупать свечи и спички, потом массово стали ставить железные решетки на окна.

В этом году я уже знала, когда Прощеное воскресенье — оно пришлось на 17 февраля, и в этот день я думала о том, что никто никого не простил, стоя в озлобленных очередях. На референдум я не пошла, к тому времени я считала, что все это суета сует, поэтому не отдала свой голос ни против, ни за сохранение СССР и президентство.

19 августа 1991 года я поехала в этот храм и подала записку о Горбачеве за четыре рубля — чтоб за его здоровье молились два месяца.

В это время я еще дописывала диплом по русской религиозной философии. «Вехи», «Из глубины» — будто новый мир открывался. Моя посуда, глядя белье, гуляя с малышом, я думала о Добре и Зле, насилии и терроре, Боге и дьяволе, мучилась от своей «червеобразности», как я это называла, то есть бездарности и никчемности, гадая, чего же хочет от меня Мироздание.

Тогда я еще не закрыла для себя Хармса и Хемингуэя, Цветаеву и Цвейга, мечтала о Париже, не зная, что это все грех и отвлекает от молитвы.

А потом я крестилась, уговорив на это же и мужа, который был готов еще меньше, чем я. Но я имела далеко идущие планы — мне надо было уговорить его венчаться: я узнала, что жить без венчания — грех, и очень страдала по этому поводу. Позже я добилась своего.

Началась моя многолетняя духовная жизнь, полная невротических переживаний и редких радостей. Радость была вначале — после крещения

был небольшой промежуток времени, когда все казалось мне омытым новым светом, будто стеклянная мутная стена между миром и мной рухнула. Радость была на Пасху, радость была порой после причастия — но она уходила так же быстро, как приходила, словно приоткрывалась затычка в каком-то резервуаре души, и благодать, как вода, уходила в трубы.

Сложно сказать, в какой момент это чувство ушло, а на его место пришли монотонное принуждение себя к молитве, выстаивание служб, не приведшее в итоге ни к чему, кроме варикозной болезни и усугубившихся проблем со спиной.

Но в храме нашелся круг общения — мамочки с детьми, и скоро я заняла свою комфортную нишу в этом сообществе. Мы гуляли с детишками и с важным видом обсуждали высокодуховные темы — часами. Из тех церковных подруг сейчас я общаюсь только с одной — и то несколько раз в год.

Я запоем читала все, что подворачивалось под руку — наполняла книжные полки всем, что могла купить на небольшие свои свободные деньги — благо, ни на косметику, ни на шмотки я практически ничего не тратила. Смотрю сейчас на свои фото тех лет и думаю — почему же мне никто не сказал, как ужасно я выгляжу в этих длинных юбках, в этих страшных очках?

Очень меня беспокоили близкие, которые, как я была уверена, непременно станут добычей ада, если не уверуют и не покрестятся, а бабушка — если не покается и не причастится. Помню, какие постные рожи корчила, когда бабушка поминала черта (у нее было любимое ругательство — чертова кукла), как назидательно и занудно ей выговаривала. Как о многом я могла поговорить с ней, художницей, переводчицей, знавшей несколько языков, пока она была жива, если бы моя голова не была занята мыслями о том, как бы обратиться к Богу...

Мои исповеди в течение долгих лет — наверно, лет около пятнадцати (страшно подумать) — были просто комическими номерами. Поскольку «настоящих» грехов практически не было, я бесконечно собирала помыслы. Помню, как бегала к священнику уже после исповеди перед самым причастием, чтобы уговорить выслушать какой-то еще грешок — то ли на кого-то не так посмотрела, то ли что-то не то подумала, и не могла идти такой нечистой причащаться, никак не могла. И священник терпеливо говорил: вы уже исповедовались, идите, причащайтесь.

Или эти бумажки. Дома напишешь конспект, а потом в очереди дополняешь и дополняешь. При этом исхитряясь, как бы так изящно сформулировать — филолог же!

Потом, когда в жизни настал совсем другой период, и я стала на дружеской ноге общаться с попами, которых раньше могла только трепетать, один из них рассказывал мне, как некоторые бабы обожают рассказывать на исповеди, как они грешат с мужем — и так-то он ее, и вот так, и вот эдак, со всеми подробностями. Мне на эти темы говорить было невыносимо, но я знала, что надо, это ж самые ужасные грехи — в пост с законным мужем, а если сны какие-нибудь «нечистые» или мысли — вообще мрак. Смешно, что эротические сны мне снились исключительно тогда, в период лютого неопитства. А потом — как отрезало.

Как-то раз я слегка влюбилась в одного молодого симпатичного батюшку. И надо мне было как-то нестыдно признаться в этом на исповеди, ибо служил-то он в нашем храме, и я чувствовала себя обязанной и имя его назвать. Долго думала. Влюбилась — не подходит, не та сила чувства, нет. Симпатизирую — ну дак что в этом плохого? Наконец сочинила, могу подарить, если кому надо: «испытываю сверхдолжную симпатию к отцу N».

Сейчас принято ругать попов и монахов и валить на них все глупости, сотворенные унылыми неопитами. Нет, мне не в кого бросить камень. Даже в того юного попа с горящими духовным светом очами, в которого я тоже была слегка влюблена, и который на мой вопрос: что делать, пост, а муж хочет близости, — сказал ничтоже сумняшеся: мало ли что он хочет, потерпит.

Ни тем более в настоятеля ставшего родным за многие годы монастырского храма, благообразного молодого архимандрита. Уж не знаю, о чем он думал, выслушивая мои исповеди, но, думаю, может, он ценил, что я всегда старалась быть насколько возможно краткой, и относился ко мне дружелюбно, хотя в духовные чада так и не взял, а я так мечтала. Не помню, чтобы он мне что-то навязывал, хотя в моем тогдашнем состоянии мне достаточно было сказать что угодно, обронить, не думая, пару слов, — я воспринимала это как истину в последней инстанции.

Был еще славный батюшка средних лет, который как-то раз сказал мне на исповеди: вам бы сходить к сексологу. Я было потрясена. Священник, который посылает православную женщину к сексологу, — в 98-м году это так же шокировало, как сейчас совет пойти причащаться в костел. Потом

он с жаром добавил: «Вот я всегда свою жену спрашиваю — было ли ей хорошо!»

Исповедоваться и причащаться я ходила один раз в каждый из постов, когда сын подросток — немного чаще. Обычно тогда, когда начинала чувствовать какой-то сильный душевный дискомфорт, который, как я теперь думаю, был явным проявлением невроза. Семейная жизнь была сумбурной, тяжелой, во многом из-за меня, достававшей своим православием и мужа, и сына, хотя, конечно, и из-за походов благоверного налево и его постоянных пьяных тусовок.

Ребенок постился лет с трех — весь пост без мясного-молочного, с незначительными какими-то послаблениями, выстаивал со мной все службы — бабульки очень умилялись. Читала ему детские жития святых, детскую Библию. В какой-то период считала, что вредны мифы, сказки, слава Богу, это прошло быстро, когда сыну было лет 11, мы вместе читали Нарнию, а потом Хоббита и Властелина колец. Но до этого помню, как оскорблялись мои чувства, если ребенок смотрел в пост мультик или фильм — что я, конечно, старалась ограничивать до минимума — и смеялся. Особенно это задевало в Страстную, и я начинала выносить ему мозг, что это нехорошо и грешно.

До определенного возраста сын послушно посещал храм, ходил в воскресную школу, благо, там было много мальчишек, с которыми можно было потусить. Лет в четырнадцать все это стало сходить на нет, последний раз он приходил на Пасхальное богослужение лет восемь назад. Сейчас ему двадцать восемь, он антиклерикал и увлекается писаниями ЛаВея. Я утешала себя тем, что, даже отойдя на время от Церкви, он всегда будет знать, куда пойти в минуту жизни трудную. Но такие минуты у него были, а в церковь он так и не вернулся. Хорошо еще, что обиды он на меня за свое православное детство не держит, хотя говорит: уж лучше вместо воскресной школы отдали бы меня в научный кружок какой-нибудь.

Последний раз я была на исповеди лет шесть назад, незадолго до развода с мужем. У нас все давно шло под откос, и в какой-то момент я поняла, что больше не могу — ничего, кроме мучений, нам обоим наша совместная жизнь не приносит. Даже сын с надеждой спрашивал: «Мам, может, ты подашь на развод?»

Тогда я не думала, что это будет последний раз. Исповедалась своему приятелю, молодому славному батюшке. Мы сдружились с ним в то время по очень деликатной причине — у него был бурный роман с прихожанкой,

и он, как человек добропорядочный, очень этим терзался и делился со мной. Со мной — потому что знал, что у меня тоже «любовь нелегитимная» к одному иеромонаху. Во время исповеди оба мы делали вид, что я ничего не знаю о его тайной жизни. Никаких нравоучений, конечно, он мне не читал.

Потом я поняла, что обманывать Бога больше не хочу — раз не готова каяться в своей влюбленности, так зачем и устраивать эти спектакли с покаянием. Хотя периодически я говорила про себя: Господи, ну если Тебе это неужодно, сделай же что-нибудь, чтобы моя влюбленность и наша опасная дружба прекратились. Но Господь молчал, и ничего не происходило.

В моем отходе — не скажу пока уходе — из Церкви, упомянутый иеромонах сыграл немаловажную роль. Одно время, работая на местный сайт, я часто брала у него комментарии на разные темы — он умел ярко и образно, порой парадоксально, формулировать свои мысли. Сначала общались по телефону, а как-то раз я решила взять у него интервью.

Он оказался старше, чем я его представляла — почти седым, с ухоженной бородкой а-ля итальянский падре и веселым немонашеским взглядом. Был весьма острым на язык и замечательным собеседником. За несколько встреч он расшевелил умственное болото, в котором я пребывала последние годы. Сначала шокировав меня утверждением, что христианство и православие — разные религии, потом выразив свое неприятие почитания мощей, пошутив, что не хотел бы стать святым хотя бы потому, что не хочет быть растащенным по кусочкам. К тому времени, благодаря книгам Кураева, я уже более трезво смотрела на христианство, чем в первые годы своего неопитства.

Общение, вскоре перешедшее в нечто большее, чем просто дружба, завершило процесс моего пробуждения от душевного и духовного сна. Я второй раз будто вынырнула из тягостного серого сна к теплу и солнцу. Сначала легкий и вдохновляющий, но вскоре ставший душным, роман с ним умер через три года, но это отдельная и довольно трагическая история.

Сейчас я посещаю храм три раза в год — в Великий Четверг на службу Двенадцати Евангелий, в Пасхальную ночь и на Рождество Христово. Я давно не была в монастырском храме, где чуть ли не жила долгие годы. Я еду на окраину города в маленький деревянный храм, где настоятельствует тот иеромонах. У него на приходе теплая домашняя обстановка, разгуливают коты, поет маленький хор из прихожан, служит он бодро, а проповеди говорит не длиннее пяти минут. Прихожане его любят. Я стою всегда

у дальней стены, и он, будучи близорук, никогда не замечает меня — я ухожу всегда до отпуска.

ПОЧЕМУ Я БОЛЬШЕ НЕ...

Ирина Уланова

Я провела в Церкви ровно 10 лет, после чего сняла крест и отказалась даже от роли захожанки. И, как многие здесь, на «Ахилле», хочу поделиться тем, как это произошло.

Это не будет рассказ об оборотнях в рясе, токсичных духовниках или злых старухах. То, что в Церкви есть как хорошие люди, так и плохие, никогда не производило на меня какого-то сильного впечатления. Я работала в церковных структурах и видела и тех, и других. Кое-кому мне и сейчас хочется плюнуть в лицо (потому что подставлять вторую щеку я больше не считаю правильным). Но, хотя мне есть что вспомнить, к Церкви и к христианству вообще у меня другие претензии.

Сначала, так сказать, о теории.

Христианство претендует на то, что события, положившие ему начало, — события исторические, бывшие в реальности. В Символе веры упомянут «Понтийский Пилат» — не как судья, который подписал смертный приговор проповеднику из Назарета, а как правитель, при котором те самые исторические события происходили.

Но это значит, что и подойти к этим событиям можно с позиций истории. И тут начинаются вопросы.

Лично для меня важнейшими оказались два факта. Во-первых, апокалиптические чаяния ранних христиан. Они верили, что Второе пришествие случится при их жизни. Умершие воскреснут, а мы (живые) изменимся, пишет апостол Павел. Двухтысячелетней истории никто не ждал. Но они ошиблись. Что это значит? Что Христос ошибся? Ведь это Ему приписывают слова «не прейдет род сей, как все это будет» (понимать под родом сим род человеческий — большая филологическая вольность). Или Его все-таки неправильно поняли?

Но если так, то не мог ли Он (или они) ошибиться и в чем-то еще?

Согласитесь, сроки Второго пришествия — это не какая-нибудь мелочь вроде тех, к каким любят придираются буквалисты.

Вторая интересная тема — авторство и время создания Евангелий. С тем, что Евангелие от Иоанна создавалось самое раннее в 90-е годы, не спорят, кажется, даже и православные. А теперь представьте, что учеников какого-нибудь очень почитаемого духовного наставника спустя 60 лет после его смерти просят записать воспоминания о нем. Да еще в эпоху, когда нет ни архивов, ни аудио- и видеоматериалов, ни СМИ... Да что там, с грамотностью туго. Кстати, сами создатели (или, по меньшей мере, редакторы) четвертого Евангелия в самом тексте говорят о себе «мы». Об этих «мы» у нас как-то не принято упоминать.

Создание синоптических Евангелий в современной библеистике также относят к последней трети первого века. При этом два автора очень активно использовали текст третьего — так активно, что это не похоже на три рассказа трех очевидцев (как обычно объясняют противоречия в текстах), скорее — на работу автора и двух редакторов.

Кстати, об очевидцах. С большой долей вероятности ни один из евангелистов не был знаком с Иисусом лично и уж точно не входил в круг Его ближайших учеников. Евангелист Марк вообще, возможно, не был палестинцем...

Почему это важно? Да потому что из текстов Нового Завета нельзя понять, чему на самом деле учил Христос и кем Он считал самого себя.

И, кстати, даже если мы примем, что Евангелия предельно точно отражают историческую реальность, появятся новые вопросы. Например, отношение к закону Христа (закон нужно исполнять — только правильно, а не по-фарисейски) и апостола Павла (закон больше не нужен не только язычникам, но и христианам из иудеев). Павел, по всей видимости, Евангелий просто не читал — они были написаны после его смерти. А если бы прочитал? Интересно было бы написать на эту тему роман в жанре альтернативной истории.

И это я еще молчу про Ветхий Завет.

А широта толкований? Можем ли мы однозначно утверждать, что христианство митрополита Антония Сурожского, человека очень деликатного, интеллигентного и, судя по всему, сторонника идеи

апокатастасиса, — что это христианство ближе к оригиналу, чем христианство, например, ура-патриотическое?

Итог: в какой-то момент количество нестыковок достигло критической массы, и я поняла, что больше не могу верить в церковную версию этой древней истории.

От «теории» перейдем к практике.

Отбыв в Церкви 10 лет в качестве активной прихожанки, певчей, сотрудника церковных структур, я перепробовала многое. Послушание духовнику, трехдневные голодовки на первой седмице поста, сверхчастое, как иные выражаются, причащение с тщательной подготовкой, поклоны, Иисусова молитва, паломничества, труд в монастыре, чудотворные иконы, мощи, старцы... В качестве старца выступил духовник одного отдаленного монастыря, который, как мне сказали, видит бесов. К счастью, сам он, хотя и производил все своим обликом совершенно потрясающее впечатление, в старцы вовсе не рвался и в моем случае ограничился только самыми общими советами — например, регулярно читать Псалтирь.

Так вот, в результате я была вынуждена признать: «духовная жизнь» — фикция. Лекарства, предлагаемые в лечебнице, — гомеопатия. Врачи, даже с корочками, читали о здоровье только в книгах.

Покажите мне хоть одного человека, который может сказать о себе, что в нем живет Христос. Подчеркиваю, не книгу о таком человеке! Самого человека. И, пожалуйста, со справкой из ПНД. И который при этом не будет сетовать на то, что женщины в миру ходят в брюках.

Я знаю о христианстве достаточно, чтобы писать проповеди или читать лекции на каких-нибудь провинциальных катехизаторских курсах. О том, что такое святость, как бороться с грехами, зачем нужны молитва, пост и таинства. Только все это — не работает.

Меня учили: носи платок и юбку, читай правило, соблюдай пост и причащайся. Докажи, что твои намерения серьезны! А остальное приложится. Нет, не мирские блага, в пристрастии к которым любят обвинять бестолковых захожан, ищущих в Церкви счастья и здоровья (счастья и здоровья хотеть плохо, это я тоже успела усвоить). Я искала веры, но так и не нашла для нее более серьезных оснований, чем мои собственные страх

смерти и жажда любви и приятия. Ничего, что говорило бы не обо мне, а о Нем.

Справедливости ради замечу, что могу назвать пару случаев, когда я чувствовала, как мне казалось, «благодать». Но что это было на самом деле, я не знаю. И этого — как и свидетельства Павла об опыте третьего неба — недостаточно, чтобы и дальше насилловать себя церковностью.

Помните «пари Паскаля»? Быть верующим выгодно, как ни крути. Если ты прав, и Бог есть — попадешь в рай. Если нет, то не попадешь никуда, но тебе уже будет все равно. А будешь атеистом — не выиграешь ничего, если окажешься прав, и проиграешь все, если ошибешься.

Я предлагаю свою версию. Если Бога нет, то я ничего не теряю, отказываясь в Него верить и жить по правилам, которые установили люди от Его имени. А если Он есть и действительно такой, как пишет о Нем, например, митрополит Антоний Сурожский, то мне нечего бояться. Наверное, я предпочла бы второй вариант. Но это не повод для оптимизма.

ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА В ЦЕРКВИ Я ПРЕВРАТИЛСЯ ИЗ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛНОЕ ДЕРЬМО

Анонимный автор

Мне 30, в Церкви я находился 4 года. К вере пришел благодаря будущей жене. Она, как в России часто бывает, «верила в душе». Я относился к православию негативно, мыслил категориями «попы толстые и ездят на иномарках, а у патриарха дорогие часы». Девушка сказала, что ей будет приятно, если я начну понемногу читать Новый Завет и попробую молиться своими словами, попрошу Бога открыться мне. Чего не сделаешь ради любимой? Через некоторое время понял, что Бог есть. Что Он меня слышит и отвечает на молитвы, пусть и не в привычном человеческом понимании. Так я открыл для себя удивительный мир веры. «Верить в душе» казалось недостаточно, и я решил — все, начинаю новую жизнь. Пошел каяться в грехах и становиться новым человеком в ближайший храм.

Первым священником, с которым удалось пообщаться, был отец А. Пытался «поймать» его около двух недель и все же смог. Отец А. внимательно выслушал мои благие намерения, почесал бороду и внезапно благословил

Иисусову молитву, таинственным образом умудрившись заложить во мне ее правильное понимание минут за пять. Больше с отцом А. я не смог встретиться. Никогда. Он все время сливался с телефонных звонков и не приходил на встречи. Чтобы начать христианскую жизнь, явно требовался другой священник. Им стал отец Б.

Его боялись все. От церковного сторожа до самых лютых бабушек. Люди плакали после исповеди. Отец Б. любил три вещи: отлучать от Причастия, кричать на исповедников и заставлять людей чувствовать себя полным дерьмом. Ко мне он почему-то относился иначе, да и я полюбил этого седого старичка. Приходские работники, видевшие наши беседы за чаем, крутили пальцем у виска. Люди на приходе стали воспринимать меня несколько странно. Наверное, им было обидно, что на меня отец Б. не орет во время исповеди и ни разу не отлучил от Причастия. Непорядок, что тут скажешь.

Отец Б. благословил читать Евангелие, Апостол, Псалтирь, святых отцов, утреннее и вечернее правило, продолжать молиться Иисусовой молитвой и запретил читать Ветхий Завет. Все читал, честно. Как благословили. Неспешно и вдумчиво. Чтение занимало 4–6 часов в день. Особенно сложно было с вечерним правилом, которое часто заставляло меня в ночную смену на работе. Врагу не пожелаю так молиться. Но я не жаловался. Смирался. Готовился к первому Причастию, которое запомнил на всю жизнь. Читал три канона и правило к Причастию в богомерзком русском переводе, чтобы хоть что-то понять. Не ел, не пил, не курил. Готовился к исповеди, которую отец Б. даже не дослушал. Причащался после работы, иначе не получалось. Домой шел переполненный радостью и с ужасной болью в позвоночнике. Присесть во время богослужения некуда, да и не православно. Этот опыт настолько меня травмировал, что ко второму Причастию решился подготовиться только через год.

Когда радостно сообщил отцу Б., что женюсь, он отнесся скептически, назвав мою будущую жену неверующей. Если бы эта «неверующая» девушка не предложила мне начать читать Евангелие и молиться, я — вот кто был бы неверующим. Отца Б. мои доводы не убедили. Не ходит в храм, значит неверующая и точка. Слава Богу, моя жена никогда не познакомилась с отцом Б., и он не сделал из ее психики такую же кашу, какую сделал из моей. Венчать он нас отказался. Считал, что скоро разойдемся.

Когда родилась дочка, свободного времени поубавилось. Тяжелая работа, ночные смены, недосып, 4–6 часов душевспасительного чтения в день и 2 богослужения в неделю. Старался быть полезным в храме. Чистил подсвечники, за ними же присматривал во время богослужений. Читал записки о здравии и упокоении. Старался молиться за перечисленных в них незнакомцев, как мог. Мыл пол, помогал с украшением и уборкой храма во время праздников.

Внутри что-то начало ломаться. В какой-то момент понял, что молитва состоит из слов «Господи, помилуй» перед тем, как провалиться в сон на несколько часов. Когда последний раз был в храме, уже и не помнил. Пытался исправиться, снова «встать в строй». Отец Б. благословил читать и молиться совсем понемногу, но у меня и на это не было сил. Пытался рассказать, что творилось у меня внутри. Что я хочу быть другим, не повторять грехов, больше молиться. Чаше бывать в храме, но ничего не выходит, и я не знаю, что с этим делать. Вместо понимания и поддержки наталкивался на осуждение и злость. Отношение отца Б. ко мне резко изменилось, когда оказалось, что из меня не вышел образцовый православный христианин. Женился непонятно на ком и о душе не радею, что с меня взять, нищего духом. Не найдя в себе сил выдерживать психологическое давление отца Б., перестал ходить в храм. Недавно встретил его на улице. Он слегка кивнул и прошел мимо. Наверное, спасение моей души потеряло актуальность для пастыря.

Решили с женой ходить в другой храм все вместе. Старались читать Писание и святых отцов. Вместе молились. Пробовали поститься. Слава Богу, у нас хватало ума не соблюдать супружеский пост. Присутствовать на службе с начала до конца не получалось. Маленький ребенок, да и здоровье уже не позволяло подолгу стоять. Отец В. разрешал нам просто приходить к концу Литургии, исповедаться и причащаться. Это простой и добрый человек, больше мне о нем сказать нечего. Со временем стал встречать все больше знакомых лиц. Люди оставляли храм отца Б. и массово переходили к отцу В. Думаю, что причины у всех были схожими.

Мне не хватало церковной службы в полном объеме. Старался компенсировать чтением и Иисусовой молитвой. Читал святых отцов, подвижников. Молился Иисусовой молитвой всегда и везде, где только мог, согласно инструкциям Игнатия Брянчанинова. Но полученный опыт молитвы

оказалось не с кем обсудить. Искал ответы у святых отцов. Чем глубже вникал в святоотеческое наследие, тем больше видел расхождение по самым разным вопросам среди них. Полный разброд и шатание в умах. У того же Игнатия Брянчанинова изложено много откровенно страшных и странных суждений, с которыми я так и не смог провести Евангельские параллели. Понял, что не стоило браться за Иисусову молитву вообще. Она не для семейных мирян, живущих в XXI веке. Только кому интересно, что я там понял? В Церкви нельзя озвучивать свое мнение, не подкрепив красивой святоотеческой цитатой, а святые отцы пишут, что Иисусова молитва — это хорошо. Многие книги, находящиеся в свободной продаже, вообще нельзя издавать и давать читать рядовым прихожанам. Кажется, это никого не волнует.

За четыре года в Церкви я превратился из человека в полное дерьмо. Растерял остатки уверенности в себе. Из-за несоответствия моей личности христианскому идеалу развилось ужасное чувство вины. В каждой маленькой проблеме стал видеть наказание за грехи. Терпел скорби, смирялся. Ни одна моя страсть не исцелилась. Напротив, все они проросли во мне в десятикратном размере. Церковь дала мне понимание, что я — моральный урод, но не научила, как с этим жить дальше. Все изменения во мне происходили на глазах жены. Она пыталась помочь, как могла, но ничего не вышло. В итоге собрала вещи и ушла. Больше не могла терпеть человека, который красиво говорит о Боге, но давно сгнил изнутри. Она честно старалась. Благодарен ей за дочку, безграничное терпение и за каждый день, что мы прожили вместе.

Я остался совершенно один. С разрушенной семьей и депрессией. За время, проведенное в Церкви, растерял старых друзей, а новых не нашел. После всенощной на Крещение стоял и курил у храма. Прихожане расходились по домам. Я понял, что никому не нужен. Что похудел на 25 кг после развода, давно перестал бриться и штаны на коленке прохудились. Возможно, меня принимали за постника и аскета, но скорее всем просто было плевать. Люди приходят, выстаивают службу, зачитывают списки грехов, облегченно выдыхают. Уходят домой к своей обычной жизни, которая вряд ли лучше моей собственной. Отец В. ничем не может им помочь, как ничем не смог помочь мне.

Так я и стал «ухажанином». Мне бы хотелось видеть в Церкви мать, о которой так красиво пишут святые отцы. Но вижу только мачеху, черствую к человеческим судьбам и равнодушную к людскому горю. Люди для Церкви — грешники, которые кладут деньги в свечной ящик и покупают иконы Спасителя, чтобы плакать перед ними дома наедине со своими бедами. Мы нужны там по вполне грустным и очевидным причинам. И всех нас очень-очень жаль.

Бывал я и в других храмах. Беседовал с разными священниками, подходил под епитрахиль. Большинство из них равнодушны и невосприимчивы к человеческим страданиям. Прихожане, в большинстве, такие же. Малая часть священников старается быть пастырями для своего стада. Малая часть прихожан старается соблюдать заповеди. Тебя могут ударить в живот во время Литургии, если крестишься не по уставу. Могут не дать кружку воды, потому что она святая. На некоторых приходах тебя не пустят на богослужение, если в кармане не окажется денег на пожертвование. Особенно это весело, когда готовился к Причастию. Про отношение к мужчине с длинными зелеными волосами и пирсингом на лице я тактично промолчу. Скажу лишь, что порой и гопники добрее, чем иные пастыри и паства. Неформал в Церкви может в полной мере ощутить на себе любовь к ближнему.

Я не стал атеистом из-за того, что не нашел своего места в Церкви. Кажется, жена его тоже не нашла. Можно сказать, что я сохранил веру. Странноватую и очень личную, но все же сохранил. Потому что когда я после развода лежал в ванной с лезвием в руках и плакал, кто-то был там со мной. Мне незачем было жить, да и сейчас особенно незачем, но кто-то спас меня. Думаю, это был Он, который есть любовь. Больше просто некому. Поэтому я планирую взять в руки Библию, начать с 1 главы Бытия и попытаться заново во всем разобраться. Попытаться примириться с собой и Христом. Справиться с депрессией и заново научиться жить. С Христом, но вне Церкви. Я больше не хочу быть винтиком в системе. Мне бы хотелось, чтобы в Церкви произошли перемены и с амвона больше говорили не о нашей греховности, а о том, что Бог любит всех нас.

ЕСЛИ ЦЕРКОВЬ НЕ МОЖЕТ ДАВАТЬ ЧЕСТНУЮ ОЦЕНКУ, ТО НЕЧЕГО И ПРИКИДЫВАТЬСЯ НЕВЕСТОЙ ХРИСТОВОЙ

Анонимный автор (бывший прихожанин УПЦ МП)

Так получилось, что мои родители, несмотря на атеистическое воспитание, всегда были верующими людьми. Очень благодарен им за то, что они никогда меня к этому не принуждали — я просто рос в атмосфере уважительного отношения к христианству. Как это часто бывает, мы были классическими «захожанами» и в храме появлялись только на большие праздники, не принимая практически никакого участия в приходской жизни.

Уверен, что некое доброе семя в детстве было заложено успешно — это проявилось в подростковом возрасте, когда любой юноша впервые сталкивается с первыми вызовами взрослой жизни: христианское самосознание здорово уберегло меня от многих неприятностей, которые могли бы изменить мою жизнь не в лучшую сторону. Но все же на то время я не относил себя ни к какой конкретной конфессии, а просто, по зову сердца, заходил иногда в ближайший от дома православный храм.

По-серьезному меня «накрыло» только в 18 лет. Тут сыграли роль многие факторы, и даже одно невероятное происшествие, которые я и по сегодняшний день считаю настоящим чудом Божьим. В общем, я со всей неофитской горячностью погрузился в «духовную жизнь». Думаю, нет смысла подробно описывать все патологии этого состояния — это и так всем известно. Могу только выразить глубокое сожаление о том, что в нашей системе не предусмотрено почти никаких разумных средств по охлаждению пыла «начинающих» православных. Наоборот, в большинстве случаев человек будет получать уверения в правильности своих действий, а что там думает «лежащий во зле мир» не должно его волновать и сбивать «с пути истинного». При таком подходе нечему удивляться, что многие здравомыслящие люди смотрят на православную церковь с опаской — уродливость внутреннего состояния «истинно верующих» порой настолько очевидна, что кроме неприятия или жалости не может вызывать ничего. Мне даже кажется, что по-настоящему быть «светом миру» чаще получается у тех людей, которые смогли избежать стандартного «оправославливания» и просто ставят обыкновенную человеческую честность и порядочность выше всех церковных правил и традиций.

Со временем я остепенился и начал больше включать мозги. Понемногу стала открываться невеселая картина: в Церкви, посягающей на звание единственного носителя Истины, дела порой обстояли более печально, чем в обычных светских компаниях, не претендующих на высокие смыслы. Это страшно огорчало. В то время я уже состоял в местной православной молодежной организации и многое повидал, соприкасаясь с другими православными общинами города. С годами у меня завязались товарищеские отношения с несколькими священнослужителями, которые тоже привнесли ясность в осознание всеобщего положения дел. Я узнал много историй о вопиющей несправедливости в отношениях епископ-священник, о том, какими методами и средствами на самом деле решаются многие внутрицерковные вопросы... Пазл начал складываться: декларируемые Церковью ценности имеют мало общего с реалиями жизни. Конечно, на то время я уже снял детские розовые очки и понимал абсурдность идеалистического мировоззрения, но уже никак не мог избавиться от чувства горького разочарования и какой-то бесполезности всего происходящего.

Сильно подливала масла в огонь моих сомнений постоянная пропаганда имперской идеологии и «славянского единства», которая велась в Церкви на всех уровнях. Как человек, немало поездивший по миру, я никак не мог принять всерьез концепцию, в которой «тлетворный Запад» только и мечтает о том, как уничтожить «Святую Русь». И вообще, со всей ответственностью перед Богом за свои слова, я могу свидетельствовать об ужасающих масштабах «русскомирной» эпидемии среди священства и мирян в УПЦ МП. Удивительным образом в их сознании уживается тоска по царским и советским временам одновременно, а любое упоминание терминов «демократические ценности» или «права и свободы личности» расцениваются исключительно как «душевредные жидомасонские идеи» и «содомитский евродиктат».

По сути, дискуссии на эту тему и положили начало раздору между мной и моим духовным отцом. Критическим моментом стал 2013-й, а затем и 2014-й год — его оценка тех событий и мое виденье ситуации были абсолютно противоположными. Консенсус был невозможен, что и привело меня к выводу о необходимости прекращения своей церковной жизни на том приходе. Тогдашние церковные друзья при встрече говорили мне: «Жаль, что ты уходишь из-за политики!» Сначала я пытался объяснить, что

политика в данном случае не при чем, что просто наступили события, которым Церковь (с ее претензией на морально-нравственный ориентир общества) просто обязана дать честную оценку, и что если она не может назвать воровство — воровством, а убийство — убийством, то тогда и нечего прикидываться Невестой Христовой. Но, встретив железобетонную стену непонимания, я решил выдохнуть, успокоиться и просто тихо покинуть это все.

Произошедшее странно повлияло на меня. По инерции, я хотел было продолжить простую приходскую жизнь в другом храме, но так и не смог настроиться на нужную волну. Если раньше я буквально на крыльях летел на службу, то теперь неразборчивое чтение напряженным голосом, доносящееся из храма, нагоняет на меня невыносимую тоску и желание поскорее идти прочь, закрыв уши руками. Я практически перестал читать и слушать духовную литературу: от елейных речей меня мутит, а суровым угрозам про кару Божью для всех, кто «неверен Матери-Церкви», я больше не верю. Мне остался близок и интересен Новый Завет, но ни на что большее у меня нет ни душевных сил, ни желания.

Прошло уже немало времени с тех пор. Жене непросто понять мой разрыв с Церковью и настолько серьезное отдаление от православия, поэтому ради нее я иногда хожу на службу, причащаем ребенка... Но в храме я больше не могу сосредоточиться — думаю о чем-то своем. Я не перестал верить в Христа, но чувство сакральности происходящего почти полностью исчезло. Все самые острые экзистенциальные вопросы (ответы на которые, как казалось когда-то, уже полностью получены еще на начальных этапах воцерковления) встали передо мной с новой силой.

Есть ли на них ответы? Да и нужны ли они вообще? — на это, уверен, каждый человек должен ответить себе сам, руководствуясь собственным умом и свободной волей, которую, по моему глубокому убеждению, всем нам даровал Господь Бог.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Елена Чурбакова

Хочу поделиться своим опытом церковной жизни.

Крестили меня в детстве, в 10 лет, в 1991 году, в церкви на окраине г. Баку — летом всей семьей ежегодно, до перестройки, ездили туда к бабушке.

Смутно помнится деревянная церковь, лестница, ведущая на второй этаж, и купель с водой, в которую священник зачем-то лил воск с наших свечей. Воск со свечи старшей сестренки то опускался на дно, то поднимался. Наконец он всплыл наверх и больше не тонул.

Крестились всей семьей — стояли как по линейке, со свечами в руках. Была только наша семья и священник. Еще помнится, как после крещения этот священник сказал нам прочитать текст над иконостасом. Кажется, это была какая-то молитва на церковнославянском, но я смотрела на непонятные буквы и не видела в них смысла. Запомнилось удивление от непонимания написанного — ведь я тогда уже очень хорошо читала. Сам обряд, кроме этих эпизодов, не помню вообще.

Следующим летом соседской девочке прислали бесплатную Библию. Тоже захотелось такую, со множеством красочных картинок, в голубой обложке... Заказали и нам. Через некоторое время мы получили Библию для детей, какую хотелось, Библию для самых маленьких и две простенькие книжки Евангелия, не вызвавшие в нас, детях, особого интереса — слишком мелко написано, слишком серьезно для нас. Библии прочитали. Так я узнала про Иисуса Христа и его учение. Видимо, он мне очень понравился: я даже перерисовала его в свой блокнотик. Потом нашла себе другие занятия. Позже, будучи подростком, обнаружила на шкафу неизвестно откуда взявшуюся Библию для детей в черной обложке, с ятями. Помню, как мне стало страшно, когда прочитала о том, что человеку оторвало руки, когда он дотронулся со злыми намерениями до гроба Богородицы. Убрала эту книгу подальше. В те времена в моей жизни не было фильмов ужасов.

В детстве в церковь не ходила — как-то не принято было в нашей семье, хотя Пасху отмечали ежегодно. Тремя семьями собирались в гостях у бабушки бить яйца и есть куличи с двоюродными братьями и сестрами. Весело было, и очень светло и легко.

В церковь в своем городе (Ухта, респ. Коми) зашла впервые в 19 лет. Это был храм св. Стефана Пермского, перестроенный из бывшего Дворца культуры. Хорошо помню крест, прикрепленный к арфе, наверху здания, да бордовые велюровые шторы внутри. А зашли с подругой, чтобы поставить свечи

о поступлении в университет на бюджет. Как до этого додумались — непонятно. Свечи не помогли — пришлось первый год учиться платно, а затем переводиться на заочное и работать.

Жила тихой жизнью девушки-синего чулка, берегущей в сердце свою первую любовь. Алкоголь — только по праздникам, не до потери памяти, курить не понравилось, наркотики не принимала, травку не пробовала никогда в жизни. С молодыми людьми тогда не жила. Моим увлечением были книги — читала запоем. Верила в Бога. Рисовала, писала стихи и любила мечтать о любви и размышлять о смысле жизни. Благо, книги способствовали. Единственное, о чем жалею — об увлечении гаданиями на картах, и-цзинь, маятнике, и о гаданиях на Рождество. Когда гадала людям — сбывалось, когда себе — нет. Прекратила это после смерти папы.

В 2003 году, в 22 года, сильно заболела. Посоветовали поехать лечиться в Сыктывкар, к одной женщине. Благодаря ей я познакомилась с молитвами, иконами, колокольным звоном. Лечила она меня руками — водила по телу, не касаясь. Действительно лечила, я это чувствовала. Лечение ненадолго помогло, но позже пришлось обратиться к хорошему врачу, который мне очень помог. Молитвы, которые я тогда узнала, читала время от времени и потом — они мне нравились.

Очень запомнилась Пасха весной 2005 года. Подружка по колледжу, в котором мы до этого учились, пригласила на освящение куличей. Печь их я очень любила. Пошли к церквушке Покрова Пресвятой Богородицы, от нее начинался крестный ход. Шли по дороге за лошадкой с колоколом, с куличами в руках, над головой сияло небо, солнце было снаружи и внутри. Колокольный звон, брызги святой воды, веселые и улыбчивые люди вокруг — и какая-то незабываемая радость. Больше такой Пасхи в моей жизни никогда не было...

В 2006 году, с подачи подружки из детства, пошла на исповедь, затем на причастие. Весна, маленькая деревянная церковь Покрова Богородицы с зеленой кровлей (она мне очень нравилась), Вербное воскресенье, суета, все толкаются. Больше думалось о том, как бы не опоздать на работу, чем о причастии. Разрешили пройти с детьми — еще накануне вечером священник сказал так сделать. Помню недоуменный взгляд причащающего иерея Вадима, но вопросов не последовало.

После продолжила жить своей жизнью, но великий пост старалась соблюдать, да с сестренкой на Рождество ночью бегали пару раз в эту церквушку на службу. Но — мало места, толпа, мы стояли, ничего толком не слыша из-за гомона и получая тычки со всех сторон.

Через год, с той же подружкой, снова выбрались на исповедь. Опять перед Вербным. Радостно как-то было тогда в церкви. Помнится, после исповеди у меня сильно заболел живот и я присела от боли на деревянную ступеньку. И — такой почему-то незабываемый момент — идет навстречу юноша с небесными глазами и с таким сочувствием спрашивает: «Живот болит?»

Так жизнь моя и шла — все было в меру. Когда нужно и сколько нужно. Верила в Бога и в Его доброту и любовь, когда чувствовала необходимость — молилась. Когда возникла потребность — прочитала Евангелие. Сама, без чьих-либо советов — те книжки, что были получены в детстве.

Уж не знаю, какая блоха укусила меня, но в 30 лет мне понадобилось причаститься великим постом. Наверное, подействовали книги Шмелева — увлекалась тогда ими. О том, что необходима подготовка, как-то подзабылось. Отпросилась с работы и направилась в храм св. Стефана Пермского. Запах ладана, песнопения, малоллюдно. Старушки в платочках. Вдруг — все старушки одновременно грохаются на пол. Я стою, они поднимаются и снова — лбами в пол. Это было так дико для меня. Кто бы мог подумать, что через три года я тоже буду класть земные поклоны... Настал момент причастия. Встала в очередь со всеми, подхожу к чаше, и тут пожилой иерей с темной бородой меня спрашивает, когда я исповедовалась. Давненько. Пригласил на вечернюю исповедь, но я не пришла.

Через год направила стопы в церковь Покрова, мне в этот раз там не понравилось отношение священников и прихожан. Но исповедалась. Год посвятила чтению о Боге, православии, о причастии, подготовке к нему, о жизни православного человека, о молитвах — в основном, это были статьи священников с православных сайтов. Самым страшным мне казалось то, что все эти молитвенные правила и посты необходимо будет соблюдать всю жизнь, до самой смерти. Но это все как-то легко влилось в мою жизнь. Как-то даже слишком легко. Намного труднее было с этим расстаться.

В 2013 году, по уже сложившейся у меня традиции, в великий пост, снова пошла на исповедь. На этот раз в Стефано-Пермский храм.

На исповедь шла как-то без страха, запомнились добрые глаза молодого иерея Василия (как же он изменился с тех пор...). Причастилась. С тех пор ежемесячно стала бывать на исповеди и причастии, хотя в Стефано-Пермском мне не очень нравилось: всегда толпа людей, шумно, суетливо, неуютно. Ходила из-за доброты иерея Василия. Читала о богослужениях, чтобы разбираться, что поют. Читала книги о православной вере, работала, молилась, постилась, радовалась жизни. Как, наверное, и должно быть. В храме ни с кем не знакомилась, приходила и уходила одна. Ходила тогда ради Бога.

Так почти около года прошло. Затем появился стыд — теплые чувства к иерею Василию. Не понимала тогда, что это всего лишь отклик на его доброту, приняла за влюбленность. Мучилась от стыда и не знала, что делать. Говорить об этом на исповеди тому, кто его знает, язык не поворачивался, а умолчать и причаститься, я, в силу своей честности, была не в состоянии. В субботу, перед Пасхой, решила все-таки исповедаться настоятелю храма протоиерею Евгению (я не любила подходить к нему — он вызывал у меня робость и страх уже тогда). Он не разрешил — сказал просто постоять на службе. Расстроилась. Подумала тогда еще: «Ах так! Ну, тогда я буду петь», — это довольно-таки опасная угроза от человека, которому на оба уха наступил медведь... И так получилось, что в ту пасхальную ночь петь причастен пришлось мне и еще двум женщинам. Я пела долго, до позеленения...

На майские пришла в голову идея — поехать в монастырь, исповедать там свою «страшную» тайну.

В какой-то книге меня зацепило название Оптиной пустыни. Я не знала тогда о ее популярности среди православных. Просто зашла на сайт этого монастыря, и, по какой-то неведомой мне причине, слезы стали течь ручьем. Решила, наивная, что это знак. Купила билет до Москвы и поехала в Оптину. Заодно решила посмотреть, что же это такое — монастырь. Представлялись бородатые аскеты с четками в руках и любовью в сердце. В поезде читала «Красную пасху» и заливалась слезами.

В Оптину приехала вечером, шла служба. В гостинице мест не было. Расстроилась, оставила вещи и пошла в храм. Встала в очередь на исповедь. Иеромонах как-то с болью исповедь принимал у всех, засмотрелась на него. На игру похоже не было, у него все было всерьез. Как-то буднично

рассказала ему обо всем — после стольких покаяний в уме, эмоции уже остыли. Пока в очереди стояла, успела святому Амвросию пожаловаться: «Вот, я к тебе так долго ехала, а жить негде!» Место в гостинице нашлось. Так радовалась этому маленькому «чуду». На все подобные маленькие чудеса той поры мое сердце всегда откликалось благодарной детской радостью.

Понравились службы в Оптиной — неторопливые, чинные. Вокруг позолота, иконы, свечи, все блестит — что еще мне, сороке, надо было? Приехала на пять дней. Первые дни помогала трудницам из вагончика — делала, что просили. Затем приехал архимандрит Илий Ноздрин. Ничего о нем тогда тоже не знала и не слышала. Увидала беленького дедушку, раздающего просфоры. Поразила дикость, с которой люди, толкая себе подобных, рвались к нему за благословением. Еле вырвалась из этой давки. Взяла просфору и села на скамеечку, плача от разочарования, пока меня не позвала на кухню чистить картошку одна женщина, Лидия. На кухне было тепло, дружно и весело: монахиня Ирина, трудник Михаил, Лидия, повар Татьяна и еще пара человек. Чистила картошку до кровавых мозолей и смеялась от радости.

На всех службах — и утренних, и вечерних — была маленьким оловянным солдатиком: стояла, не приседая. Считала, что пред Богом надо только так. И удивлялась сидящим монахиням и монахам. Очень мало спала там — ходила на ранние, ложилась поздно из-за вечернего правила.

Мне так хорошо запомнились оптинские просфоры: большие, вкусные. Я, по незнанию, приспособилась с ними после утренней службы чай пить в кафе при монастыре. Потом, на исповеди, узнала, что так нельзя. Перестала. Не знаю, почему, но это мое одно из светлых воспоминаний — утро, чай, сижу, жую просфоры... Ни раскаяния, ни ощущения кощунства нет.

Произошло там со мной в первый раз и нечто странное — дикие эмоции внутри, нелепые страхи, нервозность. Держалась пару дней, потом не выдержала — поехала посмотреть Шамордино. Помню дорогу, дома деревенские, и я — в черной длинной юбке — все иду и иду, и не знаю, по той ли дороге... Наконец, дошла. Храм издали увидела. В лавке встретила шамординскую монахиню — она агрессивно внушала двум покупательницам про приближающийся конец света.

Храм Богородицы впечатлил — никогда не видела столько икон Богоматери в одном месте. И — тихо, безлюдно. Подготовилась там к причастию, и поехала назад, в Оптину. Непонятное состояние прошло. На следующий день причастилась.

Уезжала из Оптиной со слезами. После той поездки перестала краситься.

Вернувшись в свой город, продолжила еженедельно посещать службы, хотя они мне после Оптиной нравиться перестали — слишком быстрое пение, торопливость. В субботу служба была спокойнее, стала ходить еще и по субботам.

После той поездки в Оптину пустынь увлеклась псалмами. Читала церковнославянские тексты на гражданском языке, потом переводила непонятные слова. Стала петь акафисты дома. Так прошло лето — молитвы, акафисты, псалмы. По выходным — службы. В конце августа закончился срочный договор на работе, не продлили. И буквально на следующий день подруга попросила о помощи — не себе, знакомой женщине. У нее случилась трагедия и требовалось 420 тысяч — это практически все мои сбережения за три года работы. Отдала, не раздумывая. (Кстати, та женщина долг мне так и не вернула. Да и не вернет уже за давностью лет, я так думаю.) Я проплакала о ней тогда всю службу, а вечером, во время молитвы, произошло что-то странное. Пришла тишина. Внутренняя.

Спустя пять дней уехала в Оптину. Помню, как тихий оптинский вечер был погран шумом колес моего чемодана. Аж неловко от этого стало — пришлось нести его в руках. На этот раз решила податься в трудницы. И подалась. В первый же день встретила землячку — Татьяну, тоже из Ухты. Нам дали койко-места в одном купе в вагончике для трудниц. Осталось неприятное чувство от запаха мочи в вагончике, от вида недовольных девушек. Хотя, думаю, просто характер местных женщин жестче и грубее, чем у нас, на севере. В вагончике только ночевала — брезговала быть в нем. Стоя на службе, по запаху могла определить женщину из вагончика, одежда пропитывалась этим запахом насквозь.

На обед и ужин ходила в трапезную для трудников. Перед обедом пели молитвы хором — это мне понравилось. Поразило тогда, с какой жадностью и быстротой трудники ели: есть там можно было, только пока читается житие

святого нынешнего дня, после окончания чтения — благодарственные молитвы. Люди боялись остаться голодными, если житие будет коротким.

Работу дали в прачечной, у матушки Екатерины. За ее внешним недовольством скрывалась такая внутренняя доброта — я это почувствовала сразу. Было пять удивительных дней в ее прачечной — это тоже мое светлое воспоминание. Как детские воспоминания. Наверное, если бы я приехала в Оптину еще раз, все было бы уже не таким безоблачным. Ведь замечала, что и там неполадки — нервные, недружелюбные девушки в вагончике, ссоры, на службе передо мной сидели какие-то недовольные монахини. Встретила Михаила, он уже не был таким жизнерадостным, как три месяца назад. На монахов старалась не смотреть.

Сразу после Оптиной поехала в паломнический тур в Иерусалим — путевка была куплена мной заранее, еще до просьбы о деньгах. Было здорово — хорошие люди вокруг, молодой и веселый священник Иоанн, много экскурсий, новые друзья. Впечатлило купание в Галилейском море и окунание в Иордан. Понравилось в Гефсимании. В храме Гроба Господня было как-то странно, что-то не то, как будто. Толпы народа, ажиотаж, невозможность побыть наедине. Сомнения, что это все всамделишное, настоящее. Не понравилась давка на Голгофе во время ночной литургии. Не стоило того. А так — понравилось почти все. Впрочем, как говорит моя бабушка, вся земля свята. Не стоит гоняться за святостью по всему миру, как это делают паломники. Она может оказаться фальшивой.

Это были последние спокойные дни моей жизни. Я приехала домой, и детство закончилось.

Дальше началась разруха — воцерковление.

После приезда пошла в храм на службу и встретила там Татьяну. Была рада видеть ее. Она попросила помочь ей навести порядок в трапезной. Делать мне все равно было нечего — работу я еще не нашла, поэтому согласилась. Трапезную драили два дня. Во время уборки то и дело заходили местные церковные люди — чай попить. Побывали алтарники, продавщицы из лавки, даже монах Петр, живший в то время в одной из комнат храма. Потрудились тогда на славу. Как-то легко и весело было.

Помню, вскоре после этого, ко мне во время отпуска подошла девушка, ровесница по виду, попросила помочь ей — ухаживать по очереди

за цветами у икон, менять воду в вазах. Только-только познакомились (ее звали Римма), как подошла еще одна женщина, Лариса, и попросила помочь ей в библиотеке — составить перечень находящихся там книг, и поработать по воскресеньям в качестве библиотекаря. Я согласилась. Была рада — не люблю сидеть без дела, а работы еще не было. Кстати, помнится мне, что работу я нашла буквально через неделю-другую после этого, но послушания на мне так и остались.

Все было в новинку, все радовало первое время. Потом начались странности. Помню, как после литургии я ходила в храмовую библиотеку с Ларисой. Я не завтракала утром, поэтому к одиннадцати-двенадцати часам кушать уже хотелось. Предложить сходить перекусить я стеснялась. В трапезную Лариса звала меня обычно около часа дня, а до этого она (спросив моего согласия) ставила диск с псалмами в музыкальный центр, довольно громко включив звук.

Во время звучания псалмов, переписывая названия книг, их авторов, я чувствовала, что голова моя становится какой-то пустой, сознание плыло. А Лариса начинала мне что-то рассказывать. Первый ее такой разговор я не помню вообще, но последующие... В течение нескольких месяцев она рассказывала мне про бесов, несла бред про масонов, царскую семью, заговор против России, истории про «чудеса», «настоящих» святых, которых почему-то не канонизируют, и еще про «святую» женщину, у которой дома с икон течет миро. Я верила буквально каждому ее слову. Она травила мой разум также рассказами о том, что якобы происходило с ней. То про «бесовские» картинки перед засыпанием, то про блуд от большого количества жидкости в организме. Все ее рассказы «о себе» через день-два происходили со мной. От страха перед грехом блуда я перестала есть шоколад.

Книги я тоже читала по ее рекомендациям. Это была смесь из книг про царскую семью, бесовские козни, лжестарцев и святых мальчиков. Она даже мне диск давала с «блаженным» Андреем — человеком, которому как-то привиделось, что он попал в рай. В общем, под руководством Ларисы я теряла критичность ума и постепенно становилась православнutoй, в полном смысле этого слова. Раньше я верила только в Бога. В церкви Его стали вытеснять святые, их мощи, святая вода, записочки, просфоры, свечи и прочая православная атрибутика и мистика.

Под воздействием рассказанного и прочитанного, я начала следить за своими мыслями, появился страх плохо подумать. Появлялось иногда недоверие к Ларисе, к другим людям в храме, но я винила себя за это, считая, что эти люди так добры и так любят меня, а я такая плохая...

Очень любила в храме составлять композиции из принесенных прихожанами цветов — маленький полет творчества, но, к сожалению, и тут все портили «плохие» мысли. Не могла расслабиться, даже занимаясь цветами, ощущала внутреннее напряжение и боязнь. В том числе — к людям.

Помню, мне очень нравился алтарник Кирилл — спокойный уравновешенный человек лет 50-60. От него такой добротой и спокойствием веяло. Напряг был иногда даже при нем, хотя ему я почему-то доверяла.

Незаметно для себя стала превращаться в унылое создание: темная одежда, платья (хорошо, что до длинных юбок дело не дошло — они у меня были только для монастырей), косичку заплетать стала, поездки к морю сменились поездками в Дивеево. Встречи с друзьями заменились чтением псалмов, канонов и акафистов, утренним и вечерним правилами. Забросила бассейн. Появилась странная нетерпимость к музыке — воспринимались только богослужебные песнопения. «Плохие» мысли старалась прогнать Иисусовой молитвой. Нескончаемое чувство вины. Недостаток сна, недоедание, подавленность. Попытки привлечь родных и близких в церковь — неоднократные. Отход от своей семьи. Цитирование в разговорах святых отцов и уверенность в истинности догматов православной веры. Ночные страхования.

Очень боялась впасть в прелесть или стать одержимой — протоиерей Евгений на исповеди пугал меня и тем, и другим. Думала, что он свят, и верила ему безоговорочно, и в то же время боялась его. Может, от того, что один раз во время причастия, стоя у чаши, посмотрела ему глаза. В них была такая ненависть, смешанная с омерзением, направленная лично на меня... Я тогда целый день проплакала. К слову сказать, отрезвляющие книги Игнатия Брянчанинова и Иоанна Крестьянкина посоветовал прочитать мне именно он. Так нелепые книги, которые мне давала читать Лариса, заменились книгами, погружающими меня в греховность моей натуры.

Постепенно чувство вины за «плохие» мысли усугублялось. Периоды хорошего настроения становились все меньше, все больше времени стала

находиться в депрессивном состоянии. От православия вдруг повеяло какой-то холодностью, мертвостью, я посчитала это «бесовским наваждением». Такое было чувство, что меня кто-то насильно тянет в бездну, отрывает от жизни. Иногда в голове что-то щелкало, я просыпалась и видела вокруг косые взгляды православных в храме, их нелюбовь друг к другу и не совсем христианские поступки, но гнала это от себя и засыпала опять. Очень силен был страх осуждения. Малейшая критическая мысль воспринималась мною как попытка осудить ближнего. Появились еще какая-то ранимость и неспособность самостоятельно принимать решения.

Вспомнилось, как весной, великим постом, в 2015 году, Татьяна попросила меня помогать ей в выпечке просфор. Я любила заниматься выпечкой, с работы уволилась еще в январе, поэтому согласилась. Благословение на выпечку взяли у иерея Василия. Во время приготовления просфор монотонно читались псалмы, надо было слушать их и не отвлекаться на мысли. А их у меня было много, они у меня были разные... Угнетало молчаливое недовольство Татьяны. Я с детства чувствительна к эмоциональному состоянию других людей, не переношу ни чужую агрессию, ни свою — мне плохо от этого. Думала, она злится на меня из-за того, что я отвлекаюсь от псалмов. И старалась еще сильнее подавить свои мысли. Масла в огонь добавил иерей Василий: помню, как он пришел в трапезную и с негодованием стал мне говорить, что не может в алтаре смотреть на просфоры, на которых чужие мысли. Он фактически заставил меня поверить в то, что священники и «приближенные» к ним лица умеют читать мысли. Это прибавило мне страхов и усугубило чувство вины. Работа по выпечке просфор утратила первоначальную радость.

Когда на исповеди рассказала протоиерею Евгению обо всем, он освободил меня от этого послушания.

В мае поехала в Дивеево. В первый раз мне там очень понравилось — и ранние литургии, и послушание (трудилась в храме), и вкусная гречневая каша. Пробыла там в тот раз около недели, вернулась под светлым впечатлением. Стала ездить каждый год весной. Была там три раза, и сталкивалась со всякими вещами — и добрыми, и злыми. К мощам прикладывалась, котелка св. Серафима Саровского тоже удостоилась. В свой второй приезд в Дивеево попросилась на послушание — и с восьми утра до восьми вечера ежедневно работала в гостинице. Надорвалась, таская

ведра с водой для мытья полов. Тогда же удивилась, заметив, что монахини очень любят обсуждать и осуждать других людей. В богадельне познакомилась с монахиней, которая раньше жила в Ухте. Я почему-то запомнила, как при упоминании протоиерея Евгения она скривилась — видимо, не очень хорошие воспоминания о нем остались. Мои розовые очки в мой третий приезд в Дивеево разбились. Монахиням там все-таки действительно несладко приходится. Любовь там, видимо, только для туристов.

Осенью 2015-го устроилась на работу по срочному договору на полгода. За цветами в храме ходила ухаживать после работы, через день.

Помню разочарование, когда в Стефано-Пермском, в «приближенных», наткнулась на жестокость вместо любви и сочувствия. Была там одна женщина, она долго работает в храме. Она к кому-то была добра, но меня невзлюбила почему-то. Один раз в храме она обозвала меня нецензурным словом. Я проревела полночи от шока, что православный человек матерится в православном храме.

Кстати, о нецензурной брани. Вспомнила, как при мне, стоя напротив царских врат, нецензурно выразился протоиерей Евгений. Я с таким удивлением на него смотрела тогда, а он сказал мне молиться...

Это были цветочки, как оказалось. С его благословения регент Татьяна написала книгу, в которой много нецензурных выражений, — «Я крокодила пред тобою». И все бы ничего, но ее бесплатно раздавали. А бесплатное всем надо. А мат, он так душу разъедает... Я была возмущена, даже на исповеди ему высказала все, что думала об этом, на что протоиерей Евгений ответил, что первоначально мата еще больше было, да цензура не пропустила. Я эту книгу читать не стала, хотя было благословение всем ее прочесть. А благословение протоиерея Евгения в этом храме равно приказу. Непослушание наказуемо.

В общем, капля за каплей... Верить этим людям переставала. Когда зимой 2016-го снова началась перепись книг в библиотеке, старалась работать там так, чтобы избежать встреч с Ларисой — не хотела с ней общаться. Не могу стереть из памяти ту ухмылку на ее губах, когда Ксюша (эта девушка пришла на год позже меня и тоже стала помогать в библиотеке) переживала из-за

пришедшей ей на ум «плохой» мысли... У Ксюши все переживания на лице, трудно было не заметить ее мучений.

Во время работы в библиотеке на глаза попала книга игумена Анатолия Берестова про православные секты. Читала и обнаруживала схожесть ситуаций, методов манипуляций. Дочитав книгу, ушла из этого храма.

На рождество 2017 года, после ухода из Стефано-Пермского, поехала в церковь св. Николая. На улице был мороз –35, а там, в деревянном домике, радостно и вкусно грела настоящая деревенская печка. Так здорово было! Людей было мало, все свои, и среди них я чувствовала себя чужой.

В праздник крещения ходила на литургии в храм Новомучеников Российских, он внутри светлый и просторный, и людей немного. Стала по воскресеньям бегать туда. Начал мучать вопрос о причащении — уйдя из Стефано-Пермского, никак не могла решиться на исповедь. В Прощеное воскресенье решила сходить туда. Чтобы попросить прощения и простить. Глупо, конечно. От одних разило лицемерием, от других веяло тихой радостью. Но я все-таки вернулась обратно — привыкла к этому месту, к этим людям. Пасху встречала там. Крестный ход вокруг храма в ту ночь был со снегопадом, тихим и светлым...

В общем, вернулась. Снова ходила туда по воскресеньям. Снова нервное напряжение. Исповедовалась у иерея Василия. Однажды, не знаю почему, разговор зашел о Боге, и, когда я сказала, что Он все пронизывает, что Он во всем существует, иерей Василий ответил мне, что Господь на престоле лежит. Меня это так покорило. Может, мы о разных богах говорили?

Ходила в храм, и все равно все замечала — интриги, сплетни, зависть, недобрые поступки окружающих «избранных». Уже не могла не замечать. Помнила, как однажды в притворе ударили шваброй собаку во время службы, потому что она стала вторить пению клироса. Помнила мелкие обманы, презрительное отношение к другим людям. Помнила, как семидесятилетняя женщина Нина, которая и так с трудом передвигалась, из последних сил тяжеленным ломом отбивала лед на паперти, а здоровые парни в это время на втором этаже надували шарик. К сожалению, в силу моей худосочности, для меня этот лом был неподъемным. Попросила тогда помочь парня и девушку, зашедших в храм.

В храме, из молодых, трудились на послушаниях Даниил, Егор, да две ровесницы — Аня и Римма. Позже к ним присоединилась Ксюша. Они слушались протоиерея безоговорочно. А я стала размышлять во время богослужений о нравственности и морали, о любви и жестокости, и сравнивала происходящее с Евангелием. Почему-то удавалось сравнить только с фарисеями и книжниками.

Летом 2017 года решилась на поездку в Черногорию. Помню, как стыдилась раздеваться на пляже и загорать. Пришлось в длинном сарафане гулять по Будве и ездить на автобусах по близлежащим городкам. Это тоже было увлекательно. Съездила на экскурсию в монастырь Острог, побывала в Цетинском монастыре. И как-то дошло, что везде в монастырях одно и то же. Толпы паломников, что в России, что в Европе, нужны лишь ради прибыли. Будут и чудотворные иконы, и мощи, и чудеса. Только плати. После Черногории еще больше задумываться стала о происходящем.

Окончательный выбор пути был сделан летом того же года, когда я в храме св. Стефана Пермского, вместо того, чтобы внимать молитвам и молиться во время литургии, стояла и смотрела в окно, как ветер играет листьями на тополе. И почувствовала, что за стенами — жизнь. Живая, настоящая, не лживая. Что есть деревья, солнце, птицы, что все это живет, радуется... А я?..

Походила еще пару дней и ушла. Поняла, что бесконечно устала от интриг, внешнего и внутреннего давления, лицемерия. Не видела больше смысла в церковной жизни, в которой все зависит от кнотов и пряников. Бог в церкви заменен на иллюзию Его присутствия и различные мелкие «чудеса».

Начала нормально питаться, много спать. Появилось огромное количество вопросов об истории православия, истинности этой религии, правдивости Евангелия, Библии и житий святых, необходимости молитв и времени их появления, о святости, святых, мощах, иконах, кресте, «бесовских наваждениях», чудесах, «благодати», за которой гонятся православные, о том, кому выгодна такая вера. Стала много думать, читать и анализировать.

Начала читать про секты, контроль сознания, попались книги Стивена Хассена. С болью обнаруживала в читаемом либо себя, либо кого-то из служителей церкви. За полтора года прочитала много книг о психике

человека, устройстве мозга, гормонах, иллюзиях духовной жизни, лжестарцах, монастырях. Искала ответы на сайтах и форумах.

Больше я по храмам в Ухте не бегала. Мне было очень плохо. Молиться я продолжала, пока не поняла, что это путь «в никуда». Чужие молитвы, чужие слова... Я так больше не чувствую, у меня другой внутренний мир. Возникал когнитивный диссонанс. Перестала молиться спустя год после ухода из церкви. Для этого пришлось насильно ломать в психике какой-то блок. Я специально не помолилась на ночь — и никто меня не съел, никто ночью не напал, и молнией не ударило — блок был снят.

Креститься перестала после того, как сосед по подъезду спросил меня, зачем я это делаю. Ответила: «Благословения Божьего прошу». На что он спросил: «А креститесь зачем?» Уловив в своей голове мысленный ответ: «потому что я православная, а православные все так делают», решила промолчать и покопаться в себе и в интернете. Больше не накладываю крестное знамение ни на себя, ни на еду. Для меня это просто внешний обряд, позволяющий человеку чувствовать себя под защитой. От кого только? От самого себя?

Этим летом отреклась от православной веры — не от Бога, от религии. Крест тоже сняла, только позже — вечером перед днем рождения. Не моя это вера. Не на камне эта религия основана. А я не расположена ни ко лжи, ни к иллюзиям. Хочется быть честной с самой собой. Рада, что так рано все заметила, что провела в церкви всего пять лет — было очень больно, ужасно трудно узнавать правду после жизни в иллюзиях, это такое болезненное пробуждение в одиночестве. Думаю, чем дольше там пробудешь, тем тяжелее будет уйти, когда проснешься. Привычки все-таки много значат в жизни человека.

Недавно близкой подруге рассказала о том, что со мной произошло. Она мне верит. Она видела те изменения, что происходили со мной, когда я ходила в тот храм. Я ведь тогда даже смеяться перестала.

Сейчас пытаюсь помочь одной женщине, попавшей в аналогичную ситуацию, и параллельно восстанавливаюсь сама. Боль как-то сама уходит.

С каждым днем все больше осознаю, что Бог — не в рукотворных храмах, Он — в сердце и душе. И не надо выворачиваться наизнанку, ища в себе и в других потуги «духовной» любви и какие-то мистические способности.

Нужно просто жить. Учусь жить у природы и окружающего мира. Заново учусь радоваться солнцу, небу, дождю и снегу, цветам и деревьям. Радуюсь свободе. Радуюсь работе, интересным и добрым книжкам, музыке, отпуску на море. Радуюсь тому, что чувствую себя живой. Люблю птиц и животных — они не умеют лгать. Люблю детей. Люблю своих родных и близких. Люблю себя — такой, какая я есть. Какой создал меня Бог.

ПРИСЕЛ НА ОБОЧИНЕ

Данила Зиновьев

Удивительное это время — неофитство. Для тебя открывается новый, непознанный, интереснейший мир православия. Ты благоговейно, осторожно, надев розовые очки, начинаешь познавать его. Все священники — небожители, все, что связано с церковью — свято. Я иногда называю это состояние «карантином». Ты «болеешь» и в какой-то степени изолируешься от мира. Миновать это состояние мало кто может. Вот и я не миновал его.

После крещения в студенческие годы, я начал активно воцерковляться.

Слава Богу, на моем пути в это время попадались хорошие люди, грамотные священники, и я вроде не наломал дров. Да, были диспуты с мамой, которая не разделяла моих верований, друзья крутили пальцем у виска, когда молился в общежитии вслух, но в целом все было культурно.

По окончании светского вуза конечно же рвался в семинарию, но Бог отвел, и я не потратил лучшие годы в этом заведении. Пообщавшись с секретарем епархии по поводу поступления, я первый раз ощутил холодок системы и немного задумался, но не надолго, розовые очки еще крепко сидели на носу. Были и светлые моменты: поездки на православный фестиваль «Братья», большое количество друзей единомышленников, со многими до сих пор общаюсь и благодарен Богу за них, были праздники, Пасха, Рождество, все как полагается...

Проработав год по специальности, я поступил в Свято-Тихоновский университет на богословский факультет в Москве на заочное. Такая учеба много знаний дать не могла, так как времени не хватало охватить весь объем, но дала навыки подхода к богословской, исторической литературе,

немного привила вкус к богословским дисциплинам, расширила кругозор, пошатнула розовые очки. Появилось много знакомых, священников, монахов из разных точек СНГ, которым также благодарен за то, что научили критически мыслить.

После окончания учебы я мог рукополагаться, к тому же года два уже пономарил в одном неплохом приходе. Все для этого вроде было, но я не торопился. Когда я только начал пономарить (а до этого я только читал Апостол), для меня открылась не только картина богослужения по ту сторону иконостаса, но и приходская жизнь без прикрас. А взгляд изнутри — это не в храме стоять раз в неделю и слушать елейные проповеди, тут несколько другая картинка. Видно, какие отношения между отцами, как настоятель относится к подчиненным, как в свою очередь подчиненные относятся к простым смертным, как ценят людей и т. д.

И вот первый мой системный вывод: в нашем приходе не ценили людей. Ушел к кришнаитам пономарь, молодой парень, отлично знавший службу и выполнявший свои обязанности. Никто не заметил потери бойца... И так еще два человека — это и семинарист, и пожилая женщина, бессменный чтец на службах в будние дни. Это только те, что были при мне. Ушли не по своей воле и не по Божией... Как бы грубо это ни звучало, их выбросили, за ненадобностью. Это меня поразило до глубины души, и до сих пор я не могу понять: почему так у нас? По сравнению с тем, что настоятель психовал, суетился в большие праздники, чтобы настричь с захожих овец; что на приходе атмосфера страха, подобострастия; что социальная, да собственно вся деятельность — для галочки или на низком уровне — по сравнению со всем этим пренебрежение людьми просто убивает.

Я ушел после того, как настоятель нахамил мне в алтаре и всячески пытался манипулировать в стиле «ты не исполнил священническое благословение...». Чего? Серьезно? Не исполнил? Много всего было неприятного, и много было сделано выводов... Я подумал: а что я здесь делаю? Я человек свободный, у меня два образования, я работаю на светской работе. Что меня действительно держало там, так это дружеские отношения с некоторыми священниками, с которыми мы нет-нет да и собирались за рюмкой чая.

У нас в православной среде есть мантра: «смотри на себя и будет с тебя». Хочется спросить у наших церковных спикеров, типа отца Дмитрия Смирнова

и иже с ним, которые ищут внешних врагов или хамят простому народу. А что с церковью как с институтом, организацией, с Телом, в конце концов, — все в порядке? Почему нет нормальных человеческих отношений там, где должна царить любовь? Почему мы неистово крестим уже почти 30 лет, а 1-2% воцерковленных как были, так и остаются? Почему у нас пропасть между епископом и мирянами, а попы в рабстве у владык? Почему мы не можем оградить молодых семинаристов от п**ров в рясах? Почему у нас священники с амвонов долдонят мантру для мирян на все случаи жизни «я хуже всех»? А потом у нас столько людей с психическими проблемами из-за неправильной духовной жизни — все потому, что видят они один негатив, причем в себе.

Почему эти проблемы остаются прерогативой «Ахиллы»? Ведь они же есть и никуда не ушли.

На данный момент у меня такие вопросы в голове и такой вот опыт. Не скажу, что хороший или плохой, просто опыт, и мне с ним жить, ну и со Христом, конечно.

Я видел и вижу хорошее у нас в церкви. Но и вижу, как людей ломают, бросаются ими, вижу, в том числе, и по статьям-«исповедям» на «Ахилле». И это неутешительно.

Сейчас я сделал паузу в церковной жизни, так сказать, присел на обочине.

БОГ — ЭТО СВЕТ ИЛИ ТОТ, КТО НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН?

Ирина Елисеева

Каков Он, Бог? Кто видел? Кто знает?..

В моей жизни такого вопроса не было — верить или не верить. Помню, в детстве моя русская православная бабушка говорила, указывая пальцем в потолок: «Он все видит!» Я смотрела на лампочку, и у меня темнело в глазах. Позже поняла, что Он — это Бог. И Он почему-то все время за нами следит. Зачем?.. Было не ясно и от этого смутно тревожно.

Отец, крымский татарин, подростком оставшийся без родителей, несколько раз сбегавший из детдома, беспризорничавший, отбился от своей стаи с ее религией, а к маминой, русской, православной, так и не прибился. У него

с Богом были какие-то свои разборки. Я это понимала, когда слышала, как отец, подвыпив, серьезно и долго о чем-то толковал с тем же потолком. В общем, я знала, что там, вверху, есть тот, который нас очень не любит и терпеливо ждет нашей оплошности, промашки, неверного шага, чтобы обрушить на нас весь свой, накопленный в этом ожидании, гнев.

Всегда хотелось знать — каков Он, Бог? Кто видел? Кто знает?.. В Библии Он разный, в рассказах верующих — тоже. То милосерден до полного попустительства, то строг и беспощаден к слабому обманутому человеку, почти как к сатане. Кажется, ответ очевиден — священник знает. Надо спросить у него.

Это (и не только) определило мой путь до православного храма, поскольку я была не в состоянии ни принять то, что говорили мне о Боге, ни отказаться от Него совсем. Почему православный, а не мечеть, например?

Нет, мечеть — не мое. Отец, депортированный в десять лет из деревни Байдары, скитался по детдомам, геологическим партиям (пока было тепло), по спецприемникам и распределителям, не верил ни в Бога, ни в... А летом, приезжая к бабушке (русской, православной), я чувствовала себя свободно. Хотя могла и подзатыльник схлопотать, когда с улицы плюхалась за стол, не помыв руки. Но бабушка соблюдала все церковные праздники и обустраивала их так, что это был действительно Праздник с большой буквы, особенно для нас, детей.

Храм в те времена я видела только издалека. Действующий был один, на расстоянии шестичасовой поездки автобусом. И туда приехав, ты мог попасть к закрытым наглухо дверям. Когда он открывался — никто точно сказать не мог. И от чего это зависело — тоже. Через несколько домов от бабушки жил церковный староста, который бывал на службе в том храме, поэтому у бабушки всегда были свечи, всегда горела лампадка перед старинной медной иконой Богородицы, которую бабушка называла «Троерушница». На полустертой от чисток и от времени иконе третьей руки не было видно, но бабушка точно знала название, потому что этой иконой ее благословила мама в 1918 году, когда она в первый раз в 16 лет вышла замуж. Я всегда думала, что бабушка потому такая домовитая и хозяйственная, что Богородица и ей третью руку иногда дарует. Потому она везде успевает и никогда не устает.

Моих родителей уже не было в живых, когда я крестилась. Крестилась потому, что решила крестить трехлетнего сына, а крещеная ли я сама — не знала. И спросить мне было некого. Бабушка знала только про моего младшего брата, что его точно крестили, потому что в младенчестве с ним приключился родимчик. Его и окрестили у кого-то на дому, в большой секретности. А про меня она не знала. Вот я и крестилась. До сих пор не знаю — в первый или уже во второй раз. Это было в начале перестройки.

В храм ходила время от времени, изредка исповедовалась и причащалась. Работала в детском саду и однажды уговорила заведующую освятить здание. Годы были тревожные. Она согласилась, меня же и отправила договариваться. Батюшка приехал, освятил здание, потом всех пожелавших крестил в бассейне. В спортзале накрыли столы, и весь коллектив с батюшкой трапезничали. А перед тем слушали его проповедь. Было уютно, по-домашнему. И на сердце хорошо.

«За нехристей записки не принимаем»

Первый раз меня отшатнуло от храма и веры, когда я во сне увидела своего покойного отца жалким, немощным, просящим у меня помощи. Проснулась с комком в горле, поплакала и помчалась в церковь. Отстояла службу, подошла к батюшке. Рассказала про сон, про отца. Он слушал внимательно, но когда узнал, что отец — некрещеный, молча меня перекрестил и отошел. Его тут же окружили другие прихожане, я уже не смогла пробиться.

Подошла к старушке, убирающей сгоревшие свечи. Спросила, как можно (как нужно) за отца моего помолиться. Та сначала начала объяснять, как написать записку о поминании усопшего, но услышав, что тот татарин, сказала: «За нехристей записки не принимаем». Так я узнала, что за отца моего в православном храме Бога просить не смею. Сначала было горько и обидно. Потом просто попросила знакомую мусульманку. Она все устроила. Правильно или нет, не знаю. И вообще, сделала ли то, что надо — мне не важно. Дала денег, купила, что она сказала, отдала, кому сказали, и... обрела покой на какое-то время.

В храм ходить не хотелось. Чувствовала себя преступницей, которую в людном месте поймали за руку. Уличили. В чем? В том, что отец — нехристь. Времени с той поры прошло немало, и все изменилось. Оказалось, есть святой Уар. Оказалось, что можно за некрещеных молиться Николаю-

угоднику. И что есть молитва самому Иисусу Христу: «Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего, аще возможно есть, помилуй! Неизследимы судьбы Твои. Не постави мне во грех сей молитвы моей. Но да будет святая воля Твоя».

«Мне некогда, меня покойник ждет»

Со временем обида забылась. В храм все равно продолжала ходить. Редко и только когда уже припекало. Однажды действительно припекло. Муж заболел. Три дня был в коме — сказала детская черепно-мозговая травма. Врачи так и сказали — если повезет, выкарабкается. Повезло. И я стала уговаривать его съездить в церковь на исповедь и причастие. Дело это оказалось очень не простым. Ходил он плохо, стоять не мог. И сидеть не мог дольше 5-7 минут. Но согласился. И мы поехали.

Опоздали в мужскую очередь. Пришлось встать за женщинами. Минут через десять начал заваливаться. Бабушка принесла стул, муж сел. И мы ждали. Молодой священник, принимающий исповедь, очень весело разговаривал с исповедующимися молодыми девушками и женщинами, шутил, не переставая. Я думала, как муж будет исповедоваться? Что будет говорить? Человек он простой, прямодушный. Да еще болезнь эта, с трудом говорит. Поймет ли его молодой веселый батюшка? Но печалилась я зря. Когда до нас дошла очередь, священник снял свою епитрахиль, завернул в нее крест и Евангелие и направился к выходу. Я сначала оторопела, потом опомнилась и побежала за ним к выходу. «Батюшка, муж мой еще не исповедался. Он очень болен...» — «Мне некогда, меня покойник ждет. Хотите — и вы ждите». — «А сколько?» — «Не знаю. Часа три-четыре. А может и не приеду». С этими словами он достал из кармана рясы сотовый и начал куда-то звонить. Потом сел в джип и уехал.

Я стояла, как манекен, минут пять. Не знаю почему. Казалось, он одумается и вернется. Потом вспомнила про мужа, пошла к нему. Тот уже еле сидел. Церковная старушка, которая все это видела, качала головой и крестилась: «Господи, прости нас, грешных». С той поры в этот храм я не хожу. Хотя нет, недавно там отпевали знакомого. Пришлось. Свечи в лавке самые дешевые стоили 45 рублей. Явно не на наши кошельки рассчитаны.

«А ты кто есть перед Богом, чтобы рассуждать? Ты раба, червь»

После неудавшейся попытки исповедать и причастить мужа я не ходила в храм вообще лет десять. Молилась дома, читала акафисты, каноны, свечи покупала в лавках, не заходя в храм. Но я знаю, что страх за моих близких может заставить меня встать на колени перед кем угодно. И когда что-то случается в жизни трудное, грустное, я бегу в храм, и молюсь просто потому, что больше надеяться не на что.

Однажды на исповеди рассказывала о том, какие мысли мучают меня по поводу жизни моих родителей, и как я с ними себя вела неправильно. Осуждала, злилась, а теперь вот их нет. Говорила сквозь слезы. Тяжело было одной справляться со своими житейскими проблемами. Бабушке было уже за 90, ей просто ничего не говорила, не хотела расстраивать. И вот каюсь о том, что плохо к родителям относилась — к маме, отцу, несмотря на то, что он не был православным. «Но ведь он мой отец. И я не должна его осуждать», — говорила я. И вдруг священник очень грубо мне говорит: «А ты кто есть перед Богом, чтобы рассуждать? Ты раба, червь. Твое дело исполнять, а не рассуждать». Я помню, даже испугалась его злого лица и голоса.

А батюшка сказал: «Не верю»

В этом году произошла беда с сыном. 9 мая его задержала полиция при переходе через пешеходный переход с группой других пешеходов и с разрешения военных, которые были расставлены вдоль центральной улицы нашего города. Готовился местечковый парад (забава местного олигарха). Сначала мы ничего не понимали, почему, за что? Задержали, избили, дали двое суток. Потом, в ходе разбирательства и консультаций поняли. Его задержали, чтобы получить выкуп. И чтобы он не мог отвертеться — подложили в карман наркотики. Это обычная схема. Либо платишь деньги, либо... И мы бы ничего не узнали, если бы не нашлось видео, на котором это все оказалось заснято. Но узнали гораздо позже, а по рассказам очевидцев, ОМОНовец, стоящий в оцеплении, все видел и дал полицейским понять (матом), что не одобряет такой подход.

Тогда полицейские, видимо, решили реализовать «план Б» — сфабриковали дело о том, что сын будто бы ударил полицейского и тот получил сотрясение мозга. Знакомый невролог, кандидат медицинских наук, просмотрев экспертизу амбулаторной карты полицейского, якобы подтверждающую сотрясение, сказал: «Ни одного объективного критерия. Только косвенные,

субъективные. Все это только предположение, но не доказательства сотрясения». А когда тот самый потерпевший полицейский отвечал в суде, он сказал, что вообще не помнит, куда его ударили. Тем не менее суд принял его сторону.

Я практически не вылезала из храма, исповедовалась и причащалась, молила о справедливости. Металась в поисках хоть какой-то помощи. А когда все рассказала батюшке — он сказал мне, как Станиславский: «Не верю».

После очередной исповеди и причастия вдруг нашлось то самое видео (официально), на котором четко видно, как сыну, закованному в наручники, с разбитым лицом, залитым кровью и грязью (было сыро и холодно в тот день), не видящему, куда наступить, полицейский усердно что-то пропихивает в карман на протяжении двух минут времени съемки. Я, было, подумала, что Бог нам бросил палочку-выручалочку. Увы! Суд, которому это видео было предоставлено (на котором было видно, что полицейский был без опознавательных знаков; что не было никакого смысла не пропускать человека в это время; что сына и еще группу людей выпустили на проезжую часть полицейские, охрана с противоположной стороны, поэтому они ничего не нарушили, и много-много всяческих доводов), не принял к сведению. Как не принял и то, что из свидетелей в суде был лишь начальник полицейского и его напарник, который избивал сына; и то, что в суде они говорили совершенно противоположное тому, что было написано в их показаниях; и что в самих показаниях не было никакой логики, никакого мотива, объяснения: зачем?

Храм — не то место, где можно разобраться с тем, что случилось с моим сыном. Но когда я ездила и искала поддержки у батюшки, который обычно бывал приветлив и добр, его приветливость иссякла. Он говорил: надо терпеть, Иисус терпел, и мы должны.

Зачем Бог ставит нас на колени?

Я все думаю: Бог испытывает мою веру? Он видит, что я все равно возвращаюсь. Значит, и дальше будет испытывать? А сил уже нет. И вопрос, из тех, на которые нет ответа: чем Бог отличается от тех, кто, напугав угрозой жизни твоей или твоих близких, ставит тебя на колени?

Сейчас не вспомню, кто это сказал: «Просить у Бога земного — все равно, что просить у царя навоза». Во всех акафистах, которые я читала по три раза

на дню, все сводится к одной просьбе: «Не лиши, Господи, нас Царствия Небесного».

И вот в этом году я почувствовала: вера моя иссякла. Что будет со мной за пределами этой жизни — я не знаю. В этой я всеми силами старалась никого не обижать, не обременять своими проблемами и просьбами, быть честной перед самой собой и людьми. Следовала девизу: «Молчи или говори правду». Найдет Бог за что наказать — пусть накажет, но мне Его помощь нужна здесь, в этой жизни. А ее нет. Или все, что я знаю о Боге — ложь.

От кого-то в храме услышала: Бог никому не обещал помогать. Он никому ничего не должен. (Прямо как одна молодая чиновница рассуждает.) А если так — зачем Он нужен? Для чего? Он не исправляет людей, не призывает их быть добрее, уважительнее к другим, чище. Сейчас ко всем, кто нуждается в помощи, отношение презрительное везде: и в храме, и в миру. Рассказывать о том, как чудесно и благостно в других храмах, мне не надо. Я делаю выводы из своего опыта, не из чужого.

И все, что я увидела, через что прошла, породило вопросы: зачем все это? Не потому ли и приходит земная жизнь наша в такое духовное запустение? Ибо суди дерево по плодам его... Вопросов много, но задать их некому.

Образ Бога, который рисовался в детстве, был сумрачным и необъяснимо злым. Взрослея, я эту тему обходила стороной, потому что ни изменить своего представления о Жителе неба, ни отказаться от него вообще, я не могла. Неизменным и неоспоримым для меня было только одно — там кто-то есть, кто-то живет.

Григорий Померанц и Зинаида Миркина

Однажды в каком-то старом журнале мне попались стихи Зинаиды Миркиной, где были такие строки:

А в тихом небе кто-то плакал,

Что мы его не узнаем.

В этих стихотворных строках соединились мои глубинные страхи, но вместо страшного нарисовалось грустное. Как в сказке «Аленький цветочек»: жуткое, непонятное чудовище вдруг захотелось пожалеть. Казалось, автор стихотворения так глубоко влез в мою душу, как я еще сама никогда

не заглядывала. С этого началось знакомство с Зинаидой Александровной Миркиной и Григорием Соломоновичем Померанцем. Сначала заочное, потом личное. Потом наша переписка длилась до самой кончины Григория Соломоновича в 2013 году и до ухода из жизни Зинаиды Александровны в 2018. Они многое могли объяснить, и объясняли. Я и сейчас их письма перечитываю. Но философствовать легко, когда над тобой не висит дамоклов меч твоих повседневных проблем с воспитанием сына, со здоровьем мужа и со своим собственным. А когда ты думаешь, как вытащить мужа из болезни, сына из подростковых комплексов, семью из бесконечных долгов — философия мало помогает. Очень конкретный вопрос «что делать?» — не сходит с повестки дня.

Я уважаю людей, мировоззрение которых выстроено «по умолчанию» и с ценностями, ради которых человек способен пойти на риск и жертвы, и не способен преступить их ни за какие статусные коврижки.

Григорий Соломонович — именно такой человек. Он не цеплялся за внешнее. Не боялся угроз. Потому что сумел договориться со своей глубиной. Отодвинув все и всех, что и кто вносил разлад в его отношения с мирозданием. Он всегда говорил мне: «Прислушивайся к своей собственной глубине. Бог в нас». А когда я шла в храм, там говорили: «Не надо мудрствовать. Есть иконы. Есть написанные молитвы. Молись по-написанному. И причащайся».

Типографские Лики

Что есть икона? Да, бывает, и просто картина гениального художника может перевернуть твоё сознание, судьбу, жизненный путь. А уж икона тем более. Должна, по крайней мере. Рублев писал иконы, готовясь к этому духовно. А кто готовится и как, печатая тысячными тиражами иконки? Типографская машина? Рукотворных икон, брошенных на улице, не встречала. А вот этих, напечатанных на машине большим потоком, — постоянно. Календари с крупными, цветными репродукциями икон — их выбрасывают еще чаще. Зачем это? Ради чего? Ради денег, которые за Лик готов отдать верующий. Но когда их слишком много, этих ликов, а вера слабеет из-за слишком вольного обращения со святыней, а порой и совсем иссякает, тогда Лик становится просто прошлогодним календарем... «Да будет вам по вере вашей»... И мы видим: небеса не разверзаются, молнии не пронзают

грешников и богохульников. И только слепой не видит, что «нет, ребята, все не так! Все не так, ребята!»

Ложь в проповедях священников рождает множество вопросов, на которые они не могут вразумительно ответить. И с каждым годом им, видимо, все труднее и труднее отвечать за поступки выдуманного ими Бога, который всегда молчит. За Него говорят они, а все думают: «Молчание — знак согласия».

До революции не было запрета на Церковь и веру, но пришло время, и верующие стали безбожниками и пошли против... кого? Бога? Или Его лицемерных служителей? Двадцать с лишним лет нет гонений на Церковь, она вполне себе материально процветает. А духовность, нравственность деградирует. Лицемерие, мошенничество, алчность, гордыня, манипулирование паствой ради прибыли и выгоды — эти плоды сегодня наливаются ядовитым соком.

Когда я прочла дневники Иоанна Кронштадтского, я ужаснулась. Подумала: «И там все по блату». Но потом решила — нет, все правильно. Его надо было канонизировать только за то, что он не прятал свои грехи хотя бы от себя самого. Он был честен перед самим собой. И еще он сказал (не помню дословно): надо говорить правду сильным мира сего. А кто у нас сегодня осмелится сказать правду тому олигарху, который отстегивает деньги на содержание храма или на строительство нового? Кто?! Ему скорее отпустят все мыслимые и не мыслимые грехи, и поверят любому вранью, как откровению свыше, в отличие от нас, грешных, которые никому ничего доказать не могут.

В своей статье «Два этюда о Марфе и Марии» Григорий Соломонович назвал меня и моих коллег «нестяжателями». Он очень надеялся на то, что вот-вот в России нестяжатели начнут массовое движение. Увы, как он ошибался! Я сейчас уже все чаще начинаю жалеть о том, что я нестяжатель. Теперь уже поздно учиться этому, но если бы научилась раньше — не Бог, а деньги могли бы сильно облегчить мою жизнь.

Я не верю теперь в того Бога, которого рисует православная церковь

И без Бога уже не могу. Пришла к выводу: Бог — это Свет. Прожектор, который освещает все, что происходит, и вносит ясность в нашу жизнь. Кому нужна эта ясность? Нам, людям. А когда ты начинаешь понимать, что

происходит, ты становишься честным перед самим собой, хотя бы. Ты видишь, что кого-то зря осуждал, а кого-то принимал за другого. А твоя внутренняя честность заставит тебя уважать других. Потому что ты видишь, что не тебе назло они живут, а борются с теми же проблемами, что и ты. Вот тогда уже может возникнуть милосердие, от которого рукой подать до божественной нелицемерной Любви. И все это делается самим человеком. Каждым.

Когда священники говорят о необходимости весомой благодарности, пожертвований, они говорят: Иисус за вас умер на кресте, тем самым спас вас. А когда кто-то наивный начинает думать, что спасение у него в кармане, священники говорят: нет, ты легко можешь оказаться в аду, если не будешь делать... и далее по списку.

Каждый должен прилагать усилия, и не по указке дяди или тети в странном наряде, а по велению сердца и по заповедям.

Храм для меня опустел. Бог вне храма. Ему там слишком темно, слишком тесно и душно. Я продолжаю бояться за своих родных и близких, огорчаюсь и плачу, когда со мной несправедливы и грубы. Это не часто бывает, но именно это заставляло меня падать на колени и просить, просить, просить прощения и помощи. Теперь я поняла — я не там искала Бога. Я не узнала, не увидела Его в сотнях, тысячах растиражированных икон, обставленных свечами за 45, 50, 100 рублей. Ибо Он другой.

Церковь мне напоминает богатый дом, в котором не всем можно в покои хозяев: кто-то дальше прихожей не двинется, потому что одежкой не вышел и пользы с него никакой. Я представляю в этом доме Иисуса. Его, похоже, и на порог не пускают.

О ТОМ, КАК ЦЕРКОВЬ БОЛЬШАЯ МОЖЕТ УНИЧТОЖИТЬ ЦЕРКОВЬ МАЛУЮ...

Анонимный автор

Меня зовут Ольга (имя изменено). Мне 44. В русском православии 20 лет — с двадцати до сорока.

Родилась в Ленинграде, крещена я была лет в 10 в городе Одесса. В моем роду был человек в священном сане — он был благочинным в Одессе в 1960-х годах. Не могу сказать, что церковные традиции передавались как-то в нашей семье, я была обычным советским ребенком. Из детства помню только одну молитву, которую произносил дед-фронтовик со мной перед едой: «Господи, благослови». На этом все. Крещение никак не повлияло на мое ощущение жизни тогда, в 10 лет. Зато прекрасно помню ужасное ощущение опасности и ненадежности нашего мира в связи с общей атмосферой холодной войны и непрекращающейся политической истерией в СМИ и школе, а также в связи с домашним неблагополучием.

Училась я неплохо, поступила в институт. Девяностые годы. Обычная студенческая жизнь с мимолетными влюбленностями и симпатиями и первыми «взрослыми» отношениями, которые мне в общем весьма понравились.

Курсе на втором мы отправились на практику по рисунку в Псковские Печоры, знакомиться с памятником древнерусской архитектуры.

Приехала я одним человеком, а уехала совершенно новым. В Печорах мы провели много времени — около трех недель. За это время я успела зарыться в литературу и перечитать все, что стояло в церковной лавке при входе в монастырь (тогда еще за бесплатное чтение не гоняли), побывать не раз в Пещерах Богом Зданных (тогда еще за вход не брали мзду), уверовать, что все написанное в этих необыкновенных книжках — правда, горько порыдать о своих грехах, исповедоваться и причаститься.

Накрутила себя не на шутку — честно прочитала все каноны и, видимо, они загнали мои нервы в «штопор», так как я к тому моменту хорошо усвоила, что надо вдумчиво читать и буквально проживать каждое слово. Что я, как старательный студент, и сделала.

Причастие же произвело совершенно другое действие — это была невыразимая и какая-то огненная радость, и абсолютная вера в то, что я нахожусь сейчас вот там, где на иконе над царскими вратами сидит Христос с учениками и раздает им Хлеб и Вино.

С этого времени начался период моего горячего неофитства, дружба с единомышленниками-студентами. Это все было так непохоже на тот холод, в котором я выросла. Однако же и в первые недели «новообращенности»

я повидала и всяких околмонастырских ненормальных, заносчивых монахов с радиотелефонами (девяностые годы, это была редкость), полусумасшедших «молитвенников» с медными крестами на лбу, лающих бесноватых и многое другое...

Позже видела и злющий коллектив монастырской кухни на Коневце, и некоего батюшку, явно не в себе, в Александро-Невской Лавре, там же в Лавре — дико злую даму, которая шипела «главное — послушание», и девиц, замотанных в платки ненормального вида. Основная масса церковного народа, признаюсь, производила весьма странное впечатление.

Когда я задавала себе вопрос «а хочу ли я быть похожей на них?», ответ внутри меня был однозначно «НЕТ». И тем не менее волей-неволей я стала похожа на «них». Потому что мне казалось, что если я буду все делать, как говорит Святая Мать-Церковь, то непременно будет результат! В Царство небесное взобраться по лестнице ну очень уж хотелось, а упорства в моем характере достаточно.

Внутри произошло раздвоение — обычные человеческие желания — сексуальной близости, радости, смеха, хорошей еды, песни, танцы, шутки, желание заработать, иметь материальные блага — все это определялось церковью в лице монашества как греховное и вредное для христианина. И я, если считаю себя христианкой, должна принимать это учение. Положа руку на сердце, это все было сплошной мукой — читать 4 канона к причастию, ежедневные правила, знать, что опять и опять надо заниматься самокопанием на исповеди, помнить постные дни, выискивать «следы молока» в продуктах, ощущать весь мир враждебным к тебе и полным соблазнов.

Чуда не произошло — я все равно интересовалась мужчинами, и когда случалось «падение», очень переживала по этому поводу и ощущала как большой грех.

Вскоре мы познакомились с моим будущим мужем. Конечно я не утерпела, и до брака мы знали друг друга.

Он совершенно не имел никакого отношения к вере, найден был мною не в церкви. Видя поведение своих странноватых церковных друзей-юношей, я испугалась связывать с ними свою судьбу. Я уговорила своего мужа покреститься и очень надеялась, что все же его сердце зажжется верой

так же, как и мое. Думала, что покажу ему пример, который ему понравится, и духом мы будем едины. Но, увы, этого не случилось. Он был со мной в Печорах уже несколько позже, прочел там вместо Аввы Дорофея историю церкви от революции до наших дней в каком-то альманахе (кажется, там было как раз о поместном соборе 1917-18 гг., сергианстве) и сделал железные выводы о том, что с этой организацией связываться не стоит. Неизбежно произошел конфликт между нами на религиозной почве. Не открытый, но подспудный и ежедневный.

Позже он в ярости кричал про КГБшную церковь, про манипуляции сознанием, тотальный контроль самых важных сфер человека — секса и смерти, про «пустые глаза», глядящие с икон, про то, что церковь рада забрать у человека последнее имущество. А я ему не верила.

Он был красавец мужчина с нормальной мужской физиологией и нормальным желанием быть с любимой женой, как только представится возможность. А «любимой жене» важнее была «духовная жизнь» — разумеется, посты, духовные разговоры, молитвы и богослужения. Говоря проще, я предала своего мужа и его любовь ко мне. Отвернулась, потому что не секрет, как морально давит церковь человека в интимном вопросе. «Если не можешь в пост отказать мужу — просто лежи, ну или хотя бы сокрушайся тихо о том, что у тебя вот такая неполноценная христианская жизнь», «супружеское сладострастие — грех», «краситься — грех», «красиво одеваться — грех»; про содержание «Номоканонов» молчу. И как максимум — «кто тебе дороже — муж или Бог?»

И вот, «горячая штучка», с которой познакомился когда-то мой муж, очень быстро превратилась в заиндевшее праведное «бревно» в постели. Мне сейчас безумно стыдно и горько перед моим мужем, перед нашей семьей, и перед самой собой и Богом, что я так измывалась над ним. Итог был закономерен — мой добрый и искренний супруг помучился-помучился, поставил крест на мне и полюбил другую женщину.

Дома начались многолетние скандалы, упреки, злоба, которые я сносила с «христианским смирением», абсолютно не понимая, что происходит. Он стал вечно пропадать в командировках, бросая меня одну с двумя младенцами, один из которых был весьма сложным ребенком. В те недолгие моменты, когда он бывал дома, был холоден как скала, презрителен и просто невыносим. Интимные отношения между нами прекратились

совершенно, по его нежеланию. Я и это пыталась сносить «с христианским терпением», увлеклась пением на клиросе и как-то абстрагировалась от этого вопроса. В конце концов, дети рождены, чего глупостями-то заниматься. Вон, у святых было принято по монастырям расходиться, когда дети подросли, и ничего, чудесно жили...

При всем этом семью я считала «святым делом», как учит Церковь, прилагала массу усилий, чтобы везти семейный воз с максимальной отдачей. Рядом с домом построили храм, спасаться стало легче, с певчими-друзьями шутила, что вот, почти монастырская жизнь — утром молитва, день проходит по своим делам, вечером молитва в храме — как чудесно! А семьи у меня уже давно не было. Только я этого не замечала.

Православное воспитание детей тоже не задалось. Я их крестила, пока были малые, приходили к Чаше. Читали Евангелие, жития, молились дома перед едой. Кратко, как мне казалось — без фанатизма. Когда подросли, стало сложнее. Когда сам делаешь усилие над собой, чтобы пойти на исповедь, приходится насиловать и ребенка, впрочем, где-то детская исповедь помогала и даже была чудесная помощь. Как это бесило моего мужа, я узнала много позже.

Через пару-тройку лет отсутствия супружеской жизни я крепко приступила к нему, пытаюсь выяснить, что все-таки происходит? На что была основательно послана нафиг с пожеланием найти себе кого-нибудь другого. При этом мы оставались в браке и жили в одной квартире, он обеспечивал нас с детьми и не только нас... Земля ушла у меня из-под ног...

И скоро будто бомба разорвалась внутри меня. Я стояла на одном из великопостных богослужений, и вдруг в голове зазвенело: «Я не могу больше это слушать, это невыносимо, я не могу больше это все видеть!!!» Меня морально дико тошнило. «Мой мужчина меня давно бросил и больше не любит. По-настоящему не любит. Мы умерли. У меня больше нет семьи...» — наконец-то дошло до меня сквозь розовый православный туман. Дым рассеялся в одночасье. Я помню этот момент — как я вышла из храма и закрыла дверь навсегда. «На свободу!»

Не знаю, стоит ли описывать дальнейшее подробно? Я сорвалась с цепи... я разметала в щепки и клочья все, что было... Обида и оскорбление отвергнутой женщины...

Муж забился в скорлупу, ни в чем не признавался, я считала искренне, что он рехнулся, сошел с ума. Раз так без причины меня ненавидит. Я решила взяться за ум и хоть через N лет стать нормальной женщиной. Лучше поздно, чем никогда. Спортивный зал, стилистика, восточные танцы, наряды, кремы, выступление на сцене... изучение наконец-то вопроса, а что же хочет мужчина от женщины и в плане тела, и в плане души... что им нравится, чем они живут...

Новый мужчина в моей жизни не заставил себя ждать...

Муж долго посмеялся надо мной, говорил, «не верю тебе, ты все равно вернешься в свою церковную нору». Долгое время его сердце было закрыто, занято другой женщиной и ребенком, который у нее был от него.

Оказывается, сначала он не желал меня, потому что любил ее, потом это стало невозможно, потому что он получил расстройство интимной сферы на нервной почве из-за расставания с ней. Все это он рассказал мне сам через 12 лет после начала этой истории... С 30 до 42 лет — вычеркнутые годы из жизни...

На пятом десятке я обнаружила, что человек устроен не так, как нас убеждает церковь, что у мужчины действительно компас, во многом определяющий его поведение, находится в нижней части тела. Что это Второй закон Всемирного тяготения и точка. Не надо говорить про то, что это «греховно», «не духовно» и прочая... это ничего не изменит. Это такая же нормальная потребность человека, как поесть и одеться, и даже намного больше, потому что тут замешано сердце! Будешь идти против, «поворачивать реки вспять» — больно получишь по голове от жизни, как и я получила за свои иллюзии.

С одной стороны я счастлива, что упали с меня эти бессмысленные церковные оковы в виде постов, предписаний, самокопания, самобичевания на исповедях, отрицания сексуальности человека, с другой — я лишилась внутреннего стержня. Было ощущение, что из меня вытряхнули позвоночник. Сказала об этом мужу. «Ну что ты рад? Не хотел жену верующую, получи неверующую».

Проблема отрицания важности интимных отношений и раздирающая семейных уз идет с апостольских времен — многие жены стали отказывать мужьям уже тогда.

Интересно, как человеку предлагается не прелюбодействовать, если жена не дает? Или дает, но с видом мученицы? Вопрос риторический.

На это, правда, есть простой ответ — неверующий если хочет, пусть разводится. Второй брак — «в Господе», а там уже и жизнь «как брат с сестрой» — нормально. Тогда зачем лгать про ценность семьи с язычником или атеистом? Думается, это одна из ключевых причин, почему в мечети мужиков полно, а в наших храмах — по пальцам пересчитать. Потому что ну не нужно это мужикам — становиться бесполоыми ангелами. И правильно делают. И проблему гомосексуализма в церкви никогда не решить, покуда отрицается и не уважается в человеке его влечение к другому полу.

Кто я сейчас? Где я сейчас? Это вопросы открытые. Любовник-мусульманин меня любит, стал последнее время буквально «ломать дверь» и звать замуж. Выйти невозможно, потому что не хочу разорять свой дом и оставить детей без матери. Хотя де факто по количеству телесного и нежного душевного общения мужем уже давно является именно любовник...

Вот такую дурь можно получить на выходе из мясорубки под названием «духовная жизнь».

Разумеется, я читала церковную полемику на этот счет, мне встретилось буквально два-три автора, которые заявляли о том, что «духовнику не место в супружеской спальне». Остальные — в мейнстриме «секс — допустимое зло ради зачатия».

Кто-нибудь спросит: а где же Христос в вашей жизни, Ольга, был ли Он?

Я намеренно ничего не писала о тех благодатных моментах в моей жизни, которые Его Дух даровал мне, о паломничествах, чудесах и маленьких глупых подвигах, которые безусловно были.

Смерть отношений я ощущаю очень болезненно. Сейчас как-то все поутихло, но далеко не решилось.

Мне вообще дико оказаться в такой ситуации, ведь семья — это действительно святое. И раздирая ее надвое, мы имеем однозначно «четыре трупа возле танка».

Что бы дальше ни было — ясно одно: как раньше любить мы друг друга уже не сможем никогда.

Кто ответит за эту отвратительную историю? Патриархия? Схоласты? Монахи?

Ответ известен: самадуравиновата.

Предупреждаю: невнимание к супружеской жизни опасно для жизни!

И ТОГДА ВПЕРВЫЕ Я УСЛЫШАЛА В ГОЛОВЕ ГОЛОС СЕБЯ, ЗАБИТОЙ И ИЗМУЧЕННОЙ: «НАДОЕЛО»

Анонимный автор

Я долго сомневалась, стоит ли отправлять свою историю — знаю, что «Ахиллу» читают священники. Очень страшно, что по каким-то косвенным признакам могут узнать автора и заклеить позором. Решилась написать, только вспомнив, что во времена своей оголтелой веры я тащила в храм кучу своих знакомых, студентов, иностранцев; рассказывала о вере и пыталась «проповедовать» — и тогда никто не был против. Значит, не должны быть против и теперь.

Вера моя действительно была оголтелой. У ребенка из семьи советских интеллигентов (семья — кандидаты и доктора наук) не было шансов столкнуться с религией в детстве. В храм я пришла сама в 20 лет для решения одной мучившей меня проблемы. Пришла в Страстную пятницу, и не просто в храм, а в монастырь, выбрав его на карте города наугад. Помню, как меня поразило зрелище: электрического света нет, только свечи горят, и по всему храму люди в черных одеяниях стоят на коленях. Это было что-то сказочное и великое. В том храме случилась моя первая исповедь, и я открыла для себя огромный мир Православия.

Но самое главное — я открыла саму себя. Я узнала, что если по мирским понятиям я, учившаяся в аспирантуре преподавательница вуза, никогда не имевшая интимных отношений и вредных привычек, в общем-то, почти монашка, то в Православии я «в беззакониях зачата есмь», и моя мать, вышедшая в свое время за отца, будучи невинной, «во гресе роди мя».

Жизнь моя после таких открытий изменилась в один миг. Я решила, что раз я люблю Бога (а это правда было так), то, чтобы отмыться от жутких грехов, я буду делать все «правильно». А правильно — это не «ходить лишь к обеду», а посвятить всю себя Богу.

«Какая часть жизни главная? Правильно, церковная», — сказали мне в монастыре. В общем, я реализовала известный сценарий «заставь дурака Богу молиться»... Я стала поститься всеми постами — сразу. Я резко оборвала общение со всеми мирскими друзьями, перестала слушать музыку (слушала только церковные песнопения), смотреть телевизор, краситься и наряжаться. Мне пришлось бросить танцы и бассейн (все это неприлично). Вся моя жизнь подчинилась церковному календарю — всенощные, литургии, праздники. Отпуска я проводила в монастырях, летом мыла полы в храме. Самое смешное, что я совершенно не собиралась становиться монахиней. Просто я привыкла делать все «на пять с плюсом».

В награду Церковь дала мне огромное интеллектуальное наслаждение — да, тут организации, просуществовавшей две тысячи лет, есть что предложить! Я бросилась в изучение церковнославянского языка, Библии с толкованиями и переводами, церковной истории, писаний святых отцов...

Меня восхищало, что Православие, о котором в народе принято думать как о вере для крестьян, на самом деле имеет такой культурный и интеллектуальный пласт. Каждое слово в Церкви имеет двойные, тройные смыслы и массу отсылок! Забив голову этими толкованиями, я не обращала внимания на игры разума, который иногда подкидывал крамольные мысли.

Бог Ветхого и Нового Завета — два разных образа? История Анании и Сапфиры — ужас? Поступки «праведного» Лота вызывают омерзение? Служить утреннюю службу вечером, а вечернюю утром — глупость? Как я могу считать себя грешнее, скажем, Гитлера? На все эти вопросы у меня были «правильные» ответы, подкрепленные цитатками из авторитетных источников. Критическое мышление я не включала, ведь это принцип и науки — нельзя рассуждать, пока у тебя не будет достаточной базы фактов и аргументов от людей поумнее тебя.

Все изменилось через несколько лет, когда наш вуз сократил преподавательский состав и мне пришлось перейти на работу в частную школу. Если раньше я освобождалась днем и могла себе позволить ходить на вечерние службы, готовить постные обеды и читать святых отцов, то теперь я работала как вол — от нагрузки напрямую зависел заработок. Тут-то я и узнала Православие, которое знакомо большинству мирян.

Когда тебе отчаянно хочется спать, но встаешь на утреннюю молитву. Когда суббота — самый загруженный по работе день, но на всюнощную ты прийти обязан (и не забудь завтра встать на литургию). Когда не успеваешь готовить постное и питаешься одними макаронами (я прибавила двадцать килограмм). Когда так хочется взять большой отпуск, но ты отщипываешь две недели на первую и последнюю неделю Великого Поста (надо же на службы ходить ежедневно). Когда ты ничего, нигде, никак не успеваешь или пропускаешь по усталости, а потом ругаешь себя, ругаешь...

Чем дольше я существовала в таком режиме, тем сильнее крепло мое всеобъемлющее чувство вины. Оно стало моим спутником, подкреплялось молитвами, взращивалось на исповедях. Я чувствовала себя недостойной Бога, а каждое Причастие было подарком от Него. Параллельно с этим я еще и страшно боялась возгордиться — а ведь это дьявольский грех, нет хуже него. И в какой-то момент я просто достигла дна. Я почувствовала себя ТАКОЙ плохой и ТАКОЙ виноватой, что во мне поднялся огромный протест.

Я спросила себя: а что я могу сделать, чтобы не быть такой грешной и такой грязной? Вернее, что я могу сделать ЕЩЕ, ведь я отдала Богу немало физического и умственного труда. Ответ был очевиден — ничего, ведь «все люди грешные, от нихже первый есмь аз», это на всю жизнь. И тогда впервые я услышала в голове голос себя, забитой и измученной: «Надоело».

С тех пор мне стало гораздо труднее молиться. Я пыталась себя понуждать, но как будто с глаз слетела пелена бесконечных переводов и толкований, и я стала видеть сам текст: и он меня совсем не радовал. Какое отношение имеет вполне конкретная история греха царя Давида ко мне, которая усиленно не смотрит на мужчин? Почему я должна молиться Богородице и Ангелу-Хранителю, с которыми не чувствую никакой связи (я в Церкви ради Христа, и Его одного)? «Не обрящеши бо дел оправдающих мя» — а зачем я тогда рву жилы и пытаюсь быть хорошей? Ответов я не находила, и стала пропускать молитву.

Затем словно спала очередная пелена, и меня снес поток вопросов и противоречий, которые я понаходила в текстах и жизни Церкви за все это время. Так что там с жестокостью Ветхого Завета? Почему колдунья Февронья, шантажом вышедшая замуж, должна быть для меня авторитетом в вопросах брака? Почему до сих пор нельзя причащаться в критические дни, если я не живу в древнем Израиле? Почему я в городе пощусь по уставу

монаха-пустынника? Почему Христос воскрес «на третий день», если по тексту совсем не на третий? — и прочая, прочая...

Я поняла, что, в отличие от науки, в Церкви найти истину у меня не получается. Потратив годы на науку, я нашла ответы или хотя бы верное направление поисков. В Церкви все намного сложнее.

Чем больше я читала и изучала, тем в большие дебри я забиралась, но ясности это не прибавляло. Нам либо предлагаются разные (иногда противоречивые) толкования одного и того же; либо общее мнение, названное «традицией» (и просто надо с ней смириться). В науке всегда можно апеллировать к автору идеи, даже почившему. В Церкви это невозможно, потому что автором выступает кто-нибудь «богоносный» или «духоносный», через него говорит сам Бог, просто смиришься.

Последним ударом стала попытка найти укрепившие бы меня в вере примеры. Оказалось, что в православии нет места святым мирянам, зато существует десяток обозначений разного рода страдальцев — мученики, новомученики, священномученики, страсотерпцы.... Да и Христос в Евангелиях не смеется, зато плачет. Я словно со стороны увидела этот постоянный «постный» настрой нашей веры, темные юбки, ежедневная готовность к Апокалипсису (читай — смерти), почитание мощей... Снова мой разум сказал мне: «Я больше так не хочу!»

Пытаясь вернуть веру, я, конечно, пошла в храм. Священник сказал, что я слишком много умничаю, а надо жить проще. Вот как крестьяне, которые не читали столько, а все понимали. Живи по заповедям, и дело с концом.

Я до сих пор думаю, что осталась бы в Церкви, если бы не попыталась исполнить этот совет. Я начала с Ветхого Завета — всего-то десять заповедей. Как бы не так! В каждой моей книге «Подготовка к исповеди» на одну заповедь существует сто подпунктов.

Например, я думаю, что не нарушала заповедь «не кради». А как насчет случайного выноса карандаша с работы? А как же украденное у других людей время? А как же украденная у Бога милость? — и прочие потрясающие толкования, которые превращают одну заповедь в пятьсот. Еще с большим внутренним сопротивлением я столкнулась, пытаясь осознать десятую заповедь, где живые люди, а именно жена и рабыня, просто перечисляются между домом и волом как имущество мужчины.

Глупая, скажете вы, нужно исполнять Новый Завет, мы же в нем живем! Что ж, в Новом Завете заповедей больше, и они не собраны для нашего удобства, нет — они раскиданы по тексту; по сути, все, что говорил Христос, является заповедью. Попытавшись их собрать, я обнаружила, что они как-то интересно персонализированы. Кому-то Он говорил «иди за мной», а кому-то, как гадаринскому бесноватому, запрещал это. Понять, что из этого относится к моей жизни, было почти невозможно.

Конец моей вере пришел на «возлюби Господа Бога твоего...» — ведь я думала, что люблю, но Церковь в каждой молитве объясняла мне, что это не так. Ведь если бы я любила, я бы не грешила. Круг замкнулся. Я поняла, что я со своей головой не могу больше существовать в Церкви.

Я привыкла структурировать информацию. Но в церковных текстах я не вижу никакой логики, один сплошной хаос и нагромождение мнений. Бесконечные толкования на толкования, а вывод один — я грешный, я плохой.

Христос говорит, что Он и есть Истина. Но проблема в том, что мы не знаем, какой Он. Мы знаем, каким Его представляют люди («духоносные»), переводчики, священники, толкователи. Но где гарантия, что они не привнесли в Его образ свои проблемы, свои пожелания и психологические травмы? Христос для меня потерялся, затерся в бесконечных толкованиях и обсуждениях.

Я прекрасно знаю, что мне скажут верующие люди — что я никогда и не знала Его. Что я стала рабом своей гордыни от ума. Что я ничего не поняла / все неправильно поняла. Но знаете, мне уже все равно.

Я провела в Церкви десять лет. За это время в миру я защитила кандидатскую диссертацию, стала руководителем школы и неплохим специалистом в своей области. В Церкви за это время я «ничего не поняла» / «все неправильно поняла». Зато я сильно поправилась, убила здоровье отсутствием спорта, психику — постоянным «покаянием», и до сих пор ни разу не встречалась с мужчиной. Сейчас я пытаюсь вернуться к старому образу жизни — ни о какой религиозной жизни в любой другой конфессии для меня больше не может быть и речи. Я поняла, что я могу потратить всю свою жизнь на поиск истины и ответов на вопрос «как правильно?» — и не найду их все

равно. А могу взять на себя ответственность за свои решения и начать жить здесь и сейчас, и не по книгам, а по уму — уж какой есть.

ПОЧЕМУ НИКТО НЕ СКАЗАЛ МАЛЕНЬКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МАШЕ, ЧТО ОНА НЕ ПЛОХАЯ?..

Анонимный автор

Мне 28 лет, и у меня тревожно-депрессивное расстройство. Маленький ребенок на руках, неустойчивое настроение и постоянная тревога, которая то обостряется, то утихает. Сейчас я чувствую, как сжимается диафрагма, как сутулится моя спина. Это непростой день.

Я бы хотела описать мой опыт в православной церкви. Хочется освободиться от тяжести, которую несу на себе.

Я пробыла активным членом РПЦ около 20 лет. И прошла классический путь «хорошей» православной девочки. Сейчас я чувствую сожаление от того, что раньше не поняла, что можно думать и жить по-другому. Вне системы ценностей и понятий Церкви.

У меня были горящие верой родители, волны начала 1990-х. Папа, импульсивный и увлекающийся, пришел в храм вслед за мамой. Этому событию предшествовало выбрасывание им креста из окна двенадцатиквартирки. Мамина история воцерковления дивна: она включает в себя чудесный эпизод с молитвой знакомого монаха за папу, и последовавшее за этим обращение отца в христианство.

Папа подолгу после этого трудничал на Валааме. Привозил мне морскую гальку из паломничеств.

Одни из самых светлых моих воспоминаний о детстве — это храм, вся наша семья там, вместе, под настенной росписью Веры, Надежды и Любви. Или ждем друг друга перед входом в церковь. Июнь, теплый ветерок по ногам, небо и много зеленого цвета. Мне надежно. Скоро мы пойдем домой, есть желтую кашу (так мы называли пшенку). Папа будет сидеть во главе стола, а мама и старшая сестра слева и справа. Это был период мира и безопасности, мне было около четырех лет.

Хождение в храм по воскресеньям и субботним вечерам было фоном моей жизни много лет. Домашние иконы, хранящиеся годами бордовые пасхальные яйца, ругань за описанный котом календарик с Иисусом Христом.

Я пытаюсь представить свою жизнь без всего этого, и не могу.

Хорошие воспоминания перемежаются со страхом. Помню, как рассматривала икону и уронила ее ликом на стол, мама здорово расстроилась и сказала, что я теперь виновата, с Богом нельзя так поступать. Божье наказание за грехи и моя вина были для меня, Маши из детского сада № 92, реальны. Это позже, через много лет я прочитаю о том, что пока кора головного мозга ребенка не сформирована до конца, он принимает на веру абсолютно все, без возможности критически осмыслить сказанное взрослыми. Любыми.

Радуйтесь, авторы православной литературы. Все, говорившееся в книгах с золотым крестиком на корешке, было для меня авторитетом. Я читала о том, что гордость — страшный грех, а раздражение — его верный симптом. Я диагностировала у себя самые отвратительные человеческие качества, а когда делала что-то дурное, все больше понимала, что я действительно плохая.

Сейчас это вылилось в неистребимую мысль о том, что со мной все давно ясно, и, вообще-то, кончено. Мне 28, у меня чудесная двухлетняя дочка, любящий муж, — и глубокое отторжение себя. Я знаю, почему я стала такой. Ежемесячная исповедь, начиная с семи лет, субботние копания в себе над листком с надписью «Грехи» опустошали. И приучали выискивать в себе плохое. И ненавидеть себя за любое хорошее 15 лет подряд. Гордость же, смертный грех.

Я выросла, и за годы жестоких самобичующих тренировок приобрела свой собственный внутренний голос, который совместил в себе строгость родителей и непререкаемость мнения Церкви. Он судил меня строже всех, обвинял и делал больно. Любое прочитанное мнение святых отцов било по мне, присоединялось к сонму правил и было обязательно к исполнению.

Тем временем я окончила школу, семья распалась, папа ушел от нас. Я поступила на вполне светский исторический факультет, и даже тогда не утратила, а только закалила свой «православный фильтр» для входящей информации. Отсекала и моментально забывала любые утверждения

преподавателей, которые не вписывались в рамки моей веры. Но я все же думала, вопросы не иссякали никогда. Я давила их в себе, запрещала. Но подспудно я понимала, что мир может оказаться шире, и от этого было не по себе.

В моей жизни тогда были статьи на епархиальные сайты, проведение экскурсий, руководство паломническими группами, приходское консультирование, супер-активное участие в православной «молодежке», игра в миссионерском театре. Но этого, очевидно, мне было мало, и на 3 курсе университета я добавила в это «резюме» обучение детей в воскресной школе и самой себя на катехизаторских курсах.

Можно сказать, что я не копала глубоко. Не читала «Лествицу» и «Добротолюбие», имена святых отцов Церкви были хорошо знакомы, но мне не хотелось штудировать их труды от корки до корки. Воспитание в семье, где на каждой книжной полке были православные книги, сделало свое дело, и я разбиралась в священной истории и иконописи лучше, чем кто бы то ни было с моего курса.

Звучит все это отлично: при посещении Эрмитажа я могла свободно рассказать одноклассникам, что происходит на большинстве полотен. Это — Юдифь, а это — Давид. Все понятно. И не все было черно, как может показаться из рассказа. Когда я смотрю на фотографии из своих паломнических поездок, вижу, что тогда мне было хорошо. Я была среди единомышленников, и чувствовала себя в безопасности.

Сейчас немного страшновато, когда встречаю в сети или в родном городе своих православных знакомых. Один публично делит людей на «хороших» православных и презренных «остальных». Другая моя талантливая знакомая, в прошлом глава молодежной общины, все больше теряет себя. В нашей общине было много странных людей. Придирчивые искатели благочестивых невест, книгочеи в очках, и, собственно, сами невесты. Было среди них немало странных субъектов, как в любом православном сообществе. Сегодня я не общаюсь ни с кем из своих церковных друзей. С большинством отношения разладились сами собой. Когда я говорю кому-то из них, что в храм я больше не хожу, меня тактично расспрашивают, как о болезни. И общение прекращается. То, что связывало нас помимо веры, теперь не считается. Я заразна, я — не вернулась.

Сейчас я чувствую отчаянное желание поговорить с такими же, как я, «невозвращенцами». Вне храма я чувствую себя менее защищенной, менее спокойной, ведь опереться на ясные и понятные догмы больше нельзя. Теперь у меня нет уверенности в том, как правильно выстраивать свою жизнь. Приходя на службу в свой храм, я знала, что я нахожусь в потоке, который принесет туда, куда нужно, если я ему доверяю. И жизнь была, действительно, проще и легче. Был Бог, который лучше знает и направит, были четкие критерии для выбора всего: книг, друзей, еды.

Большую роль в моем «отпадении от Церкви» сыграл отъезд из-под маминого крыла. Первая исповедь вне дома показалась мне вторжением в мягкую и ранимую меня. И это ощущение с годами усиливалось. Я стала читать научно-популярные книги, открыла для себя мир биологии и антропологии. Юваль Ной Харари, Ася Казанцева и Ричард Докинз. После книг этих авторов я не смогла думать о мире так, как раньше. Теперь ход мыслей изменился. Вопросы, которые годами одолевали мой ум, получили шанс прозвучать открыто. И стало так легко.

«Не лезь под юбку Матери-Церкви!», «Церковь свята, а потому всегда права», «Отпадение от Церкви — самый страшный грех». Все это до сих пор вертится в моей голове, и вызывает то раздражение, то агрессию, и один главный вопрос: почему никто не сказал маленькой семилетней Маше, что она не плохая? Почему в православии самобичевание прививается так рано, и на всю оставшуюся жизнь?

Нет, теперь я попробую полюбить эту девочку в себе. Она не была виновата, и я готова ее защищать. Спасибо вам за возможность сказать это публично.

Мария

ВЕРУЮ ИЛИ МНЕ КАЖЕТСЯ?

Анонимный автор

Когда-то давно, лет с семнадцати, я часто ломала голову над вопросом: совпадает ли то, что кажется, с тем, что есть? Если мне кажется, что я люблю кого-то, — это значит, я на самом деле его люблю или как? Если у меня вообще появляется такой вопрос, если я сомневаюсь — значит, моя любовь неполноценная? Есть ли вообще объективность? Я думала: если есть Бог,

значит, Он-то знает, на самом деле я люблю или нет. Значит, объективность есть, и Там известно, люблю я или мне это кажется. А если Его нет, значит каждый человек сам по себе и в себе, то получается, что «кажется» — идентично реальности? Очень хотелось, чтобы кто-то сказал мне, на самом деле я люблю того, из-за кого страдаю, или нет.

И вот теперь, благодаря читателям «Ахиллы», я снова часто думаю про это. Четверть века я была православной, воцерковленной христианкой. А теперь два года как посещаю церковь два раза в год. Нет, не на Рождество и Пасху. В Великий Четверг вечером и на Пасху. Слушаю службу 12 евангелий, в руках у меня книжка с текстом, купленная в неофитские годы. На книжке — капли воска. А в конце, под обложкой, много коротких записей — каждый год я отмечала свое присутствие в церкви в этот день: «была с П. (с мужем то есть)», «была одна, Лиза осталась с бабушкой», «была с Лизой, не до конца» и т.д.

Почему я была прихожанкой столько лет? Зачем водила в храм и воскресную школу дочку (пока она не взбунтовалась в 12 лет), молилась несколько раз в день, исповедовалась, причащалась сначала каждым постом, потом раз в месяц, постясь перед этим три дня, как велел духовник? Теперь я читаю в комментариях верующих читателей «Ахиллы»: «если человек ушел из храма, или перестал верить в Бога — это значит, что никакой веры у него на самом деле не было».

И вот теперь я часто думаю об этом. Если любимый человек спустя годы брака стал чужим, ты смотришь на него и понимаешь, что не хочешь быть рядом, что он стал тем, кто буквально душит тебя, что это значит? Что на самом деле ты не любила его, тебе только казалось? Все прекрасное, что было между вами давным-давно — иллюзия, а вашего брака на самом деле в глазах Бога не существовало вовсе? А если ты заходишь в храм и видишь просто здание, просто мужчин в нелепой одежде, просто одиноких людей, которым некуда пойти в выходной день, чтобы почувствовать себя нужными и любимыми, замотанных в платки усталых женщин, убеждающих себя, что у них крепкая православная семья, или уверенных, что еще чуть-чуть поста, ранних подъемов на литургию, заказанных проскомидий — и муж, алкоголик и бабник, перестанет пить и гулять, станет играть с детьми и читать с семьей вечернее правило перед иконами? И ты не можешь понять, что заставляло тебя столько лет тратить драгоценное время своей жизни и жизни дочери на

стояние в духоте, на попытки подражания правильным верующим, о которых вычитала в книжках? Сколько восходов и закатов пропущено, сколько не увидено рек, полей, цветов, сколько прекрасной музыки, книг, фильмов прошло мимо, сколько знакомств было отвергнуто — ибо искушение? Значит ли это, что не было веры, что все эти годы я жила иллюзией?

Сперва подобное предположение меня обижало и возмущало, читать это было неприятно. Как минимум, это означало, что почти половина жизни прошла в самообмане, в то время как правильные верующие жили для Бога и церкви. Конечно, чувствуешь желание защититься, когда фактически тебе говорят: ты неудачница. Мало того, что развелась с мужем после долгих лет брака, мало того, что восемнадцатилетняя дочь вышла замуж за француза, уехала с ним и почти с тобой не общается, мало того, что единственная подруга осталась в церкви и не звонит тебе уже много месяцев, а когда ты ей звонишь — сворачивает разговор и ссылается на занятость — то есть я неудачница и в браке, и в материнстве, и в дружбе, и в карьере, которая не сложилась опять же из-за моей церковности. Так по-вашему, я неудачница глобальная — приняла какую-то ложную веру за истинную, выстроила всю жизнь в соответствии с ней, а потом — бабах, одно за другим все рухнуло, и вы мне говорите, что у меня не было веры?

Теперь я иногда думаю: а может, они правы, верующие читатели «Ахиллы»? Может, и правда человек способен прожить в тумане самообмана полжизни, обращаясь каждодневно к Богу, думая, что получает какие-то ответы, пытаюсь исправить себя в соответствии с заповедями и житиями святых, а потом вера в необходимость церковной жизни незаметно уходит, как вода в песок, и ты становишься перед необходимостью начинать жизнь с чистого листа, без внешних подпорок?

Но если это правда — почему вы не думаете, что то же самое может произойти с вами самими? Что дает вам такую уверенность в адамантовой твердости вашей веры, в ее неиллюзорности, в том, что Бог слышит вас, поддерживает вас, смотрит на вас как на особенных, более близких Ему, чем остальные люди? Ведь все мы, кому вы так легко бросаете «да у вас не было веры», — кто три, кто десять, а кто тридцать лет — были так же уверены, как и вы, что без церкви жизнь пуста, что без причастия мы умрем, что крещение спасло нас от духовной смерти?

По сути, ответ прост: эта уверенность — всего лишь ваше ощущение, ставшее лейтмотивом вашей жизни. Вы верите этому своему чувству, мы верим своему. За всех ушедших не скажу, а за себя могу. Мои чувства и мой опыт говорят мне: Бог есть, но я ничего о Нем не знаю. Он не наказывает за неверие в Него — если наказывает, то в такого бога я верить не хочу. С Ним можно говорить, но в лесу или у моря, или в тайнике собственного сердца среди толпы — этот разговор не менее важен, чем в церковных стенах. Все, что покажется нам ответом — может быть иллюзией, возможно, Он не дает никаких ответов. Хранит ли тех, кто к Нему обращается, бережнее, чем остальных; что будет после смерти; как избавиться от страха за себя и за любимых; важно ли Ему, чтобы мы Его слушались; и в чем мы свободны, а в чем детерминированы — все это вопросы, на которые никогда не будет ответов, а ведь в юности я успокоилась на том, что все ответы — в учении церкви. Теперь нужно искать их заново или — что еще мудрее — смириться с тем, что их нет, и просто жить, принимая как дар небесный все доброе в этой новой жизни.

ЕСЛИ ЭТО ПРОМЫСЕЛ БОГА, ТО КАКОЙ ЦЕЛИ ОН, КАК ПЕДАГОГ, ХОЧЕТ ДОСТИЧЬ?

Анонимный автор

Пришло, видимо, и мое время рассказать о своем многолетнем опыте духовной жизни. Хотя уже отболело. Но многие статьи на «Ахилле» вызывают во мне живой отклик.

Верующей я стала в совсем еще нежном возрасте, 12 лет от роду. В церковь стала ходить с 14. Петь на клиросе — с 16... Не буду здесь углубляться в подробности моего воцерковления, но подчеркну, что оно было очень глубоким. Я перечитала горы литературы, и это были серьезные книги (религиоведение, догматика, богословие, церковное искусство), а не «100500 вопросов батюшке». В церковную жизнь я ушла с головой. И это оказалось настолько глубоко, что наложило отпечаток на всю мою жизнь. Вместо того чтобы пойти после школы в нормальный вуз, я ждала еще целый год до своего восемнадцатилетия (до сих пор не понимаю правил приема в духовные учебные заведения), чтобы поступить в иконописную школу одного из самых серьезных церковных учебных заведений, и навсегда

и бесповоротно связать свою жизнь с РПЦ. Тогда я была уверена, что это единственно правильное для меня решение, что лучше в храме полы мыть и спасаться, нежели увязнуть в мирской суете...

В Бога я верила искренне и истово, любила Его всем сердцем. Временами бывали состояния, когда я реально чувствовала Его присутствие. Не знаю, сейчас я сомневаюсь во всем, в том числе и в своих «встречах» с Ним.

Тогда же я вбила себе в голову прописные истины православия: «Бог тебя не оставит», «ничего не случится без Его воли», «каждый твой вздох, все в твоей жизни — Его промысел о тебе, забота и любовь», «верь, делай что можешь, исполняй заповеди — а уж о тебе Бог позаботится»... В общем, попалась я на рекламу церковных менеджеров. И кого сейчас винить в моей трагедии потери веры? — Бога? — но лично Он ничего мне не обещал. Церковь? — пожалуй, но с нее взятки гладки. Она была, есть и будет. Как и будут сотни и тысячи таких же покалеченных РПЦ людей.

Несостыковки православного мировосприятия и реальности у меня начались года в 23. Сначала это были робкие звоночки, но к 30 годам они переросли в набат. А причиной послужила такая банальщина, как боль от неразделенной первой любви, и мое длительное сидение в девках. Что-то тут было не так. Я ведь все делала, чтобы быть хорошей девочкой! Почему же Бог решил обо мне заботиться именно таким образом?

Наверное, многие девушки меня поймут. Когда от безысходности и отчаяния хочется выть. Но надо делать хорошую мину при плохой игре, и идти на работу... Потом с работы домой... И так каждый день.

Да, у меня были подруги, с которыми мы иногда встречались. Еще была съемная квартира и соседки, неплохие соседки, но... Я была одна со всеми своими проблемами в чужом городе, в котором осталась после окончания иконописной школы.

Этот период я вспоминаю как самый сложный в моей жизни.

Я не обращалась к психологам, но все признаки глубокой депрессии у меня были. Тогда же я осознала и полную бесполезность своего образования для выживания. Я не писала иконы, моя спецификация была куда экзотичнее и дороже, нежели письмо. Соответственно, спрос на такие диковинки (простите, не уточняю род своей деятельности) — величайшая редкость.

И не всякий владыка себе такое может позволить заказать, не говоря уже о простых смертных, типа белого духовенства или мирян.

Я пошла учиться заочно в светский вуз, окончила с отличием. Устроилась по профессии учителем начальной школы. Долго там не проработала, но это отдельная история, в ходе которой я поняла, что хочу жить... Все это время, конечно, я еще верила в Бога, в Его обо мне Промысел. Верила, что все эти страдания — всего лишь предуготовление чего-то большого и волшебного... Ну не может же быть, чтобы было так плохо и так бессмысленно? Я еще молилась. Даже не просто молилась, я кричала внутренне. Но все чаще у меня возникало чувство, что в молитвах я разговариваю со «стенкой».

И тогда стали возникать вопросы: «если это промысел Бога, то какой цели Он, как педагог, хочет достичь?», ведь ничего, кроме озлобления, я уже не чувствовала. И если это Его педагогические методы — то хреновый Он педагог (простите)! Ведь если самую смиренную дворнягу все время воспитывать только поленом — то и она когда-нибудь начнет огрызаться.

Кстати, нужно сказать, что в это же время я познакомилась со священником, который принял в моей жизни живое участие. Он оказал на меня большое влияние. Впервые в жизни я встретила внимательного трезвомыслящего батюшку, который реально ищет истину, и не готов довольствоваться шаблонными РПЦешными ответами. Считаю эту встречу подарком судьбы, за нее я действительно благодарна Богу.

Годам к тридцати я, что называется, перебесилась. Поняла, что да, плохо быть одинокой. Но, оглядываясь вокруг, поняла, что это все-таки лучше, чем быть одинокой в семье. А действительно крепкие и любящие семьи — большая редкость. И особенно в церковной среде. Приступы одиночества еще накрывали, но они перешли в разряд приступов, а не хронического состояния. Я выздоравливала... Потихоньку.

А еще я сделала величайшее открытие в своей жизни: труд должен быть вознагражден. Длительные усилия должны приводить к результату. — Кто бы мог подумать! Случилось это просто: я занялась собой. Стала заниматься спортом, следить за питанием. И тут вдруг стали уходить последствия моей длительной депрессии с боков. Я перестала поститься. И — невероятно! — почувствовала себя так хорошо, как никогда раньше.

И вот тогда я подумала: ну хорошо, отцы церкви нас учат тому, что духовный труд не приносит быстрых результатов. Хорошо. Допустим. Но ведь должны же быть эти результаты после 15 лет «духовной жизни»? Ну хоть какие-то? Ну хоть самые маленькие? Я ведь с 16 лет все выходные провожу в храме, исповедуюсь, причащаюсь регулярно, молюсь. Но почему-то список грехов на бумажке перед исповедью короче не становится. Он очень банален, такой же, как и был лет 15 назад: согрешила мыслями\словом\делом... не туда посмотрела, не то подумала, не вовремя чихнула... Ну и что? Ну и где этот результат многолетней духовной жизни? Да если бы я захотела быть, скажем, бодибилдером, то за 15 лет работы в зале у меня были бы все шансы стать чемпионом мира! Я могла бы стать суперкрутым специалистом в любой области, если бы свои усилия направляла в любое другое русло, кроме церковного.

А что же не так с церковью? Ведь есть же духовные практики, которые помогают людям достичь успехов в духовной жизни? Ну там — прозорливости, чудотворений, непрестанной молитвы или видения своих грехов (а вообще хотелось бы всего лишь достичь уровня любви к ближним). Так почему мы топчемся на месте много лет в церкви, и считаем все, что так и нужно?

И вот невольно я прихожу к мысли, что это просто выгодно и удобно: прихожане не задают вопросов, покупают свечи, заказывают требы и послушно ходят в храм десятки лет.

Ведь если послушать любые проповеди в любых храмах, что мы услышим?

Есть несколько вариантов, в зависимости от предпочтений служащего священника:

- Об истории праздника.
- О значении Евангельского чтения и трактовки его проповедником (каждый год оно одно и то же).
- Чтение святых отцов, типа Иоанна Златоустого, Феофана Затворника и т.д. (людей, живших в других эпохах, и с другим сознанием).
- Проповедь на злобу дня (про то, как все плохо и страшно вокруг), ну и про политику.

И никогда не бывает проповедей на тему «а что конкретно, какие действия я должен сделать, чтобы перейти на следующую ступеньку духовной

лестницы»... Понимаю, меня сейчас закидают камнями, что это все опасно. Да и священники наши — продукты той же РПЦ, и сами не знают, что там, на следующей ступеньке, и как до нее добраться. Но ведь это и есть — смысл церковной жизни? Разве нет? И если церковь не отвечает такому запросу, то зачем в нее ходить? Ситуация в церкви очень похожа на учебу в первом классе: дети учатся себя вести, ходить парами в столовую, поднимать руку прежде чем сказать (читай: ставить свечи, заказывать молебны, писать на листочке правильные исповеди, причащаться), читают по букварю... Но вот проходит 10, 20, 30 лет — а они все так же читают по букварю и ходят парами в столовую!

Верующие мне возразят, что идея Жертвы Христа бессмертна и актуальна в любое время. Наверное. Я согласна с этим. Однако, мне кажется, Жертва Христа — далеко не все, что Он хотел нам дать. Эти события двухтысячелетней давности имеют принципиальное значение для человечества, они открыли дверь, которая раньше была заперта. Дверь в мир Божьей Любви и человеческой свободы. А мы, православные, вместо того чтобы сказать спасибо и войти в эти двери, пали ниц перед входом и долбим головой о пол в величайшем почтении перед дверью...

Вот такие мысли в голову приходят.

Сейчас, надеюсь, церковная ломка в моей жизни уже позади. В настоящее время я профессионально неразрывно связана с церковью. Работаю в церковной структуре. По-прежнему пою на клиросе, хотя сейчас, кроме небольшого дополнительного дохода, мне это не приносит никакого удовольствия. Внутренне я давно разорвала с церковностью, просто отношусь как к работе. И даже не возьмусь оценивать, есть ли вера у меня... Веры церковной нет давно. А просто вера в Бога — величина не постоянная, и каждый день меняется. Не знаю. Христа я уважаю. А вот любить Его у меня давно не получается, хоть Он в этом и не виноват. Ну да пусть Сам рассудит. Я не возражаю. При этом ни желания, ни сил на новую попытку религиозной жизни с учетом предыдущих ошибок — у меня нет.

Можно возразить, дескать, я неблагодарная, меня церковь-мать взрастила, вскормила, а я теперь так о ней отзываюсь. Да и многие люди проходят через очень большие скорби, а от церкви не отворачиваются... Может быть. Но сейчас для меня церковь — это просто здание, клуб по интересам (причем публика, его наполняющая, часто бывает странненькая. Вот,

простите, не хотела бы я попасть в рай в этой компании, и навечно). А внутри этого клуба — пустота. Архаика, запах ладана, молитвы тысячелетней давности, составленные греками для греков. И взрослые люди, которые заигрались в субкультуру в затхлой и удушливой атмосфере храмов.

КАК ПРАВОСЛАВНЫЕ РОДИТЕЛИ МОГУТ ВОСПИТАТЬ «САТАНИСТКУ»

Анонимный автор

Я хочу рассказать читателям о том, к чему приводит православное воспитание. О том, как родители, воспитывая ребенка с рождения «в лоне Церкви», получили «сатанистку».

Когда я родилась, мои родители уже пришли к вере и были погружены в нее глубоко. Мать работала в церковной лавке, а отец был сторожем, позже его рукоположили в диакона. Мне тогда было 4 года. К слову, моя мать имеет диплом инженера, а отец учился на строителя, они могли бы построить замечательную карьеру, и все сейчас было бы по-другому, не свяжи они свою жизнь с церковью настолько глубоко.

В раннем детстве я получила знания о боге и прочем раньше, чем научилась читать и писать. Больше всего тогда я испугалась рассказов об аде, и сразу задумалась: а зачем тогда вы меня произвели на свет? Вдруг я в ад попаду? С семьей мы ходили в церковь каждый день, по воскресеньям я причащалась. До семи лет — без исповеди, а потом уже реже, так как исповедь — это очень страшно для ребенка. Нашу семью знали все священники, и как я им буду рассказывать о том, что мастурбирую с пяти лет? В общем, я рано начала развиваться и с малых лет обо всем уже была в курсе, хоть и старалась жить «как надо».

Постепенно я начала понимать, что жить правильно невозможно. Что родившись, человек уже грешен (а зачем тогда рождаться?), что мир во зле лежит (тогда лучше правда не рождаться), что жизнь — юдоль плачевная (зачем, мама, папа?). Начитавшись житий святых, я поняла, что есть два пути спасения — мученический и монашеский. Так как гонений на христиан вроде нет, я решила, что надо идти по стезе монашеской. (Это я все еще о детстве рассказываю, кстати.)

В начальной школе я стала воспитывать в себе смирение и терпение. Сказать о том, что меня обижали – ничего не сказать. Надо мной просто издевались, потому что я молчала и терпела, а внутри думала, что спасаюсь. В то время я уже объявила всем подружкам о том, что стану монашкой, над чем они не преминули посмеяться. В общем, в детстве я еще хоть как-то старалась.

Первый кризис меня настиг лет в 12. «А действительно ли есть бог?» — вертелось в моей голове, и я понимала, что это грех, каялась и снова думала. Тогда родители почему-то решили, что ребенок=прислуга в доме, и началось: домашний арест, скандалы из-за непонимания математики, тапком по голове, ремнем по попе, подзатыльники и крики-крики-крики... начались папины запои и агрессивное поведение. А где же бог? Почему он не помогает мне? Меня кто-нибудь любит? Я нужна кому-нибудь? Зачем я здесь? Такие вопросы вертелись в голове 12-летней девочки, которая уже стала чаще думать о смерти как об облегчении земных страданий.

Родилась любовь к тяжелому року, как к единственному утешению, рисунки страданий, стихи о смерти. Это вылилось в протест. Я рисовала пентаграммы, красила глаза черным, носила рок-атрибутику и слушала Рамштайн. Эта любовь была сильнее, чем любовь к богу.

Хотя мои родители старались, проводили «душеспасительные» беседы (чаще всего папа), а мама была вечно усталой, и для меня завоевать ее внимание было сложно. Я помню мать вечно злой, недовольной, а у меня было ощущение, что я ей постоянно мешаю. Беседы с папой были недостаточно информативными для меня. У него на все был один ответ: молись, исповедуйся, причащайся и будет тебе рай после смерти. А мне надо было знать – точно ли это будет? Где доказательства? Зачем бог нас создал, если он все знает? Если он знает, что грешник попадет в ад, зачем он допускает это? Почему одни умирают, только родившись (и сразу в рай? легко отделались!), а другим надо проходить искушения и испытания от бога? Почему болезни от бога, а радости от дьявола? К таким вопросам папа был не готов, у него все проще, а мне надо было докопаться до сути.

Время от времени я успокаивалась наличием «чудес» вроде мощей или благодатного огня. Грешила, каялась, плакала, часами валялась на коленях у икон, крестила стены (от бесов) и даже держала голодный пост в страстную седмицу! (Неужели я все это делала?) А потом все снова: зачем, зачем, зачем – вечный вопрос не утихал в голове.

Лет в 14 я попала в церковный хор и стала мечтать научиться петь. После окончания школы я поступила в музыкальный колледж, чтобы стать регентом (хорошо, что не в семинарию!). Хотя в своей голове я надеялась создать рок-группу и свалить из дома наконец-то.

Ах да, все эти перепады от веры к сомнению сопровождались периодическим нахождением моих дневников и рисунков, скандалами и сжиганиями моих мыслей, стихов, всего самого дорогого, что у меня было. Я не хотела быть серой мышью! Я хотела стать рок-звездой.

К 16 годам все эти разговоры о боге меня окончательно достали. Я хотела гулять с друзьями. Мне было нельзя. Строго домой в 6 часов вечера, что ты надела, куда идешь, с кем идешь, никуда ты не пойдешь. Как же меня это бесило! В тот период я была совсем одна, я заинтересовалась готической культурой, периодически гуляла по кладбищу и думала о смерти, перенося все эмоции на бумагу в качестве рисунков, стихов и прозы, где в конце все умирали.

Я не была ни в какой компании, у меня почти не было друзей (одна подруга), с которой я могла видаться даже не каждый день (а зачем тебе опять с ней гулять?). Но мать (с чего бы это?) подозревала меня во всех грехах сразу: в 14 лет, когда у меня была задержка, она решила, что я беременна и послала меня к гинекологу! Она думала, что я давно со всеми сплю, что я прихожу пьяная, что я принимаю наркотики, что мои друзья наркоманы (какие друзья, мама?).

А смысл тогда быть хорошей девочкой? С поступлением в колледж у меня появилось больше свободы (не во дворе же под присмотром гуляю), и я стала приходить домой пьяная. Пару раз об мою голову сломали заколки, двинули в висок так, что я потеряла сознание, а еще раз избили до синяков. Но я была рада. Это был протест, адреналин, рок! Мне стало глубоко плевать на бога и церковь, я выкинула крест, хотя на меня опять надели новый. Петь в хоре я не переставала, кстати, притворяясь хорошей на людях, жила двойной жизнью. Это было очень интересно для меня.

Мать в очередной раз нашла дневник и стихи, которые, кстати, прогрессировали в своем содержании. Не выдержав, она отвела меня к психиатру. К настоящему, в ПНД! Психиатр сказал: она нормальная, ведите ее к психотерапевту. Отвели к психотерапевту. Я отбрыкивалась, думая, что

меня ждет очередная лекция о послушании и терпении. На удивление, психотерапевт оказалась милой и приятной женщиной, к которой я проходила почти полгода. Мне нравились сеансы с приятной музыкой, длинные разговоры, рисунки и тесты. Я выходила из кабинета полная желания жить. Мне просто нравилось, что она меня понимает.

Психотерапевт сделала вывод, что во многом — вина родителей, но те не захотели ничего слушать на этот счет, заявив, что они православные и лучше знают. Я все равно ходила к ней. Это был один из лучших периодов в жизни, вспоминаю с теплотой этого человека.

Я не переставала размышлять на тему веры, существования бога и смысла жизни. У меня появлялись новые вопросы, но православие не могло ответить на все. Эта концепция была слишком простой для меня, не учитывала множество нюансов жизни. Я не могла просто забить и делать так, как пишут «святые отцы» (это вообще кто и с чего они вдруг святые?). Мне нужно было докопаться — почему именно так? Я находила много белых пятен и недосказанностей в православной философии. Постепенно я пришла к выводу, что вообще эта философия вредит человеку. Я пришла к мировоззрению нью-эйдж, мне была симпатична концепция того, что все в руках самого человека, а бог, если он есть, то он вовсе не такой, каким его описывает Церковь. Ну вот представьте: для чего богу отправлять свое создание на вечные муки после смерти? Если бог бесконечен, непреодолим, то его невозможно оскорбить (в том числе и написанием с маленькой буквы). А ад — это скорее переживание самого человека, когда его мучает чувство вины (но с совестью всегда можно договориться, отсюда и разная степень наказания грешников). На чувстве вины прекрасно играет церковь и батюшки, страх и вина — лучшее средство для управления стадом. Но я не стадо. Я не овца. Я хочу брать бразды своей жизни в свои руки. Я наконец перешагнула сомнения и утвердилась в языческом мировоззрении. Наслаждение стало целью существования, а смыслом жизни стала сама жизнь.

Потом опять пришел период сомнения и штудирования различной информации: я перелопатила буддизм, индуизм и даже сатанизм, находя в них параллели. Я научилась медитации, различным шаманским техникам, стала острее чувствовать окружающий мир и наконец, познала фразу «Бог есть Любовь». Ошо об этом прекрасно пишет. Его книги нашли отклик во мне.

На тот период я уже не жила с родителями. В процессе поиска истины я применяла различные мировоззрения на себя, и все это называлось «сатанизмом» в глазах родителей. Меня поливали святой водой, отчитывали от дьявола, рвали вещи (я уже привыкла к этому). Я стала сбегать из дома, жила у друзей, даже у преподавателей, снимала комнату. Встретив свою любовь, я однажды ушла к нему. Мне хотелось куда угодно, только не с родителями. С мужчиной мы вместе уже около семи лет, счастливы и любим друг друга.

Что же вышло в итоге?

Сейчас мне 26 лет. Я не верю в бога. Но я знаю, что есть некий божественный разум, который держит Вселенную. Но это просто сила, она не контролирует твою жизнь до мелочей. Человек есть бог своей жизни. Он сам решает, куда ему свернуть и что из этого выйдет. И за свои поступки отвечает сам. Ад и рай – это не место, это состояния, которые человек может почувствовать уже при жизни. И эти состояния он тоже может контролировать. Я верю в безграничные возможности человека. Я не признаю слабость. Если есть желание – найдется возможность.

Я перечитала множество книг, различных учений, перепробовала много техник и упражнений по раскрытию внутренних возможностей. И я дошла до того этапа, когда надо забыть все эти знания, потому что они ограничивают тебя. Все, что есть на Земле – всего лишь человеческий опыт. И он может быть неверным. Мы не можем утверждать ничего точно, даже себе нельзя верить, ведь есть такие вещи, как стереотипы и призма собственной реальности. Да, у меня был внетелесный опыт, и я умею поворачивать события так, как мне нужно. Но нужно ли это? И было ли это? Или я снова пропустила все через призму собственного опыта?

Я не знаю, зачем я живу. Я не знаю, что будет после смерти. Я продолжаю искать ответы внутри себя и в окружающем мире. Но если даже наука не может дать ответы на все вопросы — кто, что их может дать?

Я шла через эту жизнь одна, я привыкла быть одна и добиваться всего самой. Даже мой мужчина не поймет меня до конца. Иногда мне бывает очень плохо, и я чувствую, что не нужна никому. Хотя нельзя так говорить, когда есть любовь. С родителями мы как бы помирились. Но я держусь с ними очень холодно. Если я и проявляю когда-нибудь тепло, то это не

воспринимается даже. Они относятся ко мне иногда с завистью. Ведь я устроилась в жизни, а в церковь не вернулась. Очень бесит, когда мои достижения обесцениваются фразой: «Это потому что мы молимся за тебя». Иногда они меня жалеют, ведь я, по их мнению, попаду в ад. Иногда я жалею их, ведь, по моему мнению, они не достигли ничего в этой жизни, и их ждет унылая старость. Я не знаю, люблю ли я их, для меня они просто верующие мужчина и женщина средних лет, которые очень узколобо мыслят и не желают слышать ничью иную точку зрения.

Я знаю, что тут есть православные читатели, я уважаю любую веру, но я ненавижу религию и церковь, которая сломала жизнь моей семьи. Если вы православный и имеете детей, вы наверно поняли из моего рассказа, какие ошибки допускать не следует. Не надо впихивать эту веру ребенку, не надо на все вопросы отвечать: «молись и кайся». Будьте эрудированы и мудры. И вообще, если вы не знаете, зачем вы приводите человека в мир, не рожайте детей. Аборт, кстати, не грех, но это уже другая история.

НО ЕСЛИ МОЯ ДУША ПОГИБНЕТ — ЧТО БОГ?

Анонимный автор

Мне 38 лет, и я больше 10 лет посещала храм. Меня никто никогда в церкви не обижал, а если кто и обидел, я этого не помню. В церковь я перестала ходить не из-за этого. Причины — глубоко личные, даже анонимно писать об этом трудно. Но об одной из причин мне хотелось бы сказать. Это вопрос, который не дает мне покоя и на который я так и не получила ответ.

Несколько лет назад я влюбилась. Он был женат. Никаких надежд мне не подавал, не могу его в этом обвинить. Но как это всегда бывает, я почему-то надеялась, что мы будем вместе. Отношения эти меня сильно выматывали эмоционально. Я все время ждала звонков, встреч, слов любви. Встречи были, а вот слов любви я не слышала, только какие-то намеки. Он часто делал мне больно. И вот одним из любимых его рассуждений (не удивительно, ведь он был психологом по образованию) было такое: любовь, мол, — это зависимость, болезнь. И я, мол, люблю слишком эмоционально, страстно, так нельзя. Я мучаю и его, и себя. Если людям вместе хорошо — им надо быть вместе. Если кто-то мучается, страдает — значит, в отношениях

что-то не так, их надо прерывать, потому что нехорошо же, если кому-то плохо, да? На мои слова, что он мне очень нужен, реакцией была лекция о том, что «нужен» — это неправильно, человек должен быть абсолютно независим и самодостаточен. И вот когда два самодостаточных человека вместе, потому что им хорошо, а не потому что они друг другу нужны, и жить не могут друг без друга — это и есть здоровые отношения.

Я стала об этом думать и видела, что здоровое зерно в этом есть. Но вместе с тем, что-то в этих умных рассуждениях мне казалось глубоко неправильным. Хотя и мое чувство, как я понимала, тоже — неправильное.

Мне часто бывало плохо в то время. Даже о самоубийстве были мысли. Я молилась, чтобы он меня полюбил. Молилась, чтобы Бог прервал наши отношения. Например, чтобы я заболела и мне стало не до любви. Понимаю, что это было глупо, но из песни слова не выкинешь. Но было полное ощущение, что никакого ответа от Бога я не получаю. И вдруг в какой-то момент мне пришло в голову — а нужна ли я Богу? Ну вот любимому я не нужна, ему просто хорошо со мной, а Богу? Известно, что Он всех любит, каждого одинаково. Но если моя душа погибнет — что Бог? Ведь Он всеблаг, вседоволен и всякое в таком роде. То есть, по идее, Ему все равно — одной душой меньше, одной больше, какая разница? И я написала знакомому священнику, спросила — нужна ли я Богу. И он ответил так: «Не нужна — но желанна». То есть практически так, как говорил мне любимый мужчина.

Почему-то это ввергло меня в тоску. Да, я читала в Евангелии, как пастух отправляется за одной потерявшейся овцой. Значит, мы нужны — как скотина, дающая шерсть и мясо? Да, я читала у митрополита Антония, что мы — как бы хирургическая перчатка, с нашей помощью Бог творит добро. То есть мы нужны как орудие Промысла. Еще я знаю, что Богу нужно изливать на кого-то любовь, и для этого Он создал нас. Но изливать любовь можно на 7 с половиной миллиардов человек, а можно на 10 человек. И если от этих миллиардов отнимется один, уйдет в небытие — что, Бог расстроится? Ему будет меня не хватать? Мне не верится в это. Я верю в человеческую любовь. Люди нуждаются друг в друге — это нормально. Самодостаточность — это для ангелов, парящих в эфире, людям нужно тепло, поддержка, глаза напротив.

С тем мужчиной у меня ничего не сложилось, как и было ясно с самого начала. Впрочем, у него и с женой не сложилось. И вся его теория пошла

прахом, когда его жена ушла от него к другому, который, оказывается, был у нее уже давно. Он звонил мне в поисках сочувствия, ведь мы «расстались друзьями», как положено рассудительным людям. Звонил пьяный, страдающий, и когда я напомнила ему, что люди должны быть самодостаточны и не должны ни в ком нуждаться, он разозлился и бросил трубку.

Мне очень хочется верить, что я нужна Богу, но я не верю. Оттого и в храм пока ходить не могу — зачем, там и без меня много людей, а мое отсутствие ничего не меняет.

КОГДА ЗАКОНЧИЛИСЬ ЧАСТИЧКИ...

Анонимный автор

Последнее время моя вера охладела. Я верю в Бога, но я перестала воспринимать церковность как благость. Вообще я не сама воцерковилась, как и многих детей меня в храм привели родители. Много перегибов было в воспитании, связанных с воцерковлением всей нашей семьи. И это не посты и длинные службы, это все цветочки, но жизнь нашей семьи просто изменилась. Моих воцерковившихся родителей кидало из одной стороны в другую. Аскетизм, отказ от благ мира сего, монастыри, дома жизнь без особых средств на проживание. Зато да, я видела подвиг. Подвиг, от которого у меня ехала крыша и сводило скулы. Но кому докажешь, что если ты подвижник, то не все готовы так же жить, как и ты. Как ребенок может объяснить, что он не против веры в любящего Бога, а против крайностей?

Можно много еще написать о моей церковной юности, о моем проживании в монастыре и о том, как я все же стала счастливой и как мне досталось мое счастье. Но сейчас история не о моей жизни, а о моем охлаждении и разочаровании.

В итоге родители привили в меня страх Божий, вдолбили в голову основу всех основ нашего верования. Что такое хорошо и что такое плохо, и что за плохо бывает еще хуже в аду. Это если кратко и грубо.

Но есть и другие, светлые стороны: я действительно считала себя искренне верующим человеком, и, конечно, было много светлых воспоминаний и о

детстве, и о праздниках церковных, был и личный опыт общения с Богом через службы и таинства.

Я сделала свои выводы о вере и воспитании. Я старалась забыть перегибы в нашей семье и почитать родителей. И вроде бы все стало ровно и понятно, пока я не столкнулась с современными служителями в церкви. Все православные дети моего возраста выросли, и многие стали священниками и даже благочинными. Все те, с кем я дружила в юности, теперь имеют сан и очень благочестиво смотрятся на людях. Они говорят красивые проповеди, но ничего из сказанного не соблюдают. Они одни в храме и совершенно другие дома. Конечно, это не может не расстраивать. Видя, как искренне люди верят их словам, и зная их поступки, начинаешь понимать всю лживость современной церковной структуры. Я знаю, что есть еще верующие отцы, для которых жизнь по заповедям — это основа, но их так мало, и их обычно не видно и не слышно.

Ну и последняя причина моего охлаждения к церкви — это то, что люди становятся просто не нужны. Есть обряд и его надо побыстрее совершить. Сегодня первый раз в моей церковной жизни меня не исповедовали и не причастили на Литургии. Я и так с большим трудом себя готовлю к причастию из-за того, что не очень стала понимать подход к исповеди и вычитыванию молитв без особого чувства покаяния. Но когда ты все же ползком ползешь к Чаше и веришь, что Сам Христос тебе поможет, а Его служители говорят, что частички закончились и нет священников для принятия исповеди, и отправляют причаститься на другой Литургии (я была на ранней), то тут наступает полное разочарование, опустошение. Я не знаю, как с этим идти дальше и возрастая духовно, я чувствую полное охлаждение и безразличие к церковной жизни.

РЕЛИГИЯ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ, ИЛИ ПОЧЕМУ Я НЕ ПОПАДУ В РАЙ

Анонимный автор

Время от времени, когда есть свободная минутка, читаю сайт «Ахилла», и вот, наконец, решилась написать о том, как я ушла из церкви. Конечно, были сомнения, а нужна ли кому-то моя история, интересна ли.

Но я надеюсь, что кому-нибудь пригодится, а еще мне просто хочется излить свои душевные переживания, но некому.

Семья у меня верующая. Бабушка сохраняла веру еще в советское время (тайно, конечно), дед, правда, был атеистом и таковым остался до конца своих дней. Мама тоже верующая, она и по сей день ходит в храм, исповедуется и причащается. Также приучает к вере и свою внучку (мою дочь).

Поначалу и я была верующей, училась в православной гимназии, очень хорошо знала такой предмет как Закон Божий, который нам преподавали. У меня всегда были пятерки. Помню, как один мальчик в нашем классе хотел стать священником в будущем, но у него было сложности с этим предметом и когда он не мог в очередной раз ответить на вопрос учительницы, то всегда отвечала я, на это он очень злился. Но углубляться и рассказывать здесь об обучении в православной гимназии я не буду. Здесь я хочу рассказать том, как я ушла из церкви, а также эта заметка содержит в себе некоторые советы женщинам и девушкам, сомневающимся делать или не делать аборт, стоит ли венчаться.

Итак, вот я, как и все православные девушки, хранила девственность до свадьбы. Честно говоря, думала, что уже вообще не выйду замуж, так как женихов, которые это могут оценить и еще согласиться на венчание, сейчас мало. Но в конце концов я нашла такого, мы обвенчались.

После свадьбы пошли первые нехорошие звоночки. Естественно, до свадьбы мы не жили вместе, и я не знала о том факте, что его отец алкоголик, причем буйный. Все это от меня скрывали. Как примерная жена, я переехала жить к мужу и вынуждена была лицезреть ужасное состояние его отца в алкогольном опьянении (мат, нападки на мою свекровь и т.д.). Помню, муж решил освятить квартиру — приехал батюшка, стал освящать, а свекор закрылся в одной из комнат и матерился оттуда. Эту комнату так и не освятили. Причем муж и свекровь считали это в порядке вещей и ничего не хотели менять. Сейчас я понимаю, что уже тогда нужно было бежать из этой семьи, но я боялась, как же, ведь у нас было венчание, а это один раз и на всю жизнь. Какой же я была душой!

А через два месяца я узнала, что беременна. Муж воспринял эту новость очень негативно. Он считал, что нам еще рано иметь детей. Не скрою, у меня

тогда проскользнули мысли об аборте, но я же верующая, не могла такой грех допустить. В результате мне все равно пришлось уйти из этого дома, потому что жить там, чтобы ребенок все это видел, стало невозможно. Ушла я к своей бабушке и маме (отец умер, когда мне было 7). Муж отказался уйти вместе со мной. Нашей дочке уже 10 лет, но мой муж и по сей день живет со своими родителями, его отец продолжает пить, несмотря на ухудшающееся здоровье. Сейчас муж платит алименты и иногда видится с дочкой. Какое-то время он встречался с одной православной девственницей 27 лет, они все вместе ходили в церковь, у них не сложилось, в церковь он больше не ходит.

Теперь переходим к самому главному, почему я все же ушла из церкви. Когда мы расстались с мужем (а это было практически сразу после рождения ребенка), мне было всего 22 года. Естественно, перспектива жить одной меня не радовала. Муж сам подал на развод и уже к тому времени жил в блуде с другой женщиной. Поэтому по церковным канонам я имела право выйти замуж снова. Но когда я начала искать нового мужа, то поняла, что с ребенком выйти замуж очень трудно, тем более, что по тем же канонам я снова не должна была иметь никаких отношений с мужчиной до брака. Мужчины не хотели иметь дело с женщиной с ребенком, да еще и с такими заморочками.

Никакие молитвы мне не помогали. Поначалу я молилась, чтобы бывший муж вернулся в семью, но потом поняла, что это безрезультатно. Батюшка на исповеди мне сказал, что, мол, мы тут в церкви не возвращаем бывших мужей. И я прекратила. Потом я молилась, чтобы снова выйти замуж, но опять ничего, молитвы не помогли, к каким святым я только ни обращалась!

А потом я забила на все это. Я ведь живу не в монастыре. В монастырь меня не возьмут, потому что сперва мне нужно вырастить дочку. Соответственно, живя в миру, я хожу на работу, езжу в транспорте и везде встречаю мужчин. И как нормальной здоровой женщине мне хочется мужской ласки.

Длительное воздержание оказало негативное влияние на мое психическое здоровье. Я стала раздражительной, нервной, стала ссориться с людьми на работе. И даже моя начальница советовала мне найти себе мужчину для секса, наблюдая изменения в моем характере. Что говорить, работа для меня важна, и я не могу позволить себе не работать. И здоровье тоже важно,

потому что мне еще воспитывать ребенка. Да, я нашла себе мужчину для секса.

На исповеди я рассказала об этом батюшке. Естественно, он сказал мне, что это смертный грех, что он не допустит меня до Причастия. Но что мне делать в этой ситуации, он не сказал. И другой батюшка тоже ничего не смог посоветовать. Вот уже несколько лет я не причащаюсь. Конечно, и в храме бываю из-за этого редко. И в рай я не попаду! Несмотря на все мои изначальные старания жить правильно по заповедям Божиим.

Что я в связи с моей историей могу посоветовать молодым девушкам:

1. Не нужно венчаться с мужчиной, если вы не прожили с ним много лет! Мои бабушка с дедом не венчались и прожили вместе 40 лет, а мой бывший венчанный муж бросил меня с ребенком, хотя после родов у меня разошлись кости таза и я первое время еле ходила.
2. Если после венчания вы обнаружили серьезные проблемы у мужчины (как в моем случае алкоголизм его отца и нежелание мужа ничего менять) — бегите от него и даже не думайте сохранять брак из-за того, что было венчание.
3. Конечно, я не могу советовать вам делать аборт, потому что потом у вас может не быть детей вообще. Но вы должны знать, что с ребенком мужчину будет найти очень трудно, хотя на православных сайтах вам красиво распишут, что якобы все у вас будет хорошо и мужчину найдете, потому что Бог пошлет. Не пошлет!

Кроме того, обычно женщине, которая стоит перед выбором рожать ребенка или нет, православные промывают мозги тем, что если она сделает аборт, то совершит страшных грех и будет вечно гореть в аду после смерти.

Вы должны помнить, что в любом случае в рай вам будет попасть трудно, это хорошо видно из моего примера. Абортов не делала, но в рай не попаду, меня даже к Причастию не допускают!

ПОЧЕМУ Я (НЕ)ВЕРЮ

Алексей Плужников

«Вера прекрасна», но... не верится

Пару назад я начал писать цикл статей на тему «Почему я не верю в... (причащение, исповедь, соборование, пост, общину)».

Сначала предполагалось перебрать многие церковные темы в этом ракурсе, но я остановился после пятого текста. Потому что понял, что эта «переборка» не имеет смысла. И надо написать последний текст на эту тему, который подведет итог сразу всему.

Сразу выдвину два тезиса, которые будут в дальнейшем объяснены.

- 1. Нет разницы между верой и неверием.*
- 2. Все находится лишь у нас в голове.*

Да-да, сразу слышу обвинения в крайнем субъективизме и даже солипсизме. Но так как я тоже окончил философский факультет и знаю много «страшных слов» (это анекдот такой, если кто не слышал: «Я знаю карате, айкидо, тхэквандо, кунфу и еще много страшных слов»), то я не буду здесь теоретизировать умными словами, не буду ни философствовать о трансценденциях и экзистенциях, ни, упаси боже, богословствовать. В рамках своей «парадигмы» я просто расскажу личную историю, «которая находится лишь у меня в голове», и расскажу самыми простыми словами.

Соответственно, согласно моей концепции крайнего субъективизма, каждый волен и вправе со мной не соглашаться — и я заранее согласен с вашим несогласием, потому что и это, то есть ваше несогласие, укладывается в мою концепцию — все находится у каждого в его и только его собственной голове и более нигде, поэтому мой опыт, мои слова могут быть для вас лишь гулким эхом в темном пустом подвале, ну а может, у кого и отзовется «на одной волне», потому что человек ощущал что-либо подобное (и это нас роднит, но только слегка).

Итак, про веру и неверие.

Как люди становятся верующими? Ну, те, кто с детства вырос в верующей семье и религиозность «впитал с пеленок», пусть сами расскажут (и рассказывают на страницах «Ахиллы»). Сам я родился и вырос в абсолютно нецерковной и нерелигиозной семье.

Хотя «христианином», вернее, «православным» меня сделали буквально через месяц после рождения, аж в далеком 1978 году в том самом

Казанском соборе Волгограда, в котором спустя 25 лет я проходил дьяконский и священнический сорокоуст. (Отвлекусь: перед хиротонией с меня потребовали свидетельство о крещении. Разумеется, ничего такого не выдавали моим родителям в то советское время, но вопрос был решен просто: мой настоятель договорился, и свидетельство мне нарисовали в соборе задним числом.) В крестные, естественно, выбрали родню, которая не имела ни малейшего понятия ни о Боге, ни о православии, ни об обязанностях крестных.

В доме на тему религии не говорили вообще никогда. Но сколько себя помню, рос я атеистом, причем убежденным. Скорее всего, на это влияли книги — всякие Павки Корчагины и прочая советская литература из детских и юношеских библиотек. Но почему мне было не все равно, как многим советским детям, а вот именно я был ярким антирелигиозником — я не знаю. Причем чем старше я становился, тем больше у меня укреплялись атеизм и антирелигиозность.

Но классе в шестом, то есть в начале девяностых, когда я одним из первых в школе снял с себя пионерский галстук, я где-то дома нашел простой алюминиевый крестик, с которым, как сказала мама, меня и крестили, и почему-то решил надеть его. Причем продолжая быть убежденным атеистом. Подчеркиваю: никакого влияния со стороны окружающих на мои взгляды и поступки не было, никого тема религии не интересовала никак.

Носил я крестик поверх рубашки, за что был жестоко высмеян учительницей истории, которая в присутствии всего класса сказала мне, что крестик этот нательный, поэтому и носится на теле, а не выпячивается перед всеми, мол, верующий еще выискался тут!

Я эту насмешку помню до сих пор, и вывод сделал: крестик спрятал, атеистом остался, но делать что-либо напоказ перестал. Спасибо той учительнице.

Единственная «религиозность», которую я помню из детства, это когда я бывал у бабушки, а она перед сном приходила ко мне в комнату, крестила окна, что-то бормотала невнятно себе под нос. Еще у нее стояла крохотная картонная иконка Николая Чудотворца, но я никогда не видел, чтобы перед ней молились. Я над бабушкой и ее надоконными манипуляциями посмеивался, она в ответ, когда мы играли с ней вечерами в карты,

в дурачка, спокойно говорила: «Ты просто еще ничего не понимаешь, вот вырастешь — сам верующим станешь».

На удивление, стал. Мало того, когда я воцерковился, мы с женой некоторое время жили с бабушкой в ее доме, и наша церковность бабушку раздражала: она ворчала, мол, зачем часто ходить в эту церковь, в секте вы, что ли, достаточно в душе веру иметь.

Когда я стал священником, бабушка хоть и ворчала, но потише. Перед смертью она несколько раз даже исповедовалась и причащалась, уж не знаю, насколько искренне или так, на всякий случай. Но это уже ее дело с Богом.

Как же я стал верующим? Виновата любовь.

В университете я встретил будущую жену. Она была верующей, я атеистом. В то время я уже начитался и Ницше, и Достоевского, и Бердяева, и Розанова, и Гессе, и Камю, и много чего такого, то есть некая почва в моей голове для взращивания интереса к вере уже была. Тем более, очень волновал вопрос: как же быть с вечностью, мол, любовь — она же вечная, а если один верующий, а другой — атеист, то невозможно же создать семью для вечной любви, если после смерти один окажется в аду, а другой — в раю?

И я, будучи влюбленным убежденным атеистом (подчеркну), то и дело «молился» Богу, в которого я не верил: если Ты есть — ну докажи мне это!

И Бог доказал. Ну, так я был тогда абсолютно уверен.

Однажды я собрался ехать в гости в деревню к своей будущей жене (я был тогда студентом). Вышел из дома, чтобы поехать на вокзал покупать билет на междугородний автобус. На плече сумка, в кармане жалкие гроши, которых как раз хватало только на билет и на дорогу до вокзала. И вот тут случился первый «промысел Божий»: почему-то на выходе из подъезда я сунул руку в карман и автоматически переложил все деньги, кроме одной мелкой бумажки, в сумку.

Едучи в троллейбусе, я продолжал молиться, чтобы Бог мне доказал, что Он есть. Вышел на остановке, спустился под мост и пошел к вокзалу по пустынной улице, смотря себе под ноги и продолжая молиться и размышлять о бренности бытия. И когда я поднял глаза, то сердце у меня

упало — передо мной стоял огромный шкаф, в виде амбала-кавказца со злобными глазками.

В то время (это 1998 год) в районе автовокзала вовсю промышляли наперсточники, и никто им не препятствовал. Амбал уверенно остановил меня (худенького невысокого парнишку) и сказал безапелляционно: «Так, иди сюда, — он подтолкнул меня к мгновенно появившимся из-за киосков другим бандюганам, которые разложили ящик, наперстки и окружили нас кольцом, — будешь „играть“, народ привлекать. Ну, быстро!»

На меня напало оцепенение, но одновременно со страхом на меня всегда спускается злость, перерастающая в бесбашенность. Гопник помахал наперстками, и я «выиграл» крупную купюру, которую мне сунули в руку.

«Ну, что, давай ставь эти деньги, играем дальше, вон уже люди подходят!» — подтолкнули меня. Но вместо подчинения я сжал эту купюру так, что она стала рваться у меня между пальцев.

«Ты что творишь, мразь?!» — заорали на меня гопники, один схватил за плечи, другой стал выдирать купюру из руки, кто-то ударил меня с размаха по зубам, еще один срочно хлопать меня по карманам, выудив оттуда мою мелкую купюру, которая была на проезд по городу.

После этого они, видимо, поняли, что слишком много шума выходит, и вытолкнули меня из своего круга. Я стоял в шоке в трех метрах от них, у меня звенело в голове от удара, языком я чувствовал кровь во рту, а в голове я ощущал безоговорочно и абсолютно только одно, будто окно открылось в иной мир: вот и ответ!

Но это еще был не весь ответ: ко мне подбежал один из той братвы и... сунул мне в руку мои деньги, прошипев «убирайся отсюда!».

В мгновение ока все наперсточники исчезли, а я остался стоять. Но теперь я уже был не атеист, но верующий. Потому что мне Бог в течение нескольких секунд показал: вот есть сатана и его приспешники, вот так ты можешь попасть в их лапы, а вот так Я могу тебя вырвать из их рук, сохранить твои деньги, отложенные на автобус (напомню, переложённые ранее в сумку из кармана, откуда их неминуемо бы украли), да еще и деньги на проезд по городу вернули обратно. И из всей ситуации я вынес только кратковременный шок, разбитую губу и веру.

А вот теперь скажите — это был тот самый Божий промысел, Его ответ или... та случайность, то совпадение моих мыслей в моей голове (подготовленной почвы) со стрессовой ситуацией, которое перевернуло мое сознание?.. Тогда и долгие годы после я был уверен, что первое, сейчас... Сейчас я вообще ни в чем не уверен, но в любом случае — и «Божий промысел», и мои молитвы, и моя готовность, и мои сомнения, и моя «внезапно» появившаяся вера все равно находились и находятся лишь в моей голове. То есть безусловной реальностью в тот момент были бандиты, а все остальное — тут уже реальность достраивал я сам, внутри своего сознания.

Но стать верующим мало, надо ведь стать конкретным верующим, то есть выбрать конфессию. Вот сейчас будет важное уточнение: в тот момент я твердо поверил в абстрактного Бога, но чуть позже я задал себе вопрос: что же, теперь надо верить и в Иисуса, и в Божью Матерь, и во весь прочий Символ веры, Предание и т.п.? Ну, надо так надо, я же теперь смиренным должен быть и принимать веру — на веру. И я стал убеждать себя в том, что я во все это верю — начал читать книжки духовные, то есть конструировать, или, по-нашему, по-духовному, возвращать в себе веру в конкретные религиозные догматы.

Разумеется, я почти сразу решил стать православным — ну, в России это первая дверь на очереди. К католикам не пойдешь — они непонятные, у них какой-то там непогрешимый папа в Риме, иезуиты и инквизиция, да и будущим священникам жениться нельзя (огромный им минус от влюбленного студента); я в нашем городе видел лишь один их храм, да и тот казался недоступным, будто туда пускают только своих, проверенных иезуитской канцелярией.

Сходили разок к адвентистам седьмого дня (сокурсница в университете была оттуда). Но в их розово-пряничном храме меня чуть не стошнило от елеса. Эти бесконечные нелепые улыбки, натянутое на русский мрачный нрав американское благодушие, «здравствуй, брат!! здравствуй, сестра!!», эти песенки под гитару, аллилуйи и простыни на голове (разыгрывалась некая сценка на евангельскую тему на подиуме-«амвоне»), пастор в костюме, сбор пожертвований в корзиночку — больше меня туда не потянуло никак.

И тут мы пошли в местный мужской монастырь. На всеобщую. А там... А там хоть и храм, переделанный из казарменного спортзала, но зато — полутьма, каждение, величавый владыка Герман посреди храма (можно было стоять

Ну оставил бы меня атеистом, ну не дал бы мне рукоположиться (я бы, может, хоть профессию нормальную нашел тогда) — зачем мы вместе потратили столько времени, о котором я так теперь жалею, что мог бы потратить его куда как с большей пользой?

Прошу понять меня правильно и не выхватывать цитаты из контекста — я не предъявляю Богу никаких претензий, как не предъявляю их Церкви, РПЦ, архиерею или духовнику. Я всю эту историю рассказываю для другой цели — показать, что все мои поступки, обретение веры, как и ее потеря являются лишь следствием того, что происходит у меня в голове.

Я обращался к Богу, в которого не верил. Я воспринял ситуацию с бандитами как Божий ответ, я решил потом устраиваться в конфессии, я решил стать священником — был ли тут вообще рядом Бог и участвовал ли Он каким-то образом в моих мыслях и действиях? Да Бог его знает, извините. Мне не на что опереться, кроме как на самого себя и свое сознание.

Раньше я был во многом уверен: уверен в Божьем промысле, я находил бесконечные следы Его участия в самых мелких и крупных событиях моей жизни. Я был уверен в том, что я никогда не разуверюсь, я был уверен в существовании вечной любви, я был уверен, что стать священником — наивысшее счастье. Но эта моя уверенность — какую ценность имеет она? Это вера, которая дана Богом как объективная реальность, или это всего лишь упертость моего Я в тупиках собственного Оно? А когда моя жизнь и мои взгляды изменились — это Бог эту новую реальность создал, я ее изменил или это по-прежнему лишь процессы в моей голове, и неясно — насколько я за них отвечаю, а насколько шарики за ролики закатываются сами по себе?

Поэтому я и говорю: нет никакой принципиальной разницы между верой и неверием, между «силой» веры, маловерием, агностицизмом, атеизмом. Нет никакой существенной разницы между выбором конфессий или вообще уходом в тот или иной вид мистицизма — все это лишь процессы в моей или вашей конкретной голове, в которых человек «не виноват».

Где мне взять авторитет для моей веры? В Библии? А почему не в Коране или книге Мормона? Почему я должен предпочесть одну книгу, а не другую? Почему миллиарды людей делают выбор в пользу Библии, а другие миллиарды — в пользу Корана, а третьи — в пользу буддистского учения, а четвертые — в пользу атеизма? А почему вообще я должен выбирать Книгу

или книги «святых отцов»? Может, персональное откровение от Бога надежнее будет? (Вот только как отличить это откровение от галлюцинации или «прелести»...)

Чем одни люди и их процессы в сознании лучше или хуже других, истиннее или ошибочнее, умнее или глупее, «от Бога» или «от сатаны»? Где лично мне взять критерии, кроме как, опять-таки, в своей голове, в своей воле, в своем выборе — сознательном или в качестве «дара от Бога», как я могу это называть, чтобы утешиться тем, что я правильно ткнул пальцем в небо и попал в нужную точку-звезду, находящуюся за миллиарды световых лет да и ту давно уже потухшую?

У нас есть какая-то худо-бедно «объективная реальность» — люди, природа, наша обыденность. Но мы даже нашу реальность не всегда способны отличить от сна, особенно когда мы спим или больны (особенно психически). И сны или галлюцинации бывают красочнее и приятнее, чем наша обыденность. Что уж тут говорить о «божественной реальности», о вере. Тут уж точно сравнивать надо не с реальностью вокруг нас, а со снами — насколько все это «настоящее». Мы ли спим, или мы являемся чьим-то сном (ой, что-то меня заносит в «Туман» Мигеля де Унамуну, простите), так или эдак все «на самом деле», и есть ли это «самое дело», или весь мир, все бытие сосредотачивается внутри моего Я, которое то вспыхивает, то гаснет... Закрываю глаза — и то ли умираю, то ли меняю реальности. Открываю — то ли возвращаюсь в реальность, то ли продолжаю видеть сон...

Я больше ни в чем не уверен — ни в Боге, ни в вечности, ни в религии, ни в вере, ни в самом себе. И мало того, меня больше не волнует, согласны ли со мной другие — это раньше, будучи православным да еще попом, я волновался, что бедных заблудших и «погибающих» надо «спасти», вразумить, помочь вернуться на единственный правильный путь...

А сейчас я чувствую себя свободным, даже от Бога. И, как я упоминал, в последние годы я все больше думаю, что Бог, если Он есть (почему-то мне кажется, что скорее есть, чем нет), мало интересуется нашими делами и не занимается никаким «промыслом» среди наших мелких и пошлых дел. Ну, создал разок, дал совесть — ну и живите, детки, «ходите передо Мною», не хулиганьте особо. А там уж как-нибудь разберемся, после смерти. Или после «пробуждения».

Может, так. А может, святые отцы правильно все понимали в своих головах, а моими устами говорит искушитель и я пойду в ад. Тоже вариант. Но, побуду занудным, все эти варианты находятся сейчас лишь в ваших конкретных головах, а в других головах находятся другие варианты, не менее и не более «правильные». И исчезнут оттуда, как только вы ляжете спать.

Красочных и счастливых снов вам, кстати. Лично у меня они интереснее всеобщей.